

Живая история

А. В. Еропкин

Записки члена
Государственной
думы

Воспоминания
1905—1928

Живая история (Кучково поле)

Аполлон Еропкин

**Записки члена Государственной
думы. Воспоминания. 1905-1928**

Издательство «Кучково поле»

2016

УДК 82-94
ББК 63.3(2)52

Еропкин А. В.

Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905-1928 /
А. В. Еропкин — Издательство «Кучково поле», 2016 — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0505-6

Мемуары А. В. Еропкина, русского публициста и общественного деятеля, охватывают период с 1905 по 1928 год. Он начинает их в то время, когда его избирают депутатом от Рязанской губернии в Государственную думу I созыва, и заканчивает уже в эмиграции, в Белграде, сотрудником газеты «Политика». Еропкин стал очевидцем переломного в истории России периода. Дума I и III созывов, где он входил в партию октябристов; война и ее восприятие внутри страны; революция; положение на Украине в 1918–1920 годах, куда автор был отправлен Земским страховым союзом, и в Крыму во время красного террора – вот те темы, которые освещаются в мемуарах. Достоинства этого произведения не исчерпываются исторической значимостью – живой, богатый язык, увлекательное изложение, знакомство автора со многими знаменитыми личностями той эпохи (С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин и др.) делают мемуары интересными не только для специалистов, но и для всех любителей русской истории. Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Государственном архиве РФ. Вступ. ст. и коммент. К. А. Соловьева. Издано при поддержке Фонда «Связь Эпох». Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 1-380.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-9950-0505-6

© Еропкин А. В., 2016

© Издательство «Кучково поле», 2016

Содержание

Депутат Еропкин и его воспоминания	7
Записки члена Государственной думы:	14
Глава I	14
Глава II	55
Глава III	86
Глава IV	118

А. В. Еропкин
Записки члена Государственной
думы: Воспоминания. 1905 -1928

© ФКУ «Государственный архив РФ», 2016

© Соловьев К. А., вступ. ст., коммент., 2016

© Оформление. ООО «Кучково поле», 2016

Депутат Еропкин и его воспоминания

*Sic transit gloria mundi!*¹ К 1 марта 1917 года туман думской монархии рассеялся, а вместе с ним ушли в неизвестность герои газетных репортажей последних десяти лет – народные представители, и среди них Аполлон Васильевич Еропкин.

Он родился 3 декабря 1865 года в семье рязанских помещиков средней руки. Родовое имение Еропкиных Кораблино – это 385 десятин земли, просторный дом, огромный сад, экипажи, лошади – иными словами, дворянское гнездо, не приносившее больших доходов, но неизменно поддерживавшее связь времен и поколений. В 1886 году А. В. Еропкин окончил рязанскую гимназию, а в 1890 году – юридический факультет Московского университета. В дальнейшем судьба уготовила ему место на государственной службе, в канцеляриях. В 1890–1893 годах А. В. Еропкин – чиновник особых поручений Рязанской казенной палаты, с 1893 года ее податной инспектор, а с 1899 года начальник отделения. В 1903 году он был приглашен в Департамент окладных сборов Министерства финансов для разработки Положения о государственном промысловом налоге². Этим торным путем А. В. Еропкин мог бы идти и дальше, если бы не революционные события 1905 года, которые землевладельцы Рязанской губернии ощутили в полной мере. И хотя имение Еропкина не пострадало, он тогда предпочел избавиться от значительной части своих владений, продав около половины земель крестьянам³.

Еропкин ушел с головой в политическую жизнь, готовясь к будущим выборам в Государственную думу. В Рязани образовался политический кружок, в который кроме Еропкина вошли князь Н. С. Волконский, присяжные поверенные Н. И. Родзевич и С. С. Климов. Впоследствии эта группа присоединится к «Союзу 17 октября», став основой рязанского отдела партии октябристов⁴. При этом А. В. Еропкин показал себя незаурядным публицистом. Он сотрудничал в ведущих журналах России: «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Народном хозяйстве» и т. д.⁵ Отличительная черта Еропкина как политического мыслителя и оратора – отсутствие какого-либо страха сказать то, что явно диссонировало с общественным мнением и настроениями аудитории.

Так, в 1905 году во время споров о вероятной системе выборов в Государственную думу он высказывал свое жесткое неприятие известной четыреххвостки: всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Он был убежден, что выборы в России не могут быть прямыми, так как это обеспечило бы тотальное доминирование крестьянства в представительном собрании. По мнению Еропкина, такое положение было чревато негативными последствиями. В таком случае не учитывались бы интересы ничтожно малых по сравнению с крестьянством групп, несмотря на то, что эти группы были как раз наиболее подготовленными к государственной деятельности. А. В. Еропкин предлагал ядро будущей Думы формировать из представителей земских собраний, конечно, при условии предварительного преобразования самого земства⁶. Эта точка зрения тем более естественна и органична, что «Союз 17 октября» часто именовали земской партией. Действительно, основу руководства объединения составляли председатели земских управ и предводители дворянства, кровно связанные с идеей упрочения положения органов местного самоуправления. «Отнимите у деревни земского учителя, земского доктора, земскую акушерку, земского агронома, земского ветеринара, какие же правительственные силы

¹ Так проходит мирская слава (*лат.*).

² Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2006. С. 196–197.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 4–5.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ *Еропкин А. В.* Земство и народ: К вопросу о народном представительстве. М., 1905. С. 17–18.

останутся в деревне? Урядник и сиделец винной лавки», – утверждал А. В. Еропкин на заседании Центрального комитета «Союза 17 октября» 19 января 1914 года⁷.

Однако правительство рассчитывало на крестьянство, ожидая, что оно пошлет в депутаты славянофилов и монархистов. По словам Еропкина, в избирательных собраниях все «тонуло в крестьянах». Рязанским либералам пришлось немало потрудиться, чтобы переманить одного из них на свою сторону, дабы и «господа» (в их числе и Еропкин) могли оказаться в Думе. Однако в I Государственной думе малочисленной группе октябристов, находившейся на периферии политических событий, оставалось лишь ждать неизбежного роспуска народного представительства⁸.

8 июля 1906 года Государственная дума была распущена, премьер-министром стал П. А. Столыпин, деятельность которого тесно переплелась с судьбой «Союза 17 октября». И по его «вине» 12 августа 1906 года могло бы стать последней датой в биографии А. В. Еропкина. На тот день бывшему депутату был назначен прием у председателя Совета министров. Перед тем как отправиться на Аптекарский остров к Столыпину, Еропкин заехал к товарищу министра финансов Н. Н. Покровскому, который и задержал гостя, невольно оказав тому большую услугу. В противном случае А. В. Еропкин мог бы оказаться среди 27 убитых или 32 раненых, сидевших в приемной премьера и пострадавших в результате террористического акта, направленного против Столыпина. Пароходик с Еропкиным лишь подходил к Аптекарскому острову, когда раздался оглушительный взрыв⁹.

Во II Государственную думу А. В. Еропкин не был избран. Но он не оставлял надежды на реформу избирательного законодательства, которая могла бы уравновесить крестьянские голоса дворянскими, купеческими, мещанскими. Еропкин составил по этому поводу записку и отправил ее председателю Совета министров через брата последнего – А. А. Столыпина, журналиста газеты «Новое время» и члена ЦК «Союза 17 октября». Этот проект во многом предвосхищал избирательный закон от 3 июня 1907 года¹⁰.

Новое положение о выборах давало октябристам шанс на победу, который нельзя было упустить. «Союз 17 октября» организовал специальный разъездной комитет, целью которого была агитация на местах в пользу кандидатов-октябристов. Место А. В. Еропкина среди ведущих ораторов партии не вызывало сомнений. Он объездил Саратов, Ростов, Новочеркасск, Калугу, Жиздру, Харьков, Полтаву. Основные оппоненты на предвыборных собраниях – кадеты. В Калуге пришлось соревноваться с В. П. Обнинским и Ю. А. Новосильцевым. Иногда сражался со «звездами» первой величины – А. А. Кизеветтером и Ф. И. Родичевым¹¹. Зная таланты кадетских ораторов, А. В. Еропкин как-то заметил члену Государственного совета М. В. Красовскому, что октябристам трудно с ними тягаться. «На это Красовский, лично не знакомый со мною, возразил: „Что вы? А Еропкин-то! Он им спуску не даст!“ – и принялся расхваливать меня же в глаза. С величайшим чувством неловкости я должен был его остановить и сказать ему, что я и есть Еропкин. Он смутился, и мы сухо расстались»¹².

А. В. Еропкин был избран депутатом III Государственной думы от Рязанской губернии. Вновь помогло соглашение с крестьянином. Октябристы провели в Думу крестьянина И. И. Лукашина, а он вместе со своими друзьями в ответ провел в депутаты рязанских октябристов: князя Н. С. Волконского, Д. А. Леонова, М. К. Сафонова и А. В. Еропкина¹³. Впереди пять бурных лет. «Третья Дума деловая, рабочая, я сказал бы, чернорабочая, потому что она

⁷ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг. М., 2000. Т. 2. С. 456–457.

⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 37.

⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 36.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 43–44.

¹² Там же. Л. 44–45.

¹³ Там же. Л. 46.

взвалила на свои плечи всю тяжесть текущей законодательной работы», – говорил А. В. Еропкин. Он был членом пяти думских комиссий, докладчиком Бюджетной комиссии (в первую сессию и ее секретарем) и Комиссии по экономическим вопросам¹⁴. «Палата заседает в комиссиях», – цитировал известную английскую формулу А. В. Еропкин на предвыборном собрании 23 сентября 1909 года¹⁵. Однако он сам впоследствии признавался, что в «Бюджетной комиссии приходилось так много заниматься, что для работы в остальных комиссиях не оставалось времени»¹⁶ Еропкин пользовался известной популярностью: публика на галерке ждала его речей и специально приходила послушать докладчика¹⁷. Приезжал на его выступления и министр финансов В. Н. Коковцов, чтобы не оставить реплики Еропкина без ответа. А оратор подвергал жестокой критике министерство, обвиняя его в отсутствии какой-либо программы финансовой политики¹⁸. Очевидно, речи А. В. Еропкина производили столь же сильное впечатление и на товарища министра финансов Н. Н. Покровского. Так, ему хорошо запомнилось выступление Еропкина в ноябре 1909 года, посвященное законопроекту о налогах с городского недвижимого имущества. Эта речь имела существенное влияние на настроения в Думе. Депутаты из Финансовой комиссии буквально прибежали к Н. Н. Покровскому и попросили его выступить в защиту проекта: в противном случае его ждала печальная участь. Долгое выступление товарища министра лишь отчасти помогло делу: был принят переход к постатейному чтению, однако проект был передан на обсуждение особой комиссии, что заметно задержало его принятие¹⁹.

В 1911 году А. В. Еропкин совершил путешествие по России, осматривая результаты землеустроительных работ в ходе реализации реформ П. А. Столыпина. «Столыпин очень сочувственно отнесся к моей мысли осмотреть на месте, как идет дело землеустройства, и немедленно при мне по телефону отдал распоряжение, чтобы мне было оказано всякое содействие. Мне необходимо было спешно выехать из Петербурга, так как о маршруте своем я уже сговорился с министром Кривошеиным по телефону. Нами были намечены губернии: Витебская, Саратовская, Самарская и наша Рязанская. В первых трех губерниях хуторское устройство шло наиболее успешно; свою же Рязанскую я выбрал для сравнения, для контраста. Должен оговориться, что я предпринял эту поездку на свой счет и на свой риск. Дорогой я записывал свои впечатления и напечатал ряд статей в “Санкт-Петербургских ведомостях” под заглавием “По хуторам”». В Рязанскую губернию А. В. Еропкин отправился уже после смерти Столыпина. По его собственным словам, это было во многом по инерции²⁰. Он не верил, что реформы сохранят прежнюю динамику при новом правительстве.

Известность стоила Еропкину больших трудов. Жизнь депутата на два дома – в Петербурге и Москве – была в финансовом смысле весьма обременительна. «Приходилось еще работать в “Новом времени” и в “Голосе Москвы”, где я зарабатывал до 300 рублей в месяц построчно. Работа эта делалась нелегко: после заседания Думы, усталый, я садился за отчет думского заседания, чтобы ночью передать его по телефону в Москву»²¹. Имение Кораблино давало незначительный доход, так что приходилось искать дополнительный заработок. Как вспоминал коллега Еропкина по Думе С. И. Шидловский, «нельзя сказать, чтобы и жалованье в 4800 рублей (которое полагалось депутату. – К. С.), было особенно щедро к потребностям семейного рядового интеллигента, не имеющего средств. Уже через год после созыва тре-

¹⁴ Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. С. 197.

¹⁵ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг. Т. 2. С. 67.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 55–56.

¹⁷ Там же. Л. 64.

¹⁸ Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 1-я. Стенографические отчеты. Т. 3. Стб. 3583.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 40. Л. 7 об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 85.

²¹ Там же. Л. 73.

твей Государственной думы началась серия отказов и сложения полномочий по соображениям чисто материального свойства, и Дума потеряла чрезвычайно ценных работников... Для них существование в Петербурге на получаемое жалованье оказалось невозможным, и они с большим прискорбием были вынуждены отказаться от полномочий, которыми очень дорожили»²².

За помощью Еропкин обратился к члену Государственного совета, бывшему министру земледелия А. С. Ермолову, с которым был знаком еще по Рязанскому земскому собранию. Через несколько дней Еропкин получил приглашение от бывшего министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева: тот предложил занять место директора Ленского золото-промышленного товарищества – должность, обещающую зарплату в 500 рублей в месяц, не считая дополнительных доходов. Необходимость переизбрания прежнего совета директоров возникла под давлением общественного мнения после Ленского расстрела рабочих в 1912 году²³ А. В. Еропкин оставался в этой должности до 1917 года, когда путем обмана и интриги был смещен со своего поста²⁴.

Вскоре после назначения работа в «Лензото» стала основной для Еропкина, так как в IV Государственную думу он не попал. К 1912 году правительство коренным образом изменило свое отношение к октябристам. Местная администрация всячески стремилась подорвать шансы представителей центра и левого крыла партии на избрание в Думу нового созыва. Основным ресурсом для этого служило мобилизованное духовенство, строго подчинявшееся приказаниям церковного начальства. Именно благодаря голосам священников А. В. Еропкин был забаллотирован в Думу. Причем ему не хватило одного голоса – своего собственного: ведь Еропкин голосовал за всех кандидатов. Однако во время выборов процедура была нарушена, и их результаты удалось опротестовать. Но и со второго раза А. В. Еропкин депутатом не стал²⁵.

Февральские дни 1917 года Еропкин встретил в Петрограде. Он жил в самом эпицентре событий – на углу Литейного и Невского проспектов, и революция разворачивалась на его глазах. Еропкин свидетельствовал: «Волнения начались постепенно, и умная государственная власть, конечно, могла бы их потушить. Как и всегда, вопрос в буквальном смысле о куске хлеба; хлеба в Петербурге недоставало, и в то время избалованное население не привыкло еще и не признавало никаких очередей в ожидании покупки хлеба, и оно особенно негодовало, когда эта лишняя затрата времени оканчивалась ничем, когда булочник объявлял, что хлеба больше нет. Больше всех, конечно, волновались женщины, на которых главным образом и ложилась эта нудная обязанность стоять в очередях за хлебом. Первая толпа недовольных на Невском проспекте состояла в большинстве из женщин. Демонстрации все усиливались, и толпы на Невском появлялись все чаще. Для разгона этих демонстраций прибегали к конным отрядам казаков. Но казаки вели себя миролюбиво: стоит связываться с бабой?»²⁶ Власть прибегала ко все большей жестокости и тем самым все более себя дискредитировала. По мнению Еропкина, переломным моментом стала стрельба в толпу с чердаков на Невском проспекте. После этого ситуация вышла из-под всякого контроля²⁷.

С июля 1917 года, после отставки с поста директора Ленского золотопромышленного товарищества, А. В. Еропкин остался практически без всякого заработка. Он хватался за любую работу. Так, летом 1917 года по поручению обер-прокурора Святейшего синода В. Н. Львова он начал готовить доклад о церковном хозяйстве в России. Впоследствии патриарх Тихон отказался что-либо за это платить. И лишь официальная документация, подтвер-

²² Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 128–129.

²³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 74.

²⁴ Там же. Л. 77–78.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 91–92.

²⁶ Там же. Л. 118–119.

²⁷ Там же. Л. 120.

ждавшая заказ, добытая в свое время с большим трудом, заставила новое руководство выдать необходимую сумму. Это был последний заработок Еропкина в старой России²⁸.

После октября 1917 года жизнь в Петрограде становилась все труднее. Еропкин вместе с семьей был вынужден регулярно выезжать в Финляндию «поесть хлеба»²⁹. Можно было поселиться в имении Кораблино, но там уже полновластно господствовали крестьяне.

Уже в эмиграции Еропкин не оставлял мысли о необходимости аграрной реформы в России. Он исходил из того, что принцип частной собственности должен быть в полной мере восстановлен. Это вынуждало поставить под сомнение факт национализации помещичьего землевладения. Но вместе с тем Еропкин признавал, что вернуть землю прежним владельцам уже не удастся. Для выхода из этого заколдованного круга он предлагал следующую финансовую операцию. Крестьяне получали в собственность захваченную землю, но в виде ипотечного кредита, который бы позволил расплатиться с помещиками. «Единственное, что различает предстоящую операцию от обычных банковских ипотечных операций – это отсутствие добровольного соглашения между сторонами, т. е. помещиками и крестьянами. Помещик уже согнан со своей земли, его право на землю уже нарушено...»³⁰ При этом Еропкин был убежден, что сельское хозяйство в России все равно вернется к крупным формам землевладения как наиболее эффективным³¹.

С 1918 года А. В. Еропкин работал в Земском страховом союзе. 20 августа 1918 года он отправился в командировку на Украину. На Еропкина была возложена обязанность вести переговоры с правительством гетмана П. П. Скоропадского о расширении сферы деятельности Московского страхового союза³². Ситуация, казалось бы, облегчалась тем, что заместителем министра внутренних дел Украины был бывший коллега Еропкина по Думе и по фракции октябристов С. Т. Варун-Секрет. Однако переговоры шли с большим трудом, натываясь на упорное сопротивление украинской стороны³³. Между делом Еропкин по поручению Земского страхового союза съездил в Ростов³⁴. Когда он вернулся в Киев в октябре 1918 года, там состоялось совещание бывших членов Государственной думы. Тон на нем задавал П. Н. Милоков. Присутствовавший на совещании Ф. И. Родичев советовал А. В. Еропкину не возвращаться в Москву, где его ждал неминуемый арест. Опасения Родичева подтвердил и бывший член ЦК партии «Союз 17 октября» Г. Г. Лерхе. Еропкин решил остаться на Украине. Благодаря протекции С. Т. Варуна-Секрета он получил работу в МВД в качестве уполномоченного по устройству украинских беженцев в Крыму³⁵.

В Крыму он встретил своего старого знакомого Н. Н. Богданова, министра внутренних дел в краевом правительстве. И уже от имени Крыма Еропкин был послан в командировку в Ростов для ведения переговоров о заключении займа и для зондирования почвы о возможности продовольственного снабжения. В сентябре 1919 года он вновь перебрался в Крым, а с 13 сентября – он уже в Феодосии³⁶. Тогда же Еропкин вошел в Комитет содействия Вооруженным силам Юга России. После отъезда Л. Л. Катуара он стал заведующим финансами комитета³⁷. В октябре 1920 года А. В. Еропкин наряду с В. Н. Коковцовым, П. Л. Барком, В. И. Гурко при-

²⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 143–145.

²⁹ Там же. Л. 154.

³⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 173.

³¹ Там же. Л. 178.

³² Там же. Л. 180.

³³ Там же. Л. 185.

³⁴ Там же. Л. 190.

³⁵ Там же. Л. 218–219.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 248.

³⁷ Там же. Л. 257–258.

нял участие в Экономическом совещании, где обсуждались перспективы финансовой помощи Белому движению, которое уже отсчитывало свои последние дни³⁸.

30 октября (12 ноября по нов. ст.) 1920 года П. Н. Врангель отдал приказ об эвакуации. В первую очередь готовился к отплытию офицерский корпус, что вызывало раздражение у всех остальных – безоружных, оставляемых на погибель. Толпы, скопившиеся в порту Севастополя, могли лишь гадать, хватит ли на всех мест³⁹. «Идут часы. День уже клонится к концу, на дворе уже вечер, а посадка все продолжается, и народу на молу все еще много. Как будто и не убавляется. И все идут какие-то военные части, больные и раненые из лазаретов, кадеты из корпусов, таможенные чины, комендатура и т. д. Опять военные впереди гражданских, убийственная сила привычки, как в городах за хлебом, так и покидая поля сражений»⁴⁰.

2 ноября пароход с беженцами прибыл в Константинополь⁴¹. Однако совершить разгрузку он не мог и стоял в гавани до 13 ноября, пока не отправился в Констанцу, в Румынию. Там будто бы королева ждала русских эмигрантов с распростертыми объятиями. В действительности в Румынии не знали, что делать с русскими беженцами, и после нескольких дней пребывания в порту Констанцы, пароход отправился к берегам Турции⁴². Наконец, 28 ноября беженцы были высажены в Греции, в Салониках, – без средств к существованию, предоставленные сами себе⁴³. А. В. Еропкин мучительно искал возможности для заработка. Он пробовал красить автомобили, пилить дрова на лесопильне, торговать готовым платьем. Однако ничего не выходило, всюду Еропкин терпел убыток. Больше удавалось его жене: она давала уроки музыки, работала переводчицей с французского языка при уполномоченной от Женевского Красного Креста. Эти первые месяцы скитаний на чужбине протекали на фоне очевидного падения нравов среди русской эмиграции: пьянство, азартные игры стали привычным занятием многих беженцев. Воровством уже промышляли бывшие генералы⁴⁴.

Весной 1921 года А. В. Еропкин с семьей переехал в Белград. Благодаря помощи представителей русской диаспоры он получил должность официала в Сресском суде, т. е. секретаря в уездном суде, как бы это называлось в Российской империи, а затем работу в Министерстве финансов Югославии⁴⁵. Вместе с тем с 1922 года он начал сотрудничать в югославской газете «Политика», где преимущественно освещал финансовые вопросы⁴⁶. Со временем работа в газете стала основной для Еропкина. Кроме того, он писал воспоминания, которые закончил в 1928 году.

Читатель этой книги может с легкостью убедиться, что воспоминания живые и яркие. Мемуарист был наблюдательным, ироничным и, что немаловажно, самокритичным человеком. Порой, полагаясь на память, он ошибался, допускал неточности, но при этом оставался искренним и откровенным рассказчиком.

Ныне рукопись воспоминаний хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335). В данном случае предлагается публикуемый впервые полный текст воспоминаний, подготовленный в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, при сохранении особенностей стилистики автора. Явные опечатки исправлены без оговорок.

³⁸ Там же. Л. 268.

³⁹ Там же. Л. 273–274.

⁴⁰ Там же. Л. 276.

⁴¹ Там же. Л. 281.

⁴² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335.. Л. 285–287.

⁴³ Там же. Л. 296.

⁴⁴ Там же. Л. 312–314.

⁴⁵ Там же. Л. 361–366.

⁴⁶ Там же. Л. 370.

К. А. Соловьев

Записки члена Государственной думы: Воспоминания. 1905–1928

Посвящается Николаю Пашичу⁴⁷ и Карелу Крамаржу⁴⁸

Ночь

*В России – ночь. И ночь в наших сердцах.
Скорбит душа за милую отчизну,
За наш народ, поверженный во прах.
Но и в изгнании, в беде, не станем править тризну.
Мы верим и живем надеждой на советский крах.
Он – близок, в этом нет сомнения.
Власть сатаны ничтожна пред Крестом.
Судьба пошлет России избавление
От этого кошмара «Совнарком»⁴⁹.*

*Нам утешением в несчастье и горе
Служили две звезды: Никола Пашич и Крамарж
Карел.
Их верный свет в тяжелой нашей доле
Созвездием Небесного Креста горел.
Пусть ночь темна; созвездие мерцает.
Пусть тяжело нам: оно зарю вещает.*

А. Еропкин

Глава I Первая революция и Государственная дума

– Что я вас хотел спросить, Аполлон Васильевич, только вы на меня не обижайтесь: правда ли болтают у нас на деревне, что мужичкам будут барскую землю делить? – спрашивал меня мой попутчик Константин Федоров, примостившись сзади меня на беговых дрожках, когда я объезжал в Кораблине свои поля.

– Что за вздор! Кто это тебе сказал?

– И я думаю, что пустяки болтают, – как-то нерешительно отвечает Константин Федоров. – Ребята наши сказывают, будто генерал проезжал, в звездах, царскую грамоту показывал: «Ждите, – говорит, – мужички, вся земля ваша будет».

Константин Федоров, умный, смывленный и бывалый мужик, присматривает у меня в имени за хозяйством, снимает в аренду базарную площадь; пользуется большим уважением в своем обществе и в волости; избирается председателем волостного суда и помощником церковного старосты. Его семья и его двор – одни из первых и самых богатых в селе. И все-таки рево-

⁴⁷ Пашич (Пашић) Никола (1845–1926) – сербский государственный деятель. В 1891–1892 и 1904–1918 гг. премьер-министр Сербии. В 1921–1926 гг. премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев.

⁴⁸ Крамарж (Kramář) Карел (1860–1937) – чешский общественный и государственный деятель. В 1918–1919 гг. премьер-министр чехословацкого правительства. В 1918–1931 гг. депутат парламента.

⁴⁹ Имеется в виду Совет народных комиссаров, т. е. советское правительство.

люционная пропаганда, нацеливающая крестьян на помещичью землю, оказывает и на него влияние, и он, видимо, смущен и не вполне мне доверяет как лицу заинтересованному, его берет большое сомнение. Не пропустить бы случай округлить свои поля из барских земель, таких близких и так хорошо удобренных.

– Почему же ты думаешь, что будут делить только барскую землю? Ведь и у тебя есть тридцать десятин купчей земли, а у твоего соседа душевая всего-то три десятины. Тогда и твоя земля должна пойти в раздел? – спрашиваю я его, заметив его сомнение.

– Известно, зря болтают, – сухо отвечает он, видимо, аргумент мой ему совсем не по душе. – Вон у барина Кисловского скотный двор сожгли и кровных лошадей порезали. Непременно мужичков пороть будут, – полувопросительно говорит он мне.

Кисловский⁵⁰ – мой сосед, богатый помещик и выдающийся хозяин. По убеждениям – заядлый крепостник, который, несмотря на свое огромное богатство, пошел в земские начальники⁵¹ по принципу, чтобы держать в руках окрестное население. Как-то случайно мне пришлось присутствовать во время разбирательства какого-то дела. Среди публики и сторон чувствовался трепет, и в продолжение какого-нибудь часа, пока я там сидел, земский начальник успел несколько раз оштрафовать присутствующих на суде за дерзкие ответы и за ослушание. Вокруг все трепетали. Имение Кисловского пострадало тогда одно из первых⁵²: крестьяне, как бы в отместку за его строгость, с каким-то остервенением уничтожили его усадьбу, и сам он едва спасся, убежав на ближайшую станцию железной дороги от разъяренной толпы. Все эти ужасы на него так подействовали, так потрясли его нервную систему, что он вскоре же и умер.

У меня в Кораблине первая революция прошла довольно спокойно, и семья моя благополучно провела все лето в своей усадьбе. Земля моя была в аренде у крестьян. Но в годы революции, т. е. в 1905 году, крестьяне аренду мне не заплатили: сход арендаторов собрался у меня во дворе, и крестьяне решительно заявили мне, что урожай был плохой, денег у них нет и платить аренду им не из чего. Их тон, их поведение, их взгляды, отведенные куда-то в сторону, их не прямые какие-то реплики казались мне странными. Но, зная повышенное революционное настроение окрестного крестьянского населения, я не считал возможным настаивать на уплате арендных денег. Впоследствии некоторые арендаторы мне сознавались, что деньги у них были, лежали приготовленными у каждого в кармане. Но они решили попробовать, пользуясь обстоятельствами, нельзя ли не платить? И эта попытка им вполне удалась.

Такие неожиданные перемены в поступлении доходов с имения совсем не входили в мои хозяйственные расчеты, и я решил продать часть пахотной земли при Кораблине⁵³. Однако кораблинские крестьяне, которым я предложил купить ту землю, которую они держали у меня в аренде, не пожелали ее покупать, весьма ясно намекая мне, что, дескать, ваша земля и так будет пока задаром.

Тогда я съездил в соседнюю деревню Михино, сговорился с михинскими крестьянами купить у меня землю, те охотно согласились и купили ее, к большому реприманду кораблинских крестьян.

Помню, как потом каждый раз при встрече со мной михинские крестьяне благодарили меня и славословили: «Вечно будем Бога за вас молить, только теперь мы и жителями стали на вашей земле».

⁵⁰ Вероятно, имеется в виду Кисловский Лев Львович (1860–?) – один из руководителей Всероссийского союза землевладельцев, помещик Рязанской губернии, владелец винных заводов.

⁵¹ В 1889 г. вместо мировых посредников и мировых судей появлялась должность земских начальников, которые не выбирались, а назначались напрямую министром внутренних дел (по представлению губернатора и губернского предводителя дворянства). Они получили значительные полномочия по вмешательству в работу волостных крестьянских сходок, в частности, могли влиять на выборный процесс. Они судили крестьян, приговаривали их к аресту и штрафам. В их руках сосредоточивалась административная и судебная власть.

⁵² Имеются в виду события времен Первой русской революции.

⁵³ Речь идет о селе в Рязанской области.

Оно и немудрено: я продал им землю при посредстве крестьянского банка по 200 рублей за десятину, которые почти целиком были выданы из банка, с самой ничтожной доплатой, кажется, по 10 рублей за десятину. Вскоре стоимость земли у нас поднялась до 300–400 рублей за десятину.

Кораблинские крестьяне схватились тогда за ум и Христом Богом молили меня продать и им землю. Мне очень хотелось удовлетворить их желание, тем более что арендаторы они были неисправные, мужики совсем нехозяйственные, ленивые и распущенные: сказывалось влияние близкого базара с его трактирами и чайными и, близкой станции железной дороги с ее легкими заработками, отвлекающими от земли. Я предпочитал крестьян соседних, бобровинских, где сохранились хозяйственные традиции и где легче было найти и организовать крепкую и исправную артель арендаторов, обладающих достаточным количеством скота и инвентаря. Так я и поступил, для чего пожертвовал еще частью пахотной земли, продав ее кораблинским крестьянам. Но зато имение мое уменьшилось наполовину.

Кроме разгрома нескольких имений в Рязанской губернии, первая революция отозвалась вообще слабо, хотя самый очаг этой революции – Москва – находился с нами совсем по соседству: Рязань от Москвы отстоит всего в 160 верстах, и многие рязанские помещики доставляли ежедневно молоко в московские молочные Блендова, Чичкина и др.

Конечно, московские революционные события отзывались и у нас в Рязани, где я жил в то время с семьей. Так, одно время совершенно прекратилось железнодорожное движение вследствие общей рабочей забастовки, когда в Москве остановились не только поезда, но и трамваи, и водопроводы, и освещение⁵⁴. Вся Москва, погруженная в темноту, ходила пешком; в провинции возобновилось сообщение доброго старого времени на перекладных или на долгих; брат моей жены отправился из Рязани в Москву на лошадях, о чем давно уже забыли и думать.

Можно смело утверждать, что первая революция, разразившаяся в Москве и перекинувшаяся затем в Петербург, не успела охватить более широкий район, и в то время как в Москве строились баррикады (на знаменитой Пресне)⁵⁵ и лилась кровь, в Рязани, в расстоянии 160 верст, лишь с тревогой прислушивались к тому, что творится в Белокаменной. Газеты в то время перестали выходить; телеграф и почта не действовали; довольствовались только слухами от приезжавших из Москвы.

В Рязани несколько позже произошли тяжелые события еврейского погрома, которые, в сущности, никакого отношения к революции в Москве не имели. Нам, постоянным жителям Рязани, дико было видеть этот ни на чем не основанный погром, когда грабили и обижали хорошо всем известных рязанских обывателей. Громили, например, портного Курпеля, у которого полгорода заказывало себе платье; часовщика Евелева, почтенного человека, дочери которого славились в Рязани своей красотой. Про еврейскую бедноту я и не говорю: над ней особенно куражились погромщики, выпуская пух из их семейных перин, так как пограбить там было совершенно нечего.

Мой знакомый еврей Липец, живший как раз против меня, очень искусный врач, лечивший и меня, и мою семью, очень смирный и гуманный человек, вдовец, посвятивший всю свою жизнь своей дочери, так был напуган этим сплошным погромом всех евреев, что немедленно отправился на вокзал и уехал в Козлов⁵⁶; но так как в Козлове и вообще во всех смирных городах также происходили еврейские погромы, то он из Козлова опять приехал в Рязань, а затем опять вернулся в Козлов и путешествовал так до тех пор, пока погромы не прекратились.

⁵⁴ Имеется в виду Всеобщая октябрьская политическая стачка.

⁵⁵ Имеются в виду события Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г.

⁵⁶ Ныне город Мичуринск Тамбовской области.

Впоследствии он рассказывал мне, что по дороге он очень соблазняясь сойти на станции Кораблино и отправиться ко мне в имение, где он бывал у меня в качестве врача, но все же не решился этого сделать, не знаю почему.

Я совершенно не верю тому, будто погромы эти организованы были полицией, чтобы отвлечь внимание темной массы от революции. За Рязань можно поручиться, что там этого не было, так как и губернатором там был очень порядочный человек – Ржевский⁵⁷. Я думаю, что власть просто растерялась и не знала, что предпринять. Но когда она пришла в себя и взялась за усмирение буйствующей толпы, то и погромы быстро прекратились. Я помню, как наш милейший и смиреннейший губернатор гарцевал по городу на белом коне, как Скобелев среди неприятеля, вероятно, и себя воображая также героем-усмирителем.

Общее впечатление от всех этих событий в Рязани осталось грустное и глупое.

Манифест 17 октября 1905 года

Я не стану останавливаться на том, что происходило в это время в Москве и в Петербурге, так как пишу лишь собственные воспоминания и не присутствовал сам в столицах. Но слухи, конечно, доходили и до нас, особенно о ближайших к нам московских событиях. Мы знали, например, о так называемой карательной экспедиции генерала Мина⁵⁸ с гвардейским Семеновским полком по линии Московско-Рязанской железной дороги, особенно на станции Коломна, отстоящей всего в 60 верстах от Рязани: там были и расстрелы. Какое ужасное впечатление в то время производили эти расстрелы; с каким страхом, предосторожностями и с оглядкой передавалось тогда об этих расстрелах карательного отряда. И как жестоко впоследствии своей жизнью поплатился за это генерал Мин.

Генерал Мин на железных дорогах и адмирал Дубасов⁵⁹ в Москве строжайшими мерами водворили порядок и восстановили правильную жизнь. Водворять порядок во всей стране в общегосударственном масштабе пало на долю графа Витте⁶⁰, только что вернувшегося в Петербург триумфатором, победоносно закончившим Японскую войну не на полях сражений в Маньчжурии, где ее проиграл генерал Куропаткин⁶¹, а в Портсмуте, за дипломатическим столом⁶².

Граф Витте с честью вышел из своей труднейшей роли, вовсе и не будучи дипломатом, а лишь умелым государственным человеком большого масштаба. После Портсмутского мира, как известно, Витте вернулся в Петербург графом, получив это достоинство от Николая II за удачное завершение неудачной войны. Не успел граф Витте опомниться от одного очень тяжелого и ответственного государственного поручения по заключению мира с японцами, как его ожидало еще более ответственное – по водворению порядка внутри страны, взбудораженной

⁵⁷ Ржевский Сергей Дмитриевич (1851–1914) – государственный деятель. С 1896 г. тамбовский, с 1904 г. рязанский губернатор. В 1905 г. подал в отставку.

⁵⁸ Мин Георгий Александрович (1855–1906) – военный деятель, генерал-майор Свиты (с 1906 г.). В 1904 г. возглавил Семеновский полк. Участвовал в подавлении Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Убит террористкой.

⁵⁹ Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – русский военачальник, адмирал (с 1906 г.). В 1905 г. подавлял крестьянские восстания в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. Руководил подавлением Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В 1905–1906 гг. московский генерал-губернатор.

⁶⁰ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, граф (с 1905 г.). Инициатор важнейших реформ в сфере финансовой политики (введение винной монополии, золотого рубля и т. д.). С 1903 г. председатель Комитета министров. 5 сентября 1905 г. подписал Портсмутский мирный договор, за что был удостоен титула графа. В 1905 г. возглавил делегацию для мирных переговоров с Японией. С октября 1905 по апрель 1906 г. председатель Совета министров. После своей отставки оставался членом Государственного совета.

⁶¹ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (с 1900 г.), генерал-адъютант (с 1902 г.). В 1898–1904 гг. военный министр. В 1904–1905 гг. главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне. В Первую мировую войну в 1915 г. командовал корпусом, затем 5-й армией, в 1916 г. Северным фронтом. В 1916–1917 гг. туркестанский генерал-губернатор.

⁶² Имеется в виду Портсмутский мирный договор с Японией.

неудачной войной и революцией. Для всех было ясно, что, кроме Витте, этого поручить было некому.

Граф Витте очень подробно рассказывает в своих воспоминаниях, как именно происходили все эти события, приведшие к знаменитому Манифесту 17 октября 1905 года⁶³ – нашей первой конституции, давшей России Государственную думу⁶⁴.

Автор прямо указывает и называет всемогущего в то время при дворе великого князя Николая Николаевича⁶⁵. Никаких возражений или опровержений со стороны великого князя не последовало. Следовательно, показания графа Витте верны. Когда в присутствии государя граф Витте поставил великому князю Николаю Николаевичу прямой вопрос, ручается ли он за исход диктатуры, то великий князь ответил, что при современном состоянии и настроении войск диктатура невозможна. Следовательно – конституция?

Основы Конституции были выработаны графом Витте в очень тесных пределах: Манифест 17 октября давал русскому народу выборное представительство – Государственную думу и выборную половину верхней палаты – Государственного совета. Но он не давал ответственного перед Думой министерства и оставлял за верховной властью право veto⁶⁶ по всякому законопроекту⁶⁷. По своему изумительному искусству успокаивать и усыплять общественное мнение граф Витте умел дать минимум просимого к взаимному удовлетворению.

С русской конституцией повторилось то же, что и с японскими требованиями в Портсмуте: весьма большой запрос и малое удовлетворение.

Баррикады на улицах Москвы, всеобщая забастовка рабочих; повсеместно вспыхивающие крестьянские восстания; бунты в воинских частях, застрявших в Сибири; откровенное признание великого князя, что военная диктатура невозможна. И в результате Манифест 17 октября – весьма ограниченная конституция. Но зато какие свободы: совести, слова, печати, собраний!⁶⁸ Посмотрите литературу этого свободного периода, и вы будете поражены цинизмом политических памфлетов: иллюстрации к этим памфлетам были только кроваво-красные. Собrania созывались всеми, кому только не было лень; даже гимназисты и гимназистки младших классов и те созывали свои собрания и выносили резолюции, прежде всего, конечно, всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов, а затем уже о своих маленьких личных счетах со строгими учителями. Даже чиновники Казенной палаты, где я служил, сочли нужным созвать свое собрание. Так как им импонировали мои литературные работы и мое ласковое отношение, то они пожелали видеть меня в качестве председателя своего собрания. И что же? Все собрались, столпились около дверей в присутствие, но материала для обсуждений ни у кого не оказалось. Выбрали своих представителей в модные тогда союзы, немного погалдели и пошли домой обедать.

Все эти свободы, как масло на воде, совершенно успокоили бурю и волны народных страстей. Манифест 17 октября манил величием народных достижений. А все же Хрусталев-Носарь⁶⁹ в Петербурге был арестован.

⁶³ Имеется в виду Манифест об усовершенствовании государственного порядка.

⁶⁴ Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал созыв Государственной думы.

⁶⁵ Николай Николаевич, великий князь (1856–1929) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант (с 1894 г.), генерал от кавалерии. Внук Николая I. С 1905 г. председатель Совета государственной обороны. В 1914–1915 гг. главнокомандующий Российской армией. С 1919 г. в эмиграции.

⁶⁶ То есть право отклонять любой законопроект.

⁶⁷ А. В. Еропкин в данном случае ошибается. В Манифесте 17 октября 1905 г. не были зафиксированы прерогативы Думы и императора. В сущности, это был декларативный акт. Полномочия законодательных учреждений были определены в Основных государственных законах 23 апреля 1906 г.

⁶⁸ Согласно Манифесту 17 октября 1905 г. даровались «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

⁶⁹ Носарь Георгий Степанович (он же Хрусталев Петр Алексеевич) (1877–1919) – общественный и политический деятель. Член «Союза Освобождения». В октябре – ноябре 1905 г. председатель Петербургского совета рабочих депутатов. Был арестован.

Крестьянские волнения постепенно затихли, и войска из Японии мирно разошлись по домам.

Теперь, через двадцать пять лет, особенно ярко чувствуется государственный, мало сказать, ум, но гений графа Витте, величайшего государственного деятеля при двух императорах. К сожалению, Николай II его мало понимал и мало ценил: последние годы своей жизни он был в опале, не у дел. А между тем не кто иной, как Витте, на двенадцать лет отсрочил падение империи и гибель династии.

Кто знает, если бы граф Витте был жив и стоял во главе управления, какой оборот и какое течение приобрела бы вторая русская революция? Уже одно то, что граф Витте был ярким противником войны с немцами⁷⁰, доказывает, что его проницательный ум предвидел грядущие беды.

Граф Витте, призванный к власти в период первой революции, отлично понимал, что никакие съезды общественных деятелей, собиравшихся в барских или купеческих особняках будирующей Москвы; никакие рабочие выступления, инсценированные попом Гапоном⁷¹; никакие Хрусталевы-Носари не страшны для государственной власти и порядка. Граф Витте умел хорошо считать, и язык цифр управлял его волей и рассудком. Он понимал, что в России существуют только две страшные народные стихии – это крестьянство и войско. В своих записках граф Витте прямо высказывает, что для Европы Россия импонировала только военной мощью. Россия – военное государство, и больше ничего. Боже сохрани поколебать военный авторитет России, ибо в таком случае от великой державы останется пустое место. События 1917 года показали, насколько был прав Витте. И когда войска из Сибири мирно разошлись по домам, а успокоенная деревня, обрадованная благополучным возвращением своих близких, родных от желтых басурман, мирно принялась за обычный труд, граф Витте знал, что революция закончена, осталась лишь революционная накипь, сор после бури, убрать который он предоставил министру Дурново.

Разве переговоры, которые вел граф Витте с общественными деятелями, не показывают всю дальнзоркость его государственного ума? Граф Витте готов был пригласить в свой Кабинет общественных деятелей для умиротворения общественного мнения, но он предлагал им не ответственные министерства: земледелия, промышленности, просвещения и контроля, ибо он знал, что они слишком неопытны в деле государственного управления. Но тогда общественные деятели поставили условием своего выступления в Кабинете графа Витте удаление министра внутренних дел Дурново⁷².

События 1917 года еще раз показали, что граф Витте был прав⁷³.

Кабинет общественных деятелей, куда приглашались: Стахович⁷⁴, князь Трубецкой⁷⁵, А. Гучков⁷⁶, Шипов⁷⁷, граф Гейден⁷⁸, не состоялся⁷⁹.

стован, приговорен к пожизненному поселению в Сибири. В 1907 г. бежал за границу. Вошел в РСДРП. Стронник синдикализма. В 1918 г. руководил самопровозглашенной Переяславской республикой. В 1919 г. расстрелян по решению Переяславского ревкома.

⁷⁰ Имеется в виду Первая мировая война.

⁷¹ Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник. В 1904 г. при поддержке Департамента полиции организовал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициировал составление петиции петербургских рабочих императору, встал во главе шествия к Зимнему дворцу 8 января 1905. Убит эсерами за связь с полицией.

⁷² Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – государственный деятель. С 1893 г. сенатор. В 1905–1906 гг. министр внутренних дел. С 1906 г. член Государственного совета, лидер правой группы.

⁷³ Имеется в виду опыт деятельности Временного правительства.

⁷⁴ Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – политический и общественный деятель. В 1895–1907 гг. орловский губернский предводитель дворянства. Один из основателей партии «Союз 17 октября». В 1905–1906 гг. член ЦК партии. Вышел из ее состава и участвовал в организации Партии мирного обновления. Был депутатом I и II Государственной думы. В 1907–1917 гг. член Государственного совета. В 1912–1914 гг. член ЦК прогрессистов. В 1917 г. финляндский генерал-губернатор.

⁷⁵ Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920) – философ, правовед, общественный и политический деятель. В

1905 г. участвовал в организации конституционно-демократической партии, член ее ЦК; занимал в партии умеренные позиции.

⁷⁶ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – общественный и политический деятель; один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября». Депутат и с 1910 г. председатель III Государственной думы. В 1907 г. и с 1915 г. член Государственного совета. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II. С марта 1917 г. первый военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции.

⁷⁷ Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – общественный и политический деятель. Один из основателей «Союза 17 октября», член ЦК партии. В 1906 г. вышел из нее из-за принципиальных разногласий с А. И. Гучковым. Один из основателей Партии мирного обновления. С 1906 г. член Государственного совета.

⁷⁸ Гейден Петр Александрович, граф (1840–1907) – общественный и политический деятель, юрист; один из основателей «Союза 17 октября». В 1906 г. депутат I Думы от Псковской губернии. В июле 1906 г. вышел из партии октябристов и участвовал в создании Партии мирного обновления, член ее ЦК.

⁷⁹ В октябре 1905 г. шло формирование нового органа власти – Совета министров, образованного указом 19 октября того же года. Его председатель С. Ю. Витте инициировал переговоры с общественными деятелями о возможном вхождении в состав правительства. 19 октября он встретился с лидером умеренного направления земского движения Д. Н. Шиповым и предложил ему занять должность государственного контролера. Д. Н. Шипов обусловил свое вхождение в состав правительства приглашением в него и других общественных деятелей, принадлежавших к конституционно-демократической партии. При этом они должны были получить портфели министров внутренних дел, юстиции, земледелия, торговли и промышленности, народного просвещения. С. Ю. Витте выразил на это свое согласие. В ходе беседы Д. Н. Шипов выдвинул кандидатуры С. А. Муромцева (на должность министра юстиции), Г. Е. Львова и И. И. Петрункевича, как возможных министров внутренних дел и земледелия. Сам С. Ю. Витте назвал имена Е. Н. Трубецкого как претендента на пост министра народного просвещения и А. И. Гучкова, вероятного будущего министра торговли и промышленности. Для ведения дальнейших переговоров С. Ю. Витте обратился с телеграммой к председателю бюро земских съездов Ф. А. Головину. 20 октября бюро образовало делегацию к председателю Совета министров в составе Ф. А. Головина, Ф. Ф. Кокوشкина и Г. Е. Львова, которые вечером того же дня выехали в Петербург. 21 октября они были приняты С. Ю. Витте. В качестве условий, предвалявших обсуждение кадровых предложений, были выдвинуты требования созыва Учредительного собрания, избранного путем всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, для принятия Основного закона Российской империи; немедленного проведения в жизнь гражданских прав человека, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г.; амнистии для всех политических преступников. По согласованию с С. Ю. Витте содержание беседы было изложено в газете «Русские ведомости» 23 октября 1905 г. 22 октября председатель Совета министров встретился с Д. Н. Шиповым и А. И. Гучковым, которым объявил о невозможности продолжения переговоров с бюро земских съездов ввиду неприемлемости выставленных ими условий. Также он сообщил о состоявшемся назначении Д. Н. Шипова на должность государственного контролера. Однако последний выразил свое категорическое несогласие, так как не были учтены его изначальные требования. На следующий день во время аудиенции у императора Д. Н. Шипов повторил мысль о необходимости включить в правительство представителей левого крыла либерального движения, наиболее влиятельного на современном этапе. Император выразил свое согласие с мыслями Д. Н. Шипова. 23–24 октября состоялись совещания у С. Ю. Витте, на которых кроме председателя Совета министров присутствовали обер-прокурор Святейшего синода А. Д. Оболенский, а также общественные деятели: А. И. Гучков, М. А. Стахович и Д. Н. Шипов. 24 октября к ним присоединился вызванный в Петербург Е. Н. Трубецкой. Последний по совету редакции газеты «Право» и П. Н. Милюкова отказался от предложенного ему портфеля министра народного просвещения. В ходе этих консультаций С. Ю. Витте с общественными деятелями выяснилось, что ключевой вопрос – имя будущего министра внутренних дел. С. Ю. Витте был намерен предложить этот пост профессиональному бюрократу с хорошим знанием особенностей полицейского дела. Указанные им кандидатуры П. Н. Дурново и Д. Ф. Трепова представителями общественности были категорически отвергнуты. Наиболее приемлемым вариантом для обеих сторон оказался С. Д. Урусов. Утром 26 октября А. И. Гучков, М. А. Стахович, Е. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов были вновь приглашены к С. Ю. Витте. Председатель Совета министров в присутствии С. Д. Урусова объявил общественным деятелям о назначении министром внутренних дел П. Н. Дурново; С. Д. Урусов назначался его товарищем. Приглашенные представители общественности выразили свое резкое неприятие этого решения и отклонили сделанное им ранее предложение. В ходе этих переговоров С. Ю. Витте пришла информация о некоторых скандальных фактах из биографии будущего министра внутренних дел, что заставило его поставить под сомнение возможность этого назначения. Тем не менее общественные деятели, убежденные в неискренности председателя Совета министров, отказались от дальнейшего обсуждения вопроса. Д. Н. Шипов также мотивировал невозможность переговоров ввиду решения С. Ю. Витте не вести диалог с радикально настроенным большинством земского движения. 27 октября участники совещаний послали на имя председателя Совета министров письменные объяснения своего решения. С. Ю. Витте обратился за советом к П. Н. Милюкову относительно перспектив формирования кабинета с участием общественных деятелей. При личной встрече П. Н. Милюков предложил отказаться от этой идеи, так как в сложившихся обстоятельствах привлечь представителей либерального движения в Кабинет министров невозможно. Чтобы качественно изменить общественную ситуацию, следовало доказать приверженность новой власти принципам конституционализма. «Произнесите слово: конституция. Опять-таки для ускорения и для упрощения дела позвоните сегодня кого-нибудь и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи и послезавтра опубликуйте. Это будет конституция октроированная, и вас будут бранить за такой образ действий, но потом успокоятся, и все войдет в норму» (Милюков П. Н. Три попытки. Париж, 1921. С. 24–25). С. Ю. Витте возражал, что подобное решение было бы неприемлемо для императора. Идея же создания «делового» кабинета, а не правительства «общественного доверия» оказалась созвучной взглядам самого

Выборы в первую Думу

В это время в Рязани я принимал большое участие в общественной деятельности, состоя членом Ряжского, Скопинского и Рязанского уездных и Рязанского губернского земских собраний и Рязанской городской думы. Мои литературные работы дали мне имя⁸⁰. Немудрено, что и при выборах в первую Государственную думу я намечался в качестве кандидата.

Образовался наш небольшой предвыборный кружок, состоявший из меня, князя Волконского⁸¹, Климова⁸², Родзевича⁸³ и Федоровского⁸⁴.

Партии политические в то время еще только намечались, и, например, кадетская партия в Рязани не пользовалась никакой популярностью, имела очень слабых представителей: Елагина, страхового агента, и Дворжака, также агента, родом из Чехии. Впоследствии во время выборов к нам примкнули социалисты из местных земских служащих: агроном Португалов⁸⁵, санитарный врач Успенский и агроном Середа⁸⁶ – будущий народный комиссар у Ленина.

Авторитет Рязани стоял в то время гораздо выше, хотя мы твердо держались основ Манифеста 17 октября и вошли затем в партию октябристов⁸⁷. Наибольшей популярностью в земстве пользовался князь Волконский, речи которого в губернском собрании составляли целое событие в Рязани. Климов и Родзевич были давнишними присяжными поверенными либерального направления, имена которых пользовались широкой известностью.

У меня, более молодого сравнительно с ними, составилось литературное имя: я сотрудничал в то время в наиболее прогрессивных органах печати: «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Народном хозяйстве», «Вестнике финансов».

Федоровский был совсем еще молодой человек, только что вернувшийся с войны, офицер, успевший, однако, завоевать симпатии земских кругов своей искренностью и либеральным образом мысли. Душой нашей избирательной кампании был Родзевич, старый, матерый, обстрелянный волк, искусный хитрец, который умел своего противника с самыми любезными приемами, что называется, обвести вокруг пальца. Климов славился в Рязани своей неподкупной честностью, знаниями и ораторскими способностями. Понятно, что в таком комплоте⁸⁸ наши противники из страховых агентов нам совсем не были страшны. Об их кандидатуре в Думу никто и не говорил серьезно.

Опасность была совсем с другой стороны, со стороны избирательного закона в Думу. Здесь, по крайнему обременению занятиями или по незнанию крестьянской среды, графом Витте был допущен большой промах: он положился на проект выборов в Государственную думу, составленный еще ранее его министром Булыгиным⁸⁹, славянофилом маниловской

председателя Совета министров, и в итоге именно она была реализована.

⁸⁰ Имеются в виду в том числе следующие работы: Исследование по некоторым податным вопросам надельного землевладения. Ряжск, 1898; Из практики раскладочного сбора. [Б. м.], 1902; Выкупные платежи и земельный фонд. СПб., 1906.

⁸¹ Волконский Николай Сергеевич, князь (1848–1910) – общественный и политический деятель; участвовал в создании «Союза 17 октября». Депутат I и III Государственной думы от Рязанской губернии.

⁸² Климов Сергей Семенович (1849–1907) – общественный деятель; член «Союза 17 октября». С 1906 г. член Государственного совета.

⁸³ Родзевич Николай Игнатьевич (1847–1921) – общественный и политический деятель. В 1906–1912 гг. рязанский городской голова. Председатель Рязанского отдела «Союза 17 октября». Депутат IV Государственной думы от Рязанской губернии. Член фракции прогрессистов. В 1915–1916 гг. член Прогрессивного блока.

⁸⁴ Федоровский Владимир Капитонович (1871–?) – общественный и политический деятель. С 1905 г. член партии кадетов. Член I Государственной думы от Рязанской губернии. Входил во фракцию Партии демократических реформ. Подписал Выборгское воззвание. Участвовал в Первой мировой войне. В 1916 г. пропал без вести.

⁸⁵ Португалов Александр Вениаминович (1870–?) – агроном.

⁸⁶ Середа Семен Пафнутьевич (1871–1933) – общественный и политический деятель. С 1903 г. член фракции большевиков. В 1918–1921 гг. нарком земледелия.

⁸⁷ Имеется в виду «Союз 17 октября».

⁸⁸ Комлот – преступный заговор, союз против кого-либо.

⁸⁹ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – государственный деятель, гофмейстер (с 1896 г.), статс-секретарь (с

складки, веровавшим и идеализировавшим святые качества богоносца, готового якобы положить жизнь свою за веру, царя и Отечество. За этой отвлеченностью идеалисты проморгали современную действительность; уроки первой революции их нисколько не отрезвили, и они всецело построили систему избирательного закона в Государственную думу на крестьянстве⁹⁰. Граф Витте этот закон одобрил. Ошибка сказалась, лишь когда первая Государственная дума собралась. Революционная дума, которая просуществовала семьдесят два дня и, затем была распущена, причем на долю министра Столыпина⁹¹ выпала тяжелая задача менять избирательный закон, вошедший в конституцию⁹².

Ошибка первого избирательного закона заключалась в том, что крестьяне своей массой совершенно поглощали всех остальных избирателей. Этим обстоятельством воспользовались агитаторы, которые тотчас начали натравливать крестьян против буржуев и помещиков. Прибавим, что для каждого избирателя были большой приманкой 10 рублей суточных, назначенных по закону членам Государственной думы: триста рублей в месяц для интеллигентного работника являлись обычной его месячной платой, но для крестьянина это представлялось огромным заработком.

Я был свидетелем, как крестьяне-избиратели, забаллотировав всех кандидатов, сплошь баллотировались в члены Государственной думы, предварительно перекрестившись: помоги Бог! Их нисколько не смущало, что они получали при этом по три, по четыре избирательных пера из сотни. Они все-таки продолжали зря тратить время, надеясь, что Бог поможет.

Я не стану подробно рассказывать всю процедуру этих выборов. Я лишь передам более интересные моменты этих выборов в Рязани.

Предвыборное наше собрание для окончательного назначения кандидатов в члены Думы было назначено в помещении Общества сельского хозяйства, президентом которого был Родзевич. Он как хозяин и был избран председателем собрания. Народу собралось много, разнохарактерного, но с одной общей чертой: стремлением попасть в Думу.

На Родзевича пала чрезвычайно трудная задача укрощения строптивых, и я до сих пор вспоминаю с наслаждением, как изумительно искусно, деликатно он выполнил эту задачу: он прямо поставил вопрос, что надо подавить в себе желание попасть в Думу, ибо избирателей – сотни, а выбрать надо всего восемь человек, из которых три крестьянина и один рабочий.

Записками были указаны кандидаты в Думу: князь Волконский, я и Федоровский; от городов был назначен Ярцев⁹³. Родзевич горячо поддерживал наши кандидатуры и убеждал, чтобы голоса не раскалывались, иначе никто не пройдет, а пройдут одни крестьяне.

Однако на первый день выборов никто не пришел. На второй день выборы должны были идти уже по относительному большинству. Так как шесть «господ» и «крестьян» были одинаковы, то необходимо было на нашу сторону перетащить хотя бы одного человека с противоположной стороны. Так оно и произошло: мы все прошли одним голосом и сами провели депутата от рабочих Гостева⁹⁴. От крестьян прошли неизвестные люди, и в Думе их тотчас обработали; все они попали во фракцию трудовиков.

В Государственной думе

1913 г.). В 1905 г. министр внутренних дел. В том же году стал членом Государственного совета; принадлежал к правой группе.

⁹⁰ Положения о выборах 11 декабря 1905 г. предполагали доминирование крестьянства в будущей Государственной думе.

⁹¹ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – русский государственный деятель. С апреля 1906 г. министр внутренних дел. С июля 1906 г. председатель Совета министров. Инициатор проведения правовых, социальных, экономических преобразований.

⁹² А. В. Еропкин ошибается. Положения о выборах не вошли в Основные государственные законы 23 апреля 1906 г.

⁹³ Ярцев Николай Иванович (1854–1916) – общественный и политический деятель. В 1898–1916 гг. зарайский городской голова. Депутат I и IV Государственной думы от Рязанской губернии. Депутат фракции октябристов.

⁹⁴ Гостев (он же Захаров) Дмитрий Григорьевич (1867–?) – депутат I Государственной думы от Рязанской губернии. Рабочий фабрики Хлудовых в Егорьевске. Член Трудовой группы.

Я хорошо помню тот священный трепет, то благоговейное чувство, с которым я вступал в зал Государственной думы⁹⁵ еще накануне заседания, чтобы ознакомиться и занять для себя место. Я вступал туда, как в какое-либо святилище. Вот он, тот храм народного представительства, которого добивалось столько поколений и за который люди шли на каторгу.

Огромный полутемный зал, где амфитеатром идут кресла для депутатов, мягкие, откидные, серо-сиреневого цвета, кожаные. Напротив – высокая трибуна для ораторов, куда подниматься надо по нескольким ступеням; еще выше, над ней, председательская трибуна с тремя креслами для председателя Государственной думы и двух его товарищей. Сзади них, еще выше, портрет государя во весь рост. Впечатление величественное, особенно когда зал залит электричеством от трех старых люстр, спускающихся с потолка. Министерская ложа помещалась с правой стороны от председательской трибуны, против депутатов. Ложа для корреспондентов – с левой стороны, одинаковая с министерской. Места для публики – на хорах вокруг всей залы.

Впоследствии я осматривал в Париже палату депутатов: куда хуже русской Государственной думы. Там министры сидят в первом ряду депутатских мест; все как-то мизернее; нет этого величия, этой старины нашего Таврического дворца, где огромная Екатерининская зала с колоннами превращена была в кулуары и роскошью и размерами превосходила залу заседаний. Когда-то в Екатерининской зале происходили роскошные балы, и здесь с царственным величием выступала Екатерина II, журия хозяина⁹⁶ этого загородного дворца за расточительность. Вокруг всего дворца старинный тенистый Таврический сад.

А в палате депутатов в Париже кулуары – это просто коридор с каменными полами.

Итак, мы в Государственной думе. На завтра назначен прием Думы государем в Зимнем дворце. Все это для нас ново и чрезвычайно интересно. Ново и для двора, и для дворца, впервые принимающего в своих покоях народных представителей со всей необъятной России в числе 442 человек.

28 апреля⁹⁷. Ясный и теплый день. Приезд в Зимний дворец по строго определенному маршруту, кому с какого подъезда входить. Особой суеты не заметно благодаря порядку, хотя во дворец съезжаются положительно все: двор, генералитет, Сенат, Кабинет министров⁹⁸, Государственный совет и Государственная дума. Нас, членов Думы, ведут анфиладой комнат в Тронный зал. Кругом нас шпалерами выстроились придворные, особенно дамы, которые с любопытством оглядывают нас как диковину. И действительно, для дворца картина необычная: 442 человека в странных по смеси костюмах, начиная с безукоризненных фраков и кончая зипунами и смазными сапогами; здесь и сюртуки, и пиджаки, и косоворотки, и длинно полые кафтаны, и щеголеватые кунтуши⁹⁹ польских депутатов, и рясы священников, и католические сутаны.

Но и мы не менее изумлялись на атласные сарафаны и кокошники придворных дам, особенно старушек с обнаженными пергаментными <...>, высушенных как мумии и выглядевших какими-то музейными экспонатами. Едва ли взаимные наши взгляды были приветливы. Государственную думу поместили по правую сторону трона, тотчас за Государственным советом – безукоризненными джентльменами во фраках с лентами и звездами. Напротив нас помещались: великие князья, придворные дамы, правительство, Сенат, генералитет. Особенно эффектно выделялся Сенат в своих красных мундирах, расшитых золотом. В противоположность нашей, черной, стороне, та сторона была вся золотая: белый атлас и бриллианты дам; расшитые мундиры камергеров; генералы, засыпанные орденами; красные сенаторы. Посере-

⁹⁵ Имеется в виду зал Общих собраний Таврического дворца.

⁹⁶ Имеется в виду князь Г. А. Потемкин-Таврический.

⁹⁷ А. В. Еропкин ошибается. Заседания Думы были открыты 27 апреля 1906 г.

⁹⁸ Имеется в виду Совет министров.

⁹⁹ Кунтуш (*укр.*), контуш (*польск.*), кунтуш (*белор.*) – верхняя мужская или женская одежда с отрезной приталенной спинкой и небольшими сборками и отворотами на рукавах.

дине между нами по всей зале к трону должна была пройти царская семья. Когда все были расставлены по своим местам, водворилась тишина. Несколько минут томительного ожидания. Затем отворяются двери, появляется гофмаршал, весь в золоте, и ударяет жезлом: государь идет! Момент чрезвычайно торжественный, и я глубоко уверен, что у всех народных депутатов без исключения дрогнуло сердце от никогда не виданного зрелища величия верховной власти, олицетворяющей величайшую в мире империю.

Государь шел по обыкновению своему очень спокойно; за ним следовали императрицы. Мне бросилось в глаза, что императрица-мать казалась очень встревоженной, с лицом напряженным, покрытым красными пятнами. Впоследствии это объяснилось: говорят, царя предупреджали и советовали отменить высочайший выход, ибо могут произойти эксцессы. Какое же чувство испытывала императрица-мать, выступая на эту голгофу. Государь взшел на трон и стал один на возвышении; взял бумагу и громко и внятно, так, что хорошо было слышно во всей очень большой зале, прочитал приветствие Государственной думе, где члены ее были названы «лучшими людьми всей России».

Насколько помнится, на другой день последовало открытие Государственной думы, которое также обставлено было очень торжественно¹⁰⁰. Открыть заседание Думы до выбора ее председателя возложено было на товарища председателя Государственного совета престарелого сановника Голубева¹⁰¹. Зал заседаний и хоры для публики полны. Налицо весь Кабинет министров¹⁰² с председателем Горемыкиным¹⁰³ во главе. Медленно поднимается временный председатель Голубев на высокую трибуну, произносит приветствие Думе и предлагает ей избрать своего председателя. По многочисленности руководство Думой взяли на себя кадеты в согласии с левыми и польскими депутатами, ее председателем был заранее намечен профессор С. А. Муромцев¹⁰⁴. Против этой кандидатуры ничего нельзя было возразить, ибо Муромцев соединяет в своем лице и эрудицию, и высокую порядочность, и авторитет, и представительную внешность. Выборы эти прошли быстро и гладко, если не ошибаюсь, единогласно¹⁰⁵.

Под гром аплодисментов профессор Муромцев с обычной своей торжественностью тихо поднимается на председательскую трибуну. Голубев низко кланяется ему и как бы передает ему свою власть, уступает ему свое место: момент в высокой степени торжественный и исторический; старая власть – бюрократическая уступает свое место новой власти – народной. К этому торжественному моменту внушительная, серьезная фигура профессора Муромцева как нельзя лучше подходила.

Порядок заседания был заранее подготовлен кадетами по соглашению с левыми: первый же шаг Государственной думы был глубоко демонстративным; прежде чем обратиться к Думе с приветствием и конструировать президиум, председатель Думы дает слово депутату Петрункевичу¹⁰⁶, одному из вожаков кадетской партии, тверскому земцу, самое имя которого означало уже какую-то демонстрацию по адресу правительства. Так оно и оказалось, депутат Петрунке-

¹⁰⁰ А. В. Еропкин ошибается. Заседание Думы открылось в тот же день, 27 апреля 1906 г.

¹⁰¹ Голубев Иван Яковлевич (1841–1918) – государственный деятель, сенатор (с 1881 г.), действительный тайный советник (с 1901 г.), статс-секретарь (с 1910 г.). С 1906 г. товарищ председателя Государственного совета.

¹⁰² Имеется в виду Совет министров.

¹⁰³ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель, сенатор (с 1894 г.). В 1906 и 1914–1916 гг. председатель Совета министров.

¹⁰⁴ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, общественный и политический деятель. С октября 1905 г. член ЦК партии кадетов. В 1906 г. депутат и председатель I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание.

¹⁰⁵ А. В. Еропкин ошибается. С. А. Муромцев получил 426 голосов против 10.

¹⁰⁶ Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) – политический и общественный деятель. В 1905 г. участвовал в организации конституционно-демократической партии, на I съезде избран членом ее ЦК, в 1909–1915 гг. председатель ЦК, с 1915 г. почетный председатель. Учредитель газеты «Речь» (1906). Депутат I Государственной думы (1906), возглавлял кадетскую фракцию, председатель Бюджетной комиссии. За подписание Выборгского воззвания был осужден и подвергнут трехмесячному заключению, лишен избирательных прав.

вич тотчас же внес предложение об амнистии политических заключенных под оглушительный гром аплодисментов своих единомышленников¹⁰⁷.

Понятно, что это была лишь демонстрация, ибо Государственная дума не могла так внезапно, без всякого порядка обсуждения законопроектов, вынести подобное постановление: законопроект должен пройти все установленные стадии обсуждения; а в таком виде, как его предложил депутат Петрункевич, это была лишь демагогическая формула, лишенная всякого практического значения. Здесь я впервые увидел знаменитого тверского депутата. Впечатление он производил неприятное: коренастый седоватый старичок с торчащими вихрами и с острой бородкой, с хриплым, неприятным, что называется, скрипучим голосом, а фигурой и манерами напоминавший старого либерального земца, привыкшего к почтению аудитории.

Правые скамьи первой Государственной думы были очень малочисленны и по существу вовсе и не являлись правыми, а чисто конституционными, занятыми партией октябристов, без своего главы Гучкова, который в Думу не прошел. Достаточно сказать, что на крайнем правом кресле сидел корректнейший и либеральнейший граф Гейден, председатель Вольно-экономического общества и многочисленных земских съездов, где, собственно, и выработывалась идея будущей Государственной думы; там же помещался известный орловский предводитель дворянства Стахович, будущий посол в Испании от Временного правительства; Варун-Секрет¹⁰⁸, будущий товарищ председателя Государственной думы; князь Н. С. Волконский и пр. Словом, вот такие лица, которых боялась местная администрация, считая их слишком левыми и красными в земстве.

Это очень характерное показание, каков был состав первой Государственной думы. После на наших местах в следующих Думах сидели Марков 2-й¹⁰⁹ и Пуришкевич¹¹⁰ и прочие столпы правых партий.

Октябристы в первой Государственной думе большие надежды возлагали на М. А. Стаховича, предполагая, что он будет их думским лидером. Однако Стахович оказался человеком слишком осторожным, слишком себе на уме, более всего помнящим о собственном имени, нежели о целях партии. За все время первой Думы он выступил всего один раз, и притом с такой осторожностью, чтобы не задеть левых, что было ясно, что он в лидеры не годится.

Лидером неожиданно оказался граф Гейден, который, несмотря на свой преклонный возраст, обладал энергичным, чтобы не сказать пылким характером и темпераментом: обыкновенно граф Гейден со своими небольшими, но очень едкими и остроумными репликами выступал почти по каждому вопросу, очень часто ставя в тупик ораторов слева. Его злого языка побаивались те, кто был поумнее.

Конечно, голос октябристов, насчитывающих около двадцати человек, в общем гвалте, который производила первая Дума, был совершенно не слышен. Мы были задавлены. Но кто никак не хотел пасовать перед левыми, так это наш рязанский депутат, зарайский городской голова Ярцев. По своему простодушному характеру он все надеялся урезонить и образумить левых. Но так как ораторскими способностями он не обладал, а уровень его образования был невысокий, то он по соседству часто просил меня написать ему на бумажке, что именно надо возразить, а затем с трибуны он по этой бумажке и говорил.

¹⁰⁷ А. В. Еропкин ошибается. И. И. Петрункевич выступил с требованием амнистии еще до избрания председателя.

¹⁰⁸ Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1869–1962) – общественный и политический деятель. С 1904 г. председатель Елисаветградской земской управы. Депутат I, II и IV Государственной думы от Херсонской губернии. Октябрист.

¹⁰⁹ Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) – общественный и политический деятель. В 1905–1909 гг. член Курской губернской земской управы. Один из основателей Курской народной партии порядка. Вошел в Союз русского народа. Депутат III и IV Государственной думы.

¹¹⁰ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический и общественный деятель, действительный статский советник (с 1912 г.). В 1904–1906 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В 1905 г. участвовал в организации Союза русского народа. Депутат II, III и IV Государственной думы.

Со мной, не стесняясь, в приятельской беседе он иначе и не называл всех левых, как «рвань коричневая». Его возмущению, впрочем, нельзя и удивляться, ибо левые в Думе вели себя действительно возмутительно. Как знаем, так делал Петрункевич. Кадеты так и усвоили себе этот вызывающий тон по отношению к правительству. Известен афоризм депутата Набокова¹¹¹: власть исполнительная да подчинится власти законодательной¹¹²; хотя, конечно, ему как узкому юристу было известно, что он говорит ересь и что такого юридического правила не существует.

Особенно дерзко держал себя Ф. Кокошкин¹¹³, с задором насканивал он на убранных синами министров, как, например, на председателя Совета министров Горемыкина, обвиняя его чуть ли не в безграмотности, в невежестве.

Остальные кадеты, как более сдержанные, вели себя корректнее, хотя общий тон был вызывающий.

Но левые совершенно не знали удержу, и каждый своими дерзостями и выкриками по адресу правительства старался перешеголять другого. Особенно выделялись на этом поприще: Аладьин¹¹⁴, с фигурой и манерами апаши¹¹⁵; Аникин¹¹⁶, озлобленный мелкий сельский учитель и человек жалкий. Но наиболее развязным среди них оказался Аладьин, тот самый Аладьин, который в Лондоне был шофером и затем после большевистского переворота пришел с повинной в Крым к генералу Врангелю¹¹⁷ и организовал там крестьянский союз.

Остальным не хватало темперамента, но все стремились к идеалу: и Онипко¹¹⁸, и Заболотный¹¹⁹, и *tutti quanti*¹²⁰... Недоносков¹²¹.

Был какой-то сплошной митинг, а вовсе не законодательное собрание высшего учреждения. Ясно было, что Государственная дума так работать не может. Особенно ярко это сказало после роковой ночи Герценштейна¹²², впоследствии убитого в Финляндии. Герценштейн

¹¹¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – общественный и политический деятель. С 1905 г. член ЦК партии кадетов. Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание.

¹¹² Имеется в виду цитата из выступления В. Д. Набокова 13 мая 1906 г.

¹¹³ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – правовед, общественный и политический деятель. В 1905 г. участвовал в создании конституционно-демократической партии. С октября 1905 г. член ЦК партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. Один из авторов текста Выборгского воззвания. За его подписание был приговорен к трем месяцам заключения, которые отбывал в Таганской тюрьме в Москве в мае – августе 1908 г. В июле – августе 1917 г. государственный контролер во 2-м коалиционном составе Временного правительства. Был избран членом Учредительного собрания от Москвы. 28 ноября 1917 г. арестован большевистскими властями и заключен в Петропавловскую тюрьму. 6 января 1918 г. переведен в Маринскую тюремную больницу, куда 7 января ворвались матросы и зверски убили Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева.

¹¹⁴ Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) – общественный и политический деятель. В 1895–1896 гг. вел пропаганду на Алгудьевской фабрике. В 1896 г. был за это арестован. Отправлен на поселение в Симбирск. Бежал за границу. В 1905 г. вернулся в Россию. Депутат I Государственной думы. Член Трудовой группы. После роспуска Думы остался за рубежом. В июле 1917 г. вернулся в Россию. Поддержал выступление Л. Г. Корнилова. Был арестован. Освобожден после прихода к власти большевиков. С 1920 г. в эмиграции.

¹¹⁵ Апаш (от *фр.* *apache*) – деклассированный элемент, хулиган.

¹¹⁶ Аникин Степан Васильевич (1868–1919) – политический деятель. С 1900 г. член партии эсеров. С 1905 г. страховой агент по Петровскому уезду Саратовской губернии. Участвовал в создании Всероссийского крестьянского союза. Депутат I Государственной думы, член Трудовой группы. Подписал Выборгское воззвание.

¹¹⁷ Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – военачальник. В 1919 г. командовал Кавказской Добровольческой армией. С апреля 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С ноября 1920 г. в эмиграции.

¹¹⁸ Онипко Федот Михайлович (1880–1938) – политический деятель. Депутат I Государственной думы, член Трудовой группы. Подписал Выборгское воззвание.

¹¹⁹ Заболотный Иван Кириллович (1868–1912) – депутат I Государственной думы от Подольской губернии. В Думе член Трудовой группы.

¹²⁰ Все подобные (*итал.*).

¹²¹ Недоносков Владимир Васильевич (1877–?) – депутат I Государственной думы от Уральской области. Входил в Трудовую группу.

¹²² Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – экономист, общественный и политический деятель. С 1905 г. член конституционно-демократической партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание. Убит членом «Союза русского народа».

выступил по аграрному вопросу и, защищая кадетский тезис о принудительном отчуждении помещичьих земель, счел возможным говорить и о деревенских иллюминациях¹²³. Именно по этому земельному вопросу первая Дума и была распущена.

После знаменитого ночного бдения, когда Дума заседала всю ночь, пережевывая этот аграрный вопрос, причем левые еще и перещеголяли Герценштейна, Дума была распущена. Когда утром 8 июля мы пришли на заседание¹²⁴, то нашли решетчатые ворота, ведущие к Таврическому дворцу, закрытыми, и военная стража никого туда не пропускала.

Почему-то власти опасались больших волнений, и приняты были всевозможные меры предосторожности: я в тот же вечер выехал из Петербурга в Кораблино, где находилась моя <...>¹²⁵. И наш поезд почему-то шел без огней, а все окна были тщательно завешаны. Но когда я приехал к себе в деревню и на другой же день у меня во дворе собрался большой деревенский сход по поводу аренды земли, то я убедился, насколько опасения эти были преувеличены: крестьяне очень мало интересовались тем, что Дума распущена или, как тогда выражались, разогнана. Мне хотя и задавали по этому поводу вопросы, но без всякого интереса, просто из любезности.

Известно, какой скандальный провал в народе постиг знаменитое Выборгское воззвание: каких только угроз ни наговорили раздосадованные депутаты, что их ставка бита и власть осталась в прежних руках: не платите налогов, не давайте рекрутов – полная революция по указке народных депутатов, которые, однако, сами предпочли уехать из столицы в Финляндию, где писать манифест к русскому народу было безопаснее¹²⁶.

Министр Столыпин тогда же метко охарактеризовал всю эту выборгскую комедию как буффонаду. По Основным законам право роспуска палат составляло прерогативу монарха. Какая же это прерогатива, если верховная власть должна была сначала спрашивать Думу, может ли она ее распустить? Какая же Дума ответила бы утвердительно и к чему свелось бы это пророчество?

Большой ошибкой было то, что граф Витте в период первой Государственной думы был не у дел. В воспоминаниях Витте есть много любопытных страниц о том, как по возвращении его из Портсмута, когда в Петербурге он сразу попал в водоворот революции, с ним вел пере-

¹²³ Имелись в виду поджоги помещичьих усадеб.

¹²⁴ А. В. Еропкин ошибается. Манифест о роспуске Думы был провозглашен в воскресенье.

¹²⁵ В рукописи слово пропущено; вероятно, «деревня».

¹²⁶ Имеется в виду Выборгское воззвание, подписанное депутатами 10 июля 1906 г.: «Граждане всей России! Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручали нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного характера отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны. Когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы. Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе, ваши выборные люди будут с вами».

говоры престарелый член Государственного совета граф Сольский¹²⁷ и убеждал его не отказываться от назначения председателем Совета министров. Престарелый граф не нашел лучшего аргумента, как заплакать.

В таких слабых руках в период первой Думы находилась власть председателя Совета министров Горемыкина. Он только что не плакал в Государственной думе. Но к твердости, находчивости, к ораторским выступлениям он был совершенно неспособен. Его единственное выступление в Думе, когда он принес с собой в синей обложке самое типичное «дело» за № ... и, методически развернув его, прочитал тихо и бесстрастно, голосом старого бюрократа, по собственному признанию, вынужденного из нафталина, свою речь, произвело самое отчаянное, удручающее впечатление, после чего и разразился своей филиппикой депутат Кокошкин, о чем я уже упоминал¹²⁸.

Такой председатель Совета министров для Думы, бушевавшей страстями, совершенно не годился, тем более что своей апатией он как-то защищал и других министров: за время его председательства из числа министров в Думе никто не выдвинулся, хотя в составе Кабинета находились уже и Столыпин, и Коковцов¹²⁹. Но все они как-то ступсывались, как будто растерялись в необычной бурной обстановке Государственной думы.

По аграрному вопросу пытался выступать министр Стишинский¹³⁰, но вяло и слабо, напоминая какого-то скучного учителя среди шума и гама разнузданных учеников. Несколько успешнее в ораторском смысле выступал товарищ министра Гурко¹³¹. Но и он сильно повредил себе тем высокомерным тоном, которым заговорил с думской трибуны. К тому же у всех на памяти был его инцидент с Лидвалем¹³², и Дума «народного гнева» была скандализована: как осмеливается выступать перед ней какой-то товарищ министра, замаравший себя лидвалевской историей¹³³.

Не таков был граф Витте, чтобы растеряться или смутиться перед Государственной думой. Уж если в ультрадемократической Америке он не растерялся и не смутился, а наоборот, сумел смутить Рузвельта¹³⁴, который никак не ожидал такой настойчивости со стороны представителя побежденной России; если он не растерялся среди бушующей вокруг него революции и сумел вести переговоры с бунтовщиками и благополучно довел их до конца, то неужели он смутился бы в Государственной думе, созванной по его инициативе, хотя и бушующей и принявшей вызывающий тон, но все же олицетворяющей законное народное представительство.

Мы знаем, что за кулисами Государственной думы с кадетской партией и ее лидером Милоковым¹³⁵ велись переговоры¹³⁶ всесильным в то время фаворитом генералом Трепо-

¹²⁷ Сольский Дмитрий Мартынович, граф (1833–1910) – государственный деятель. В 1904–1906 гг. председатель Государственного совета.

¹²⁸ Вероятно, А. В. Еропкин имел в виду речь В. Д. Набокова.

¹²⁹ Коковцов Владимир Николаевич, граф (с 1914 г.) (1853–1943) – государственный деятель. В 1904–1905 и 1906–1914 гг. министр финансов, в 1911–1914 гг. председатель Совета министров.

¹³⁰ Стишинский Александр Семенович (1851–1922) – государственный деятель. С 1904 г. член Государственного совета. В 1906 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием. Член группы правых Государственного совета.

¹³¹ Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) – государственный и политический деятель. Сын фельдмаршала И. В. Гурко-Ромейко. С 1906 г. товарищ министра внутренних дел. В 1907 г. отстранен от службы в связи с делом Лидваля. В 1910 г. получил чин камергера. С 1912 г. член Государственного совета от Тверского земства, состоял в группе правых. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В 1918 г. член Совета национального объединения России, участник Яского совещания. С 1918 г. в эмиграции.

¹³² Лидваль Леонард Иванович (Эрик Леонард) – шведский подданный, коммерсант.

¹³³ А. В. Еропкин ошибается. Депутаты I Думы не могли знать об этом инциденте. В 1906 г. В. И. Гурко заключил Л. Лидвалем договор о поставке 10 миллионов пудов хлеба в местности, пострадавшие от неурожая. Лидваль получил задаток в 800 тыс. руб. Однако контракт практически исполнен не был. В итоге В. И. Гурко был привлечен к суду Особого присутствия Сената.

¹³⁴ Рузвельт (Roosevelt) Теодор (1858–1919) – президент США в 1901–1909 гг.

¹³⁵ Милоков Павел Николаевич (1859–1943) – политический и общественный деятель, историк. С 1905 г. один из лидеров

вым¹³⁷. Но для успеха переговоров, да еще столь ответственных, недостаточно быть генера-

партии кадетов, редактор партийного органа печати – газеты «Речь». С 1907 г. председатель ЦК партии кадетов. Депутат III и IV Думы. С 1915 г. один из лидеров Прогрессивного блока. С марта по май 1917 г. – министр иностранных дел во Временном правительстве. Нота Милокова от 18 апреля 1917 г. стала причиной Апрельского кризиса, приведшего к его отставке.

¹³⁶ Имеются в виду переговоры в июне 1906 г. о формировании правительства с участием кадетов. Июнь 1906 г. стал временем нарастания конфликта между претендовавшей на учредительные функции I Государственной думой и не склонным к диалогу с ней Советом министров. В правительственных кругах рассматривалась два возможных варианта решения сложившейся кризисной ситуации: роспуск народного представительства и создание коалиционного правительства с участием общественных деятелей. Причем многие представители высшей бюрократии склонялись ко второму решению, считая, что разгон Думы может повлечь за собой социальные потрясения. Переговоры с общественными деятелями вели дворцовый комендант Д. Ф. Трепов, министр иностранных дел А. П. Извольский, министр внутренних дел П. А. Столыпин, член Государственного совета А. С. Ермолов. Д. Ф. Трепов вел переговоры по соглашению с министром императорского двора В. Б. Фредериксом, который склонялся к мысли о создании кадетского кабинета при условии отказа думского большинства от политической амнистии и отмены смертной казни. Причем он поддерживал кандидатуру С. А. Муромцева как возможного председателя Совета министров. Д. Ф. Трепов искал возможность организовать встречу с лидером фракции кадетов И. И. Петрункевичем, однако последний уклонился от нее. С аналогичным предложением дворцовый комендант обратился к П. Н. Милокову. Переговоры прошли в петербургском ресторане «Кюба» в первой половине июня. Д. Ф. Трепов высказался в пользу создания «министерства доверия», составленного из представителей думского большинства. П. Н. Милоков отметил, что кадровый вопрос имеет вторичное значение, а ключевой вопрос – направление деятельности предполагаемого правительства. В дальнейшем обсуждалась исключительно программа будущего кабинета. Согласно воспоминаниям П. Н. Милокова, Д. Ф. Трепов соглашался на создание ответственного правительства, пересмотр Основных законов, упразднение Государственного совета, принудительное отчуждение частновладельческих земель, возражал только против политической амнистии. Д. Ф. Трепов также встречался и С. А. Муромцевым. 24 июня с последним вел переговоры и член Государственного совета А. С. Ермолов. Некоторое время спустя на квартире С. А. Муромцева происходили консультации П. Н. Милокова с А. С. Ермоловым относительно возможности создания кадетского кабинета. Во второй половине июня по поручению императора П. А. Столыпин в присутствии А. П. Извольского провел переговоры с П. Н. Милоковым, которые, по воспоминаниям последнего, носили формальный характер и не предполагали какой-либо конкретной договоренности. В то же время Д. Ф. Трепов составил список «министерства доверия», который передал царю. В качестве председателя Совета министров намечался С. А. Муромцев, министром внутренних дел – П. Н. Милоков или И. И. Петрункевич, министром юстиции – В. Д. Набоков или В. Д. Кузьмин-Караваев, министром иностранных дел – П. Н. Милоков или А. П. Извольский, министром финансов – М. Я. Герценштейн, министром земледелия – Н. Н. Львов, государственным контролером – Д. Н. Шипов. Кандидатуры военного, морского министров, а также министра двора оставались на усмотрение императора. П. А. Столыпин также был сторонником привлечения общественных деятелей в состав правительства. В качестве кандидатов на должности министров он называл П. А. Гейдена, А. Ф. Кони, Н. Н. Львова, Д. Н. Шипова. Во второй половине июня П. А. Столыпин вел переговоры с Н. Н. Львовым о возможности вхождения того в Совет министров. Столыпин настаивал на необходимости одновременного роспуска Думы и создании коалиционного кабинета. Это позволило бы выйти из кризиса с обновленной властью, пользующейся доверием населения. Н. Н. Львов высказывал свое принципиальное несогласие с этим возможным решением проблемы. Консультации с общественными деятелями проводил и А. П. Извольский, встречаясь преимущественно с депутатами думского большинства. Еще 31 мая в личной беседе с П. А. Гейденом и Ю. Н. Милотинным он высказывал мысль о необходимости создания кадетского правительства. П. А. Гейден назвал ему возможных кандидатов на министерские посты: С. А. Муромцев, И. И. Петрункевич, Г. Е. Львов, Ф. Ф. Кокошкин, В. Д. Набоков, С. А. Котляревский, В. Д. Кузьмин-Караваев. Впоследствии П. А. Столыпин предлагал А. П. Извольскому переговорить и с представителями центра (А. Д. Оболенским, Н. А. Хомяковым) и правой группы (С. С. Гончаровым, А. А. Нарышкиным, Ф. Д. Самариным) Государственного совета. Поздно вечером 27 июня состоялось совещание в составе П. А. Столыпина, А. П. Извольского, Л. Н. Львова и Д. Н. Шипова, на котором министр внутренних дел изложил свой вариант преодоления конституционного кризиса. Ему резко оппонировал Д. Н. Шипов, который считал неприемлемым роспуск Думы, так как в общественном мнении он был бы интерпретирован как отказ от принципов, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г. П. А. Столыпин поставил вопрос о создании коалиционного правительства во главе с Д. Н. Шиповым, в которое бы вошли как представители общественности, так и бюрократии. По мнению же Шипова, такое правительство не решило бы стоявших перед ним задач, так как оно бы не пользовалось достаточной общественной поддержкой и не смогло бы способствовать установлению рабочих отношений между администрацией и Думой. Он настаивал, что в сложившихся обстоятельствах Совет министров должен быть сформирован правящим большинством законодательного собрания, т. е. партией кадетов. Эта идея вызвала неприятие П. А. Столыпина, который считал вариант с приглашением в правительство членов Партии народной свободы слишком «рискованным». Днем 28 июня имели место консультации П. А. Гейдена с П. Н. Милоковым и Д. Н. Шипова с С. А. Муромцевым о возможности формирования коалиционного правительства. На вопрос Гейдена об отношении к предполагаемому будущему кабинету под председательством Д. Н. Шипова П. Н. Милоков «ответил категорически, что он, стоя строго на почве принципа парламентаризма, находит такую комбинацию безусловно неприемлемой, что, по его убеждениям, новый кабинет должен быть образован исключительно из лиц, принадлежащих к руководящему большинству Государственной думы, и дал понять, что считает в этом смысле вопрос уже в сферах предрешенным, и готов принять на себя составление кабинета, как только поручение будет ему сделано» (*Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 452–453). С. А. Муромцев в беседе с Д. Н. Шиповым признавал, что создание коалиционного правительства, составленного из кадетов и представителей умеренного либерализма, было бы желательным. Однако в сложившихся обстоятельствах подобное решение противоречило настроениям в конституционно-демократической партии, поэтому он не считал для себя возможным отстаивать такую комбинацию. Создание же кабинета под председательством Д. Н. Шипова, по

лом, недостаточно быть всеильным и даже фаворитом. Для того чтобы разогнать Думу, этого достаточно. Но чтобы прийти с ней к соглашению, нужен был ум более крупный, более гибкий и более искусный; нужен был особый талант. Этим талантом, безусловно, обладал граф Витте, в столь критические минуты оказавшийся не у дел, в опале.

Прямо как-то не верилось, что среди состава министров первой Государственной думы не было самой крупной фигуры того периода – графа Витте. Для меня совершенно очевидно, что самый ход событий, ход переговоров за кулисами принял бы иной оборот и что граф Витте, конечно, не читал бы своих речей по делу в синей обложке, а нашел бы иной тон и иной разговор с Думой и ее лидерами. Уж если он умел разговаривать с Хрустальевым-Носарем, то неужели он не сумел бы договориться с властолюбивым Милюковым или не сумел бы понять Аладьина, тем более что, как показал ход событий, понять их было так просто.

Без графа Витте ничего другого не придумали, как распустить Думу. А роспуск первой Думы повлек за собой созыв второй Думы, которая оказалась горшей, нежели первая, ибо первая только говорила страшные слова, а вторая стремилась выполнить эти слова на деле: Дума народной мести.

Правительство все еще не сознавало всей порочности и негодности избирательного закона в Думу¹³⁸, который давал такой большой козырь в руки левых партий. В Рязани, например, прошли во вторую Государственную думу такие лица, которые не имели с губернией никакой связи, были пришлым земским третьим элементом. Выбрали их крестьяне, которым они невесть что обещали. Кадеты в этой Думе играли уже второстепенную роль. Главенство перешло к левым, к рабочим и трудовикам. Было ясно, что правительство вновь ошиблось и что вторая Дума еще менее работоспособна, чем первая.

Вторая Дума показала свою месть в более конкретной форме: начался ряд экспроприаций и террористических актов. Ужасный взрыв на Аптекарском острове¹³⁹, направленный против министра Столыпина, но причинивший зло его неповинным детям и посторонним лицам, случайно находившимся в приемной министра, относится к этой же категории.

Этот день взрыва на Аптекарском острове лично для меня был очень памятен, ибо лишь счастливый случай охранил меня от опасности. Как раз в этот день в часы приема мне была назначена аудиенция у министра Столыпина. Предварительно мне необходимо было повидать товарища министра финансов Покровского¹⁴⁰. Однако Покровский запоздал, и мне долго пришлось его ожидать. Помню, я очень волновался, чтобы не опоздать к приему у Столыпина, и несколько раз справлялся по телефону, не начался ли прием. Наконец Покровский приехал

его мнению, было лишено всякого смысла, так как оно было бы встречено враждебно в Думе. Вечером 28 июня на аудиенции у императора Д. Н. Шипов настаивал на необходимости отказаться от идеи роспуска народного представительства и составить правительство из представителей думского большинства. Он считал, что в новых условиях программные установки кадетов претерпят заметные изменения. Так, в случае их прихода к власти, едва ли встанет вопрос о полной политической амнистии, которая, скорее всего, не коснется тех, кто представлял угрозу чужой жизни или имуществу. Вряд ли бы кадеты, облеченные правительственной властью, отстаивали принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель, прибегая к этому средству лишь в крайних случаях. «В заключении я добавил, что если представители к.-д. партии были бы призваны к власти, то весьма вероятно, что в ближайшем времени они признали бы необходимым распустить Государственную думу и произвести новые выборы с целью освободиться от многочисленного левого крыла и создать палату из сплоченных прогрессивных элементов страны» (*Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 459). На вопрос императора о возможном председателе Совета министров Д. Н. Шипов высказался в пользу кандидатуры С. А. Муромцева. Сам же император в ходе беседы своих предпочтений не высказывал.

¹³⁷ Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – военный и государственный деятель. С 1905 г. санкт-петербургский генерал-губернатор. С 26 октября 1905 г. дворцовый комендант.

¹³⁸ Имеются в виду Положения о выборах 11 декабря 1905 г.

¹³⁹ Имеется в виду покушение на П. А. Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. Оно произошло задолго до созыва II Думы.

¹⁴⁰ Покровский Николай Николаевич (1865–1930) – государственный деятель, тайный советник (1913). В 1906–1914 гг. товарищ министра финансов.

и вскоре меня отпустил. Я поспешил на Аптекарский остров. Так как для меня было дорого нанимать извозчика, то я сел на парходик, который подвез меня почти к самой даче министра.

Как только мы пристали к берегу, было ясно, что там что-то произошло неладное, какая-то суматоха и растерянность публики и полиции.

Оказалось, что как раз в то время, когда парходик наш совершал этот рейс, и произошел ужасный взрыв. Несколько человек просителей, ожидавших в приемной министра, пострадали. Меня же спас лишь случай: не приехал бы Покровский в Министерство финансов вовремя и не задержал меня на эти полчаса, я также был бы уже в приемной у Столыпина.

Закон 3 июня

Правительство пришло к убеждению, что вторую Думу необходимо распустить и чем скорее, тем лучше, ибо работать она не хотела и не могла, а в народ своими прениями вносила большую смуту. Но недостаточно было ее распустить, ибо третья Дума могла собраться еще более левой, уже не «народной мести», а какого-нибудь «народного восстания».

Надо было подумать об исключении¹⁴¹ избирательного закона в Думу. И здесь министр Столыпин проявил свою решительность, не остановившись перед изменением конституции¹⁴². По этому серьезнейшему вопросу мною была составлена обстоятельная записка, с которой я и отправился в Петербург, чтобы доставить ее Столыпину, что мне и удалось исполнить через его брата¹⁴³, работавшего в «Новом времени».

Я доказывал в записке, что невозможно предоставлять участь выборов и участь Думы одним крестьянам, которые давили всех своей численностью и которые в то же время представляли столь благодарный материал для агитации. Необходимо выделить крестьян в особую курию¹⁴⁴ по примеру земских выборов и распределить число выборщиков так, чтобы крестьяне были представлены пропорционально владеемой ими земле (цензовая система).

Именно такая система и была принята в новом избирательном законе в Думу¹⁴⁵. К сожалению, и в новом законе была допущена новая ошибка, а именно: в землевладельческую курию были зачем-то втиснуты и духовные лица, не имевшие с ней никакой связи. Впоследствии эта ошибка дала себя знать, но уже с обратной стороны, со стороны правой реакции, действовавшей через архиереев.

3 июня 1907 года вторая Дума была распущена; обнародован новый избирательный закон и назначены выборы в третью Государственную думу. Левым оставалось укладывать чемоданы, ибо крестьяне на свои места, конечно, не пустили. Еще бы: десять рублей суточных!

По новому закону мы приобретали шансы вновь попасть в Государственную думу, ибо шансы левых были сведены до минимума. Нам, октябристам, предстояла лишь борьба с кадетами, которые начиная с первой Государственной думы и выступления их депутата Петрункевича – кстати, это было единственное его выступление – навсегда усвоили себе тактику соглашения с левыми, а не с нами.

Я считаю, что эта тактика их была ошибочной, но с левыми у буржуазной партии не может быть согласия, ибо все миросодержание их слишком различно, и их идеологии не могут быть смешаны: масло в воде всегда всплывает наверх. Последующие события второй революции служат лучшим подтверждением моего мнения: кадеты погибли вместе с буржуазией, ибо сами были буржуа. На этом большом вопросе мне еще придется подробно остановиться. Я лишь

¹⁴¹ Видимо, имеется в виду изменение избирательного законодательства.

¹⁴² Имеются в виду Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г.

¹⁴³ Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925/1930) – общественный и политический деятель, журналист, литератор, брат П. А. Столыпина. В апреле 1906 г. познакомил П. А. Столыпина с А. И. Гучковым.

¹⁴⁴ А. В. Еропкин ошибается. Крестьяне и так были выделены в особую избирательную курию.

¹⁴⁵ В действительности же было изменено соотношение между представителями различных курий в губернском избирательном собрании.

отмечаю теперь всю ложность кадетской тактики в период Государственных дум, отвергавшей всякое соглашение со столь конституционной партией, как октябристы.

Я думаю, что значительную долю нерасположения необходимо отнести на счет личной неприязни лидеров этих партий: Милюкова и Гучкова. Я же считаю, что принципиально октябристов от кадетов разделяли лишь два основных вопроса: всеобщее избирательное право (знаменитая четыреххвостка¹⁴⁶) и принудительное отчуждение частновладельческих земель.

Впоследствии события показали, на чьей стороне была правда. Учредительное собрание было создано по этой четыреххвостке по рецепту автора этого избирательного закона Кокоскина. Что же получилось? Учредительное собрание сплошь оказалось левым и даже с наклоном к большевизму¹⁴⁷; лишь на крайних правых скамьях маячило несколько унылых фигур кадетов, прошедших от больших городов. Это последнее обстоятельство очень характерно: значит, деревня не признала кадетов, а признала Ленина. Учредительное собрание просуществовало один день и было разогнано большевиками, а сам Кокоскин был ими же убит. Так окончилась знаменитая четыреххвостка.

По второму вопросу о принудительном отчуждении владельческих земель, начало его применения на практике выпало на долю кадетского министра земледелия Шингарева¹⁴⁸ в его роковом циркуляре о принудительном засеивании пустующих земель. Прямым последствием этого циркуляра было отобрание всей помещичьей земли. Шингарев был также убит большевиками.

Так сурово расправилась жизнь с этими двумя пророками кадетской программы.

Не ясно ли, что октябристы были правы, все время доказывая неприемлемость для буржуазных партий этих социалистических полулюдей. Октябристы были людьми практики и хорошо знали русскую деревню, тогда как кадеты были теоретиками, которые импонировали своим либерализмом.

Почему, например, Прогрессивная партия¹⁴⁹, отколовшаяся от октябристов (ранее она именовалась Партией мирного обновления¹⁵⁰), потянулась к союзу с кадетами? Партия эта микроскопическая, никакого влияния никогда не имевшая и даже неизвестно, на какие круги населения опиравшаяся. Обыкновенно на выборах они проходили под чужим знаменем октябристов; а уже в Думе они образовывали свой кружок, тяготеющий к кадетам.

А про Польское Коло¹⁵¹ и говорить нечего: если они и состояли в союзе с кадетами, то лишь потому, что те обещали им автономию. Во всем остальном их идеология была правее октябристов: когда профессор Герценштейн развивал свой проект о принудительном отчуждении владельческих земель, то Польское Коло выслало на трибуну одного из серьезнейших

¹⁴⁶ То есть всеобщее, прямое, равное, тайное избирательное право.

¹⁴⁷ В действительности в ходе выборов в Учредительное собрание наибольшее число мест получили социалисты-революционеры (эсеры).

¹⁴⁸ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – общественный и политический деятель. С 1905 г. член конституционно-демократической партии, возглавлял ее воронежское отделение; с 1908 г. член ЦК партии. В январе 1907 г. отстранен от работы в земстве по причине «политической неблагонадежности». С 1907 г. гласный Санкт-Петербургской городской думы. Депутат II Думы от г. Воронежа. Депутат III Думы от Воронежской губернии; в III и IV Думе товарищ председателя конституционно-демократической фракции. Выступал с думской трибуны свыше 300 раз, преимущественно по вопросам бюджета, являясь основным оппонентом министра финансов В. Н. Коковцова. Депутат IV Думы от Санкт-Петербурга; член Совета старейшин Думы. С августа 1915 г. член Прогрессивного блока; представлял фракцию кадетов в бюро блока. Во время Первой мировой войны член Главного комитета Всероссийского союза городов и Петроградского комитета Союза городов. С августа 1915 г. член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. С марта 1917 г. министр земледелия во Временном правительстве. В мае – июне 1917 г. министр финансов; возглавлял группу кадетов во Временном правительстве. В августе 1917 г. участвовал в работе Государственного совещания; в сентябре 1917 г. – Временного совета Российской республики (Предпарламента). 28 ноября 1917 г. арестован большевиками и заключен в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. вместе с Ф. Ф. Кокоскиным переведен в Мариинскую тюремную больницу. В ночь на 7 января 1918 г. в больничной палате зверски убит революционными матросами.

¹⁴⁹ Имеется в виду Партия прогрессистов.

¹⁵⁰ Партия мирного обновления откололась от октябристов в 1906 г.

¹⁵¹ Имеется в виду польская фракция в Государственной думе.

своих ораторов¹⁵² – профессора Петражицкого¹⁵³, который в чисто научной речи доказал всю утопичность этого проекта. Польское Коло так и порешило: вы у себя в России производите какие угодно эксперименты с землей, это – ваше дело; но Царство Польское оставьте в покое, это – наше дело; у нас кодекс Наполеона¹⁵⁴, и право собственности священно и неприкосновенно. Кадеты проглотили эту пилюлю.

В этом и заключалась основная разница в программе кадетов и октябристов: голосование и земля. Этими положениями своей программы кадеты чрезвычайно дорожили и ни в каком случае не хотели ими поступиться. Между тем октябристы, более практичные и ближе стоявшие к русской деревне и русскому мужику, отлично сознавали всю утопичность этих условий кадетской программы.

Ко времени третьей Думы определялась такая группировка партий: центр – конституционно-буржуазная партия октябристов; направо – монархические партии нескольких оттенков, т. е. националисты, приемлющие Манифест 17 октября, и правые, отвергающие его, стоящие на почве неограниченного самодержавия. Это – революционеры справа; между прочим, Николай II им вполне сочувствовал, тем и объясняется опала графа Витте, якобы вырвавшего от царя Манифест 17 октября. Затем, на левой стороне – социалисты всех оттенков, начиная с трудовиков, куда главным образом вербовались крестьянские депутаты, вообще мало разбравшиеся в политических группировках, пошедшие туда за посулами даровой помещичьей земли.

Наконец, между социалистами и буржуазной партией октябристов занимали какое-то странное, межумочное положение кадеты, которые и от своих отстали, и к чужим не пристали; нечто половинчатое между социализмом и капитализмом, стремившиеся примирить непримиримое. И когда в России разразилась социальная революция, вся их программа рухнула как картонный домик: крестьяне потянулись за теми, кто больше обещал.

Перед выборами в третью Государственную думу нам, октябристам, наиболее серьезными противниками представлялись именно кадеты, ибо шансы социалистов новым избирательным законом были подорваны. Раньше, пользуясь тем, что число крестьянских голосов везде превосходило остальные голоса, социалисты, обещая крестьянам все, проходили в Думу их голосами за пять помещиков. Теперь голоса крестьян были уравновешены по численности с голосами остальных избирателей, и землевладельцы могли проводить в Думу собственных кандидатов, особенно по соглашению с горожанами. Что касается крестьян, то, конечно, на свои места в Думу они никого не пускали; наоборот, резались между собой в погоне за десятирублевыми суточными¹⁵⁵.

Теперь по новому закону социалисты могли проходить в Думу или от рабочих фабрично-заводских, которые выбирали своего отдельного представителя, в большинстве губерний по одному представителю, или от больших городов, по соглашению с кадетами, где применялась прямая подача голосов. Кавказ доставлял социал-демократов¹⁵⁶.

¹⁵² А. В. Еропкин ошибается: Л. И. Петражицкий был членом фракции кадетов.

¹⁵³ Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) – правовед, социолог, философ. Член конституционно-демократической партии. С января 1906 г. член ЦК партии. В апреле – июле 1906 г. депутат I Государственной думы от Петербурга, член фракции кадетов. Подписал Выборгское воззвание бывших депутатов I Государственной думы, в связи с чем в 1907 г. был приговорен к трем месяцам тюремного заключения и лишен избирательных прав.

¹⁵⁴ Имеется в виду Гражданский кодекс Наполеона, который был введен французским императором в Герцогстве Варшавском и отчасти продолжал действовать и в Царстве Польском, находившемся под властью российского императора.

¹⁵⁵ В I, II Думе и в начале работы III Думы депутаты получали 10 руб. за день сессии.

¹⁵⁶ Речь идет о Грузии, где доминировали меньшевики.

Таким образом, вся наша борьба теперь сосредоточивалась именно на кадетях, которых было много в земско-помещичьей фазе. Некоторые губернии, например Московская, Тверская, Калужская, сплошь присылали кадетов¹⁵⁷.

Ко времени избирательной кампании в третью Думу партия октябристов благодаря энергии А. И. Гучкова была достаточно организована: в Москве образовался Центральный комитет, была своя газета «Голос Москвы», были собраны средства на предвыборную агитацию. Был организован небольшой разъездной комитет, куда входили: профессор граф Камаровский¹⁵⁸, петербургский присяжный тверской Бобрищев-Пушкин¹⁵⁹, я и член Московской городской управы Малинин¹⁶⁰. Задачей нашей было устраивать предвыборные собрания и диспуты в тех городах, где нам наиболее угрожали кадеты. Я посетил в то время Саратов, Ростов, Новочеркасск, Калугу, Жиздру, Харьков, Полтаву. Обыкновенно мне сопутствовал Малинин. На диспутах против нас выступали местные кадеты, иногда очень сильные и известные ораторы, например, Обнинский¹⁶¹ и Новосильцев¹⁶² в Калуге. Иногда приезжали на диспут и кадетские звезды первой величины, например, Кизеветтер¹⁶³, Родичев¹⁶⁴.

Были такие звезды и среди октябристов, как, например, профессор Ключевский¹⁶⁵, профессор Герье¹⁶⁶, адвокат Плевако¹⁶⁷. Но все они были настолько заняты своими текущими работами, что редко могли выступать даже у себя в Москве. А профессор Ключевский прямо избегал публичных партийных выступлений.

Эти мои поездки и выступления на диспутах, так же как и мои литературные работы, сделали мое имя достаточно популярным, и мною припоминается один эпизод, который произошел у меня с известным октябристом, членом Государственного совета Красовским¹⁶⁸: как-то уже в Петербурге мы встретились с ним на каком-то собрании, не зная лично друг друга. Разговорившись с ним, я указал, что по числу и по качеству ораторства кадеты могут нас побивать в Думе.

¹⁵⁷ А. В. Еропкин ошибается. В ходе выборов в III Думу Московская губерния дала одного кадета (из шести депутатов), а Калужская и Тверская губернии не дали ни одного кадета.

¹⁵⁸ Камаровский Леонид Алексеевич, граф (1846–1912) – юрист, общественный и политический деятель. Член «Союза 17 октября». С 1907 г. член Московского ЦК партии; один из старшин Московского клуба октябристов. С 1909 г. товарищ председателя ЦК.

¹⁵⁹ Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875–1937) – адвокат, общественный и политический деятель. Товарищ председателя «Союза 17 октября». В качестве адвоката защищал М. Бейлиса.

¹⁶⁰ Малинин Владимир Федорович (1873–1943) – инженер-механик, общественный деятель. Член Московской земской управы. Входил в «Союз 17 октября».

¹⁶¹ Обнинский Виктор Петрович (1867–1916) – общественный и политический деятель. Член конституционно-демократической партии. Депутат I Государственной думы от Калужской губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к трем месяцам тюремного заключения.

¹⁶² Новосильцев Юрий Александрович (1853–?) – общественный деятель, действительный статский советник. В 1884–1917 гг. темниковский уездный предводитель дворянства.

¹⁶³ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, общественный и политический деятель. Один из создателей конституционно-демократической партии. С 1906 г. член ЦК партии. Депутат II Государственной думы.

¹⁶⁴ Родичев Федор Измайлович (1854–1933) – политический и общественный деятель. Один из создателей конституционно-демократической партии, член ее ЦК с 1906 г. Депутат I, II, III и IV Государственной думы. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В марте – мае 1917 г. комиссар Временного правительства по делам Финляндии. В августе 1917 г. участник Государственного совещания. С октября 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания от Петрограда.

¹⁶⁵ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – русский историк.

¹⁶⁶ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – русский историк. С 1906 г. член «Союза 17 октября». С 1907 г. член Государственного совета.

¹⁶⁷ Плевако Федор Никифорович (1842–1908) – адвокат, общественный и политический деятель. Известный судебный оратор. Член «Союза 17 октября», член Московского отдела его ЦК. Депутат III Государственной думы от Москвы.

¹⁶⁸ Красовский Михаил Васильевич (1851–1911) – государственный, общественный и политический деятель, тайный советник (1891). Участвовал в создании «Союза 17 октября», член его ЦК. Один из учредителей Клуба общественных деятелей. В 1905–1911 гг. председатель его Совета старейшин. С 1906 г. член Государственного совета, входил в группу центра.

– Что вы! А Еропкин-то! Он им спуска не даст! – и принялся меня расхваливать мне же в глаза. С величайшим чувством неловкости я должен был его остановить и сказать ему, что это я и есть Еропкин. Он смутился, и мы сухо расстались.

Из собственного опыта могу, однако, сказать, что дело все же заключалось вовсе не в митингах, а в избирательном законе. Митинги могли оказать пользу лишь при прямой подаче голосов в больших городах; но там мы пасовали перед левыми и кадетами, которые больше нас обещали избирателям. Мы же не могли обещать того, что противоречило нашей идеологии и нашей программе.

Точно так же и кадеты впоследствии спасовали перед социалистами в период Учредительного собрания: кадеты предлагали землю по справедливой оценке, а социалисты предлагали ее даром; а большевики предлагали не только земли, но и все вообще чужое имущество: грабь награбленное.

В третьей Думе

Когда мы были избраны в третью Государственную думу, то ясно было, что эта Дума будет работать.

– Теперь едем в Петербург надолго, просидим там все сроки! – говорил мне князь Волконский, отправляясь со мной в Думу. Но он не пробыл там всего срока, ибо года через два умер.

Я не стану подробно описывать всего хода выборов в третью Государственную думу: опять пришлось вступить в соглашение с депутатом от крестьян Лукашиным¹⁶⁹. Мы провели в Думу Лукашина, который числился октябристом, а Лукашин со своими друзьями поддержал нас: меня, князя Волконского, Леонова¹⁷⁰ и Сафонова¹⁷¹.

Среди землевладельцев не было сплоченности и единодушия, ибо в их среде были и кадеты; были кадеты, хотя и плохонькие, и у нас в Рязани; и вот против них-то и приходилось вступать в коалицию с крестьянскими депутатами.

Лукашин первое время в Думе был очень мне признателен, и даже места мы с ним заняли рядом. Однако постепенно под влиянием трудовиков, укорявших его в близости к «господам», он как-то отдалился; но все же дальше прогрессистов он не пошел; лично со мной сохранил хорошие отношения на пять лет.

Теперь, в третьей Думе, решающее значение приобрела уже партия октябристов, самая многочисленная; но все же абсолютного большинства октябристы не имели, и им при голосовании приходилось вступать в блоки то с националистами, то с прогрессистами и даже левыми. Чаще всего, конечно, голосовали с националистами, которыми руководили граф Бобринский¹⁷², Шульгин¹⁷³ и Балашов¹⁷⁴. Впрочем, Балашов был нужен им как денежный мешок; иного влияния по своему характеру он иметь не мог.

¹⁶⁹ Лукашин Иван Игнатович (1870–?) – депутат III Государственной думы от Рязанской губернии. В Думе входил во фракцию октябристов.

¹⁷⁰ Леонов Дмитрий Алексеевич (1864–?) – общественный и политический деятель. С 1906 г. председатель Скопинского отдела «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы от Рязанской губернии.

¹⁷¹ Сафонов Михаил Кузьмич (1842–?) – депутат III Государственной думы от Рязанской губернии. Член фракции октябристов.

¹⁷² Бобринский Владимир Алексеевич, граф (1867–1927) – общественный и политический деятель. В 1905 г. участвовал в создании организации «За царя и порядок», которая вошла в «Союз русского народа». В 1904–1908 гг. Богородицкий уездный предводитель дворянства. Депутат II, III и IV Думы. С 1915 г. один из лидеров прогрессивных националистов. Член Прогрессивного блока. В 1916 г. председатель Галицко-русского благотворительного общества. В 1916–1917 гг. товарищ председателя Государственной думы.

¹⁷³ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – общественный и политический деятель. Депутат II, III и IV Думы, один из лидеров правых. В 1908 г. участвовал в создании Всероссийского национального союза. В 1912 г. вышел из фракции правых и присоединился к националистам. В 1915 г. вошел в Прогрессивный блок. С 27 февраля 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. Вместе с А. И. Гучковым принял отречение Николая II от престола. В августе 1917 г. участвовал в

Разрыв националистов с правыми произошел в самом начале третьей Думы по вопросу об ответном адресе государю. Правые постановили поместить в адресе титул «самодержавный». Получался скандал, если бы такой титул был послан от Думы после Манифеста 17 октября.

По этому вопросу в Думе были мобилизованы лучшие силы, и от октябристов выступил знаменитый оратор Ф. Н. Плевако; он произнес тогда одну из лучших речей, призывая членов Думы к благоразумию: «Вам дана тога мужа, а вы просите детскую рубашку» – такие фразы переходят в историю.

К сожалению, Плевако приехал в Думу уже совершенно больным человеком, с сильнейшим артериосклерозом, от которого он вскоре и скончался. Но все же я думаю, судя по нескольким его выступлениям, что он не мог быть политическим оратором. Конечно, он произносил бы умные и блестящие речи, но он не чувствовал бы себя в интимной обстановке судебных установлений, где он был неподражаем, когда нужно было найти путь к сердцу, к чувству слушателей. Этот метод совершенно не подходит к политическим собраниям с сотнями и тысячами слушателей, где нужен темперамент, пафос или сарказм, главное же – сила легких. Плевако был велик в камерной обстановке, он не был народным трибуном, как, например, Родичев.

Эта метаморфоза в Думе произошла со многими выдающимися ораторами: я уже указывал на Стаховича; то же произошло с нашим рязанским земским оратором князем Волконским: в земстве его слушали с величайшим вниманием, и выступления его являлись событиями дня. А в Думе он сошел на нет, его сердечные порывы не находили отклика в слушателях, скорее, вызывали насмешку, и Дума его не слушала.

В Думе выдвинулись совсем новые ораторы, которых раньше не знали: от кадетов, например, Шингарев, от прогрессистов – Львов¹⁷⁵, от националистов – граф Бобринский, от правых – Пуришкевич, от социалистов – Керенский¹⁷⁶. Были ораторы камерные – это Шульгин, Гучков, которых слушали в глубочайшей тишине. Но они выступали редко, ибо знали, что внимание Думы скоро притупляется, а громбонов они в своем распоряжении не имели.

Как это ни прискорбно, но необходимо признать, что среди партий и фракций Государственной думы наиболее культурной и наиболее организованной являлось Польское Коло. Дисциплина у них была образцовая, и ораторы их выступали на трибуну только в случае надобности, и каждый оратор говорил именно столько, сколько требовалось для выяснения вопроса. Достаточно сказать, что во все четыре Думы от привислинских губерний¹⁷⁷ всегда избирались одни и те же депутаты. Это доказывает большую организованность и большую дисциплину партий.

На эту политическую культурность Польского Коло я не раз указывал в газетах, и в «Новом времени», и в «Голосе Москвы». Однажды мы сидим в Думе с депутатом Лукашиным во время перерыва на своих местах и мирно беседуем. Видим, что к нам приближаются польские депутаты Дмовский¹⁷⁸ и Жуковский¹⁷⁹. Каково же было мое удивление, когда депутаты эти

Государственном совещании.

¹⁷⁴ Балашов Петр Николаевич (1871 – после 1939) – общественный и политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы. В III Думе председатель фракции умеренно-правых, а затем русской национальной фракции. В IV Государственной думе председатель фракции русских националистов и умеренно-правых.

¹⁷⁵ Львов Николай Николаевич (1867–1944) – общественный и политический деятель. Один из организаторов конституционно-демократической партии. В 1905–1906 гг. член ее ЦК. Депутат I, III, IV Думы. В 1906 г. вышел из партии кадетов. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В сентябре 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента).

¹⁷⁶ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – общественный, политический и государственный деятель. Депутат IV Думы. С 27 февраля 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. С марта 1917 г. член партии эсеров. Член Временного правительства: министр юстиции, затем военный и морской министр, с 8 июня 1917 г. председатель. С 30 августа 1917 г. Верховный главнокомандующий.

¹⁷⁷ То есть от польских губерний.

¹⁷⁸ Дмовский (Dmowski) Роман (1864–1939) – политический деятель. Депутат II и III Думы, член Польского Коло. С 1915 г. возглавлял Польский национальный комитет в Париже.

¹⁷⁹ Жуковский Владислав Владиславович (1860–1916) – общественный и политический деятель. Депутат II и III Думы.

подошли ко мне и заявили, что они явились по поручению Коло выразить мне благодарность за беспристрастие и внимание, оказанные мною их партии. Я был этим очень растроган. Этот поступок их служил также доказательством их культурности: ведь они состояли в оппозиции и сидели на противоположных нам скамьях.

Про наши партии этого никак нельзя сказать: никакой дисциплины и очень малая культурность. Каждый лезет на ораторскую трибуну без всякой надобности, чтобы показать, что и он не хуже других. Особенно со стороны правых: выступления депутатов Тимошкина¹⁸⁰ или Гулькина¹⁸¹ были сплошной клоунадой, и историческая фраза Тимошкина про «женское сословие» вызвала гомерический хохот всей Думы.

Один депутат из волостных писарей был прямо одержим зудом оратора, но так как он не обладал ни ораторскими способностями, ни мыслями, то он почему-то облюбовал меня и перед каждым своим выступлением очень трогательно просил меня написать ему несколько строк, которые он и прочитывал с трибуны. Если же иногда он не разбирал или запутывался в словах, то в смущении прибавлял: «Ну, да, словом, вы сами понимаете!» Я не могу сейчас припомнить фамилии этого депутата, но живо вижу его перед собой, бледного и трепещущего, стремящегося на трибуну.

Октябристы также не отличались дисциплиной и часто шли на трибуну, не обладая никакими к тому способностями; припоминаю выступления депутатов Стемпковского¹⁸², Гололобова¹⁸³, Шейдемана¹⁸⁴ и др., которые лишь подрывали своими неприметными выступлениями авторитет партии, пока наконец не удалились из нее.

Надо иметь в виду всю процедуру парламентского обсуждения: вопросы обсуждаются и разжевываются в нескольких инстанциях – сначала в комиссии, а чаще всего еще и в подкомиссии, затем во фракциях. И когда уже вопрос совершенно выяснен и разработан, только тогда он попадает на обсуждение всей Думы. Для самой Думы это публичное обсуждение вопроса не имеет никакого значения, ибо вопрос заранее уже выяснен и предрешен голосованием во фракциях. В Думе вопрос обсуждается лишь для печати, для страны, которая знакомится с прениями в Думе по отчетам газет. Никакими самыми горячими речами в Думе нельзя никого убедить, и как бы ни старались убедить меня Чхеидзе¹⁸⁵ или Пуришкевич, все равно я с ними голосовать не буду уже в силу одной партийной дисциплины. Обыкновенно фракция назначает и оратора, который должен выступать от ее имени в Думе и который наиболее знаком с предметом.

Какую же задержку в работе Думы производили эти добровольные выступления любителей поговорить с ораторской трибуны! Иногда по какому-либо боевому вопросу записывались десятки добровольцев, приводя членов Думы в ужас и в паническое бегство. Ничего подобного никогда не бывало в Польском Коло. Эта обывательщина и дилетантство пронизывали Думу, не выработалось никакого преимущества в работе, никакого уважения к чужим трудам, которые несли

Член Польского Коло.

¹⁸⁰ Тимошкин Федор Федорович (1872–?) – депутат III Государственной думы от Закавказья. Член фракции правых.

¹⁸¹ Гулькин Дионисий Петрович (1861–?) – депутат III Государственной думы, входил во фракцию умеренно-правых. С 3-й сессии – член группы беспартийных.

¹⁸² Стемпковский Виктор Иванович (1859 – после 1920) – общественный и политический деятель, статский советник (1912). Член «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. С 1915 г. член Прогрессивного блока.

¹⁸³ Гололобов Яков Георгиевич (1855–1918) – политический и государственный деятель. Член «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы от Екатеринославской губернии. В 1909 г. вышел из фракции октябристов. Основал группу правых октябристов.

¹⁸⁴ Шейдеман Евгений Михайлович (1846–?) – депутат III Государственной думы от Полтавской губернии, член фракции октябристов. С 3-й сессии входил в группу правых октябристов.

¹⁸⁵ Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – политический деятель. Член РСДРП. С 1903 г. меньшевик. Депутат III и IV Государственной думы.

на себе наиболее серьезные депутаты. Надо прямо сознаться, что в любой комиссии работающих депутатов было лишь несколько человек; остальные – балласт, голосовальная машина.

Когда третья Дума укрепилась и начала работу, то избирателей на местах обуяла зависть: а чем я хуже других? Отлично помню, какую кровную обиду нанес циркуляр министра Столыпина, отложившего сессии земских собраний на один месяц, ввиду того что в Думе обсуждался земельный проект и Столыпин опасался, что депутаты разъедутся на земские собрания, будучи зависимы от своих земских избирателей на местах. Даже интеллигенты, как, например, доктор медицины Филатов, не могли простить нам, членам Думы, что из-за нас, четырех человек, отложили собрание, состоящее из шестидесяти гласных, почтенных земских старожилков.

Ко времени выборов в четвертую Думу положительно все наши избиратели пожелали сами быть членами Думы: если Еропкин играет в Думе роль и имеет значение, то разве я хуже его, разве я не могу тоже играть роль в Думе? Эти наивные обыватели не понимали, что Дума состояла из 442 депутатов, а «роль» там прямо играли не более 120 человек; остальные депутаты состояли на выходных ролях, и страна их совершенно и не знала.

Это поветрие, это желание попасть в Думу развило страшную зависть и конкуренцию при выборах; каждый считал себя самым естественным кандидатом в Думу, не хуже других.

У польских депутатов такой обывательщины не было: во всех четырех Думах состояли одни и те же депутаты. Оно и понятно: член Думы должен иметь политический опыт, политический стаж, обладать преемственностью работы в Думе. Дилетанты в Думе менее всего нужны, ибо политический или законодательный концерт куда сложнее музыкального.

После известного адреса государю Думе был назначен высочайший прием в Екатерининском дворце в Царском Селе. Был подан поезд в Петербург к Царскосельскому вокзалу, и в Царском нас встретили царские экипажи – кареты, коляски и сани.

Левые депутаты не были приглашены во дворец, а кадеты тогда сами отказались от участия в приеме. Прием был обставлен парадно, хотя и не так пышно, как прием первой Думы в Зимнем дворце. Все придворные и вся парадная стража налицо. В большом зале мы стояли по губерниям. Государь вышел с государыней, и посреди них наследник, совсем еще маленький мальчик в белом костюмчике, страшно живой и очень хорошенький; сначала он был серьезен, затем, когда вся эта церемония ему надоела, он начал шалить, и видно было, как крепко держали его с обеих сторон государь и государыня, чтобы он не вырвался от них. Действительно, процедура была скучная, ибо государь обходил всех депутатов по губерниям и задавал вопросы, крайне однообразные. Когда государь подошел к курским депутатам, произошел курьезный инцидент: депутат Сушков¹⁸⁶ – городской голова – в порыве чувств опустился на колени. Государь, видимо, смутился, а окружающие поспешили поднять Сушкова с колен. Столь наглядно продемонстрировали курские депутаты самодержавие.

Когда скучная процедура приема наконец закончилась, все достаточно утомились, нас пригласили к столу, и здесь для нас, по моему мнению, заключалась большая обида: государь к нам не вышел, и мы были приглашены закусить стоя, как бы недостойные сидеть за одним столом с царем. Не знаю, как другие, но мне трудно было подавить в себе чувство обиды и было совсем не до еды, хотя и очень роскошной и обильной. Я хорошо знал, что, когда государь посещал лицей, где в то время воспитывался мой сын, он достаивал их своим присутствием на ужине, а великая княгиня танцевала с лицеистами. Государь садился за стол и в офицерских собраниях. А с представителями народа в высшем государственном учреждении государь обедать не пожелал. К чему тогда вся эта процедура высочайшего приема? Или Сушков был прав в своей наивности?

¹⁸⁶ Сушков Михаил Андреевич (1841–?) – общественный и политический деятель. Депутат III Государственной думы от Курской губернии, входил во фракцию правых.

Вот когда еще появились зачатки и где гнездились корни тех недоразумений с Государственной думой, которые потом, десять лет спустя, привели к величайшей катастрофе.

Как известно, Дума делилась на множество комиссий, которые готовили законопроекты. Наиболее выдающимися комиссиями были: Бюджетная с председателем профессором Алексеенко¹⁸⁷; Военная и Морская – с Гучковым; Судебная – с Шубинским¹⁸⁸ и Земельная – с Шидловским¹⁸⁹. Я вошел в Бюджетную комиссию и был избран ее секретарем. Бюджетной комиссии приходилось так много заниматься, что для работы в остальных комиссиях не оставалось времени. Я попробовал было записаться в Комиссию по запросам и в Контрольную, но должен был отказаться, потому что времени не хватало. Бюджетная комиссия, в сущности, держала в своих руках все нити думской работы, ибо почти все законопроекты из других комиссий передавались на заключение Бюджетной по вопросу об ассигновании средств из казны. А какие же законы и какие меры могли обойтись без ассигнований? Даже так называемая вермишель, те мельчайшие законопроекты о какой-либо новой гимназии или новой должности, должна была пройти через Бюджетную комиссию. Комиссия эта была очень многочисленная – шестьдесят человек и делилась по числу министерств или их департаментов на подкомиссии, так что каждая отдельная смета рассматривалась сначала в подкомиссии, а затем в комиссии: дело это было очень кропотливое и трудное, ибо необходимо было рассмотреть и обсудить каждую статью расхода и прихода по каждому министерству.

Профессор Алексеенко был идеальным председателем и вынес всю эту колоссальную работу на своих плечах. Я должен откровенно признать, что без профессора Алексеенко Государственная дума ни в каком случае не справилась бы с бюджетом, как, например, она не справилась с отчетами Государственного контроля, которые Дума ни разу не рассматривала, а между тем эти отчеты являются столь же важными, как и самый бюджет, ибо они показывают, насколько правильно выполняются бюджетные ассигнования в действительности. Произошло же это по той причине, что Контрольная комиссия находилась в руках Годнева¹⁹⁰, весьма почтенного врача в Казани, но весьма посредственного финансиста в Думе.

Бюджетная комиссия работала круглый год изо дня в день; но из шестидесяти ее членов, дай бог, чтобы в заседании участвовала одна треть. Профессор Алексеенко всегда и бесменно находился на своем месте, внимательно следил за ходом прений, чтобы не допустить никакой ошибки. Надо было видеть и полюбоваться, как искусно и с каким достоинством профессор Алексеенко вел заседание с приглашенными министрами: он был в высшей степени корректен и любезен. Но стоило какому-либо министру, что называется, закинуться или поверхностно отнестись к делу или к задаче Государственной думы, как он моментально его осаживал.

Хорошо помню, как он осадил министра торговли Шипова¹⁹¹, который думал отвертеться на пустяках или с кондачка: профессор Алексеенко произвел ему такой экзамен, и министр отвечал так неудовлетворительно, что всем стало неловко.

¹⁸⁷ Алексеенко Михаил Мартынович (1848–1917) – общественный и политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы от Екатеринославской губернии. В Думе присоединился к фракции октябристов. Был избран председателем Бюджетной комиссии и оставлял за собой этот пост вплоть до своей смерти.

¹⁸⁸ Шубинский Николай Петрович (1853–1921) – адвокат, общественный и политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы, член фракции октябристов, с 1914 г. входил в группу беспартийных депутатов. В 1907–1913 гг. председатель Комиссии по судебным реформам.

¹⁸⁹ Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922) – общественный и политический деятель, действительный статский советник. Член партии «Союз 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. В 1909–1910 гг. товарищ председателя III Думы. В IV Государственной думе председатель земельной комиссии.

¹⁹⁰ Годнев Иван Васильевич (1854–1919) – общественный и политический деятель, статский советник (1903). Член «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы от Казанской губернии. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В феврале – марте 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. В марте – июне 1917 г. государственный контролер в составе Временного правительства.

¹⁹¹ Шипов Иван Павлович (1865–?) – государственный деятель, тайный советник (с 1904 г.). В 1905–1906 гг. министр финансов. В 1906–1917 гг. член Комитета финансов. В 1908–1909 гг. министр торговли и промышленности. С 1909 г. член

Этот самый министр Шипов впоследствии хотел также на пустяках отыграться и в Государственной думе на ее пленарном заседании, с большим пафосом процитировав из Гоголя о русской тройке. Но он тотчас же попал на зубок одному из ядовитейших депутатов – Шульгину, и тот зло высмеял его тройку. Вскоре этот министр и ушел: для Государственной думы он оказался слаб.

Вообще в Думе многие министры проявили свою несостоятельность; назову некоторых: Горемыкина, Тимирязева¹⁹², Саблера¹⁹³, Маклакова¹⁹⁴, Сухомлинова¹⁹⁵. Я умышленно перечисляю наиболее крупные имена, которые были известны всей России. Однако в Думе они быстро обнаружили всю свою недостаточную подготовку для занятия столь высоких и ответственных постов.

И наоборот, именно в Думе выдвинулись таланты таких министров, как Столыпин или Коковцов.

Каждое выступление в Думе профессора Алексеенко было настоящим триумфом: он выступал очень редко, обыкновенно раз в год при обсуждении бюджета. При этом он произносил прекрасную продуманную, обоснованную, большую речь, которая продолжалась по несколько часов. Дума при этом всегда была переполнена и слушала оратора с величайшим вниманием, между тем как лучшие ораторы могли занимать внимание Думы не более получаса, потом внимание притуплялось, и в зале начинался глухой гул – прямой признак, что надо кончать речь. Дума встречала и провожала профессора Алексеенко громом аплодисментов; аплодировали все скамьи без исключения, без различия партий, хотя по убеждениям Алексеенко принадлежал к буржуазной партии октябристов. Но его беспристрастие, его эрудиция, его умение высоко держать престиж Думы в заседаниях комиссий, а главное – его колоссальное трудолюбие и работоспособность подкупали положительно всех, и в Думе он был наиболее популярным и любимым депутатом.

Иногда сильно издерганный на заседаниях комиссий Алексеенко нервничал и однажды даже отказался от дальнейшего председательства в Бюджетной комиссии. Я был в то время секретарем ее и понял весь ужас нашего положения, ибо оба его товарища никуда не годились. Я тотчас отправился к Гучкову и прямо сказал ему, что если он не уладит этого инцидента, то Дума с бюджетом не справится. Гучков понял серьезность момента и сумел уладить недоразумение: Алексеенко взял назад свой отказ.

Оба его товарища по председательству в Бюджетной комиссии – Марков 1-й¹⁹⁶ и Остроградский¹⁹⁷ были своего рода уникамы: первый был известный железнодорожный деятель, но он совершенно не годился в председатели, ибо не знал и не мог объять всю величину задачи государственного бюджета, расплывался в мелочах. Между прочим, он прославился своим выступлением, где просил не смешивать его с Марковым 2-м. Остроградский был совершенно

Государственного совета. С 1914 г. управляющий Государственным банком.

¹⁹² Тимирязев Василий Иванович (1849–1919) – государственный деятель. В 1905–1909 гг. министр торговли и промышленности. С 1906 г. член Государственного совета.

¹⁹³ Саблер (Десятковский) Владимир Карлович (1845–1929) – государственный деятель, сенатор (с 1896 г.). С 1905 г. член Государственного совета. В 1911–1915 гг. обер-прокурор Святейшего синода.

¹⁹⁴ Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – государственный деятель. В 1913–1915 гг. министр внутренних дел. С 1915 г. член Государственного совета, входил в группу правых.

¹⁹⁵ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военный и государственный деятель. В 1909–1915 гг. военный министр. В 1916 г. вследствие обвинения в злоупотреблении властью арестован и помещен в Петропавловскую крепость. В том же году по причине нервного расстройства выпущен на свободу. В 1917 г. был вновь арестован и приговорен к бессрочной каторге. В 1918 г. был освобожден в связи с достижением 70-летнего возраста.

¹⁹⁶ Марков Николай Львович (1841 – после 1917) – общественный и политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы от Тамбовской губернии. Член фракции октябристов, а со 2-й сессии IV Думы – фракции центра. Участвовал в Государственном совещании в августе 1917 г.

¹⁹⁷ Остроградский Василий Алексеевич (1865–1931) – общественный и политический деятель. Депутат III Государственной думы от Полтавской губернии. Член фракции октябристов.

пустой человек, гурман и *bon vivant*¹⁹⁸, и я даже не понимаю, почему он попал на этот серьезный пост товарища председателя Бюджетной комиссии. Заменял он профессора Алексеенко только один раз. Но и в этот единственный раз он настолько умел показать свою полную неспособность, что больше уже к нему и не обращались. Курьезнее всего было видеть, как он не мог окончить своей речи, пытаясь что-то резюмировать: ему приходили в голову все новые и новые мысли, и он все продолжал говорить без всякой связи и без всякой нужды. Сначала все смотрели на него с удивлением, затем начали улыбаться, а затем и спасаться бегством из заседания. А Остроградский все говорил, и в голову ему приходили все новые мысли.

Больше его уже не тревожили председательством. Впоследствии, когда профессор Алексеенко наладил работу Бюджетной комиссии, она уже катилась по определенным рельсам, и его могли иногда замещать товарищи, но только другие, новые.

Тотчас по приезде в Петербург в Думу профессор Алексеенко как южанин схватил жесткий плеврит и слег в постель. И мне выпала лестная, но тяжелая задача заменить его в Государственной думе во время первых бюджетных прений. Речь была обсуждена совместно с ним. Я предупредил Думу, что говорю не лично от себя, а от самой влиятельной партии в Думе. По-видимому, выступление мое было удачное, так как немедленно по окончании моей речи ко мне подошел один из лучших наших ораторов Н. Н. Львов и выразил удивление, почему я такую прекрасную речь закончил так неудачно? А закончил я ее, по соглашению с фракцией, заявлением, что Дума не остановится перед ассигнованиями на нужды армии и флота. В моей речи в Думе впервые было провозглашено, что народные представители будут относиться к бюджетным своим правам во всей их полноте и строгости.

– Как они скоро выросли! – раздалось тогда справа.

Впоследствии я ежегодно выступал с большой бюджетной речью при общих прениях, и кроме того, на мне же лежало и еще несколько отдельных смет. Хорошо помню, что смета департамента Государственного казначейства была разработана мною особо тщательно, и после моей речи ко мне подошел сотрудник «Русских ведомостей» и сказал мне, что до сих пор по бюджетным прениям эта моя речь была лучшей. Министр финансов Коковцов, что называется, рвал и метал: он представить себе не мог, как это его бывший подчиненный осмеливается так говорить с думской трибуны. Министры тогда еще не привыкли к свободам нашей конституции, и тот же министр Коковцов прославился известной тирадой:

– У нас, слава богу, нет парламента!¹⁹⁹

Дума, особенно слева, пришла в негодование от этого заявления, хотя здесь было очевидным *lapsus linguae*²⁰⁰, ибо Коковцов хотел сказать: «Нет парламентаризма», т. е. ответственности правительства перед Думой.

Мои выступления в Думе по финансовым и бюджетным вопросам приобрели известность и сильно нервировали министра финансов: меня неоднократно предупреждали, что министр приехал в Думу специально для моей речи, чтобы сделать возражения, его особенно злило, что я говорил обыкновенно гораздо шире доклада и захватывал вопрос в большем масштабе. Я, например, называл и трактовал смету Государственного казначейства как смету «общественного призрения», настолько ассигнования там носили благотворительный характер: пенсии, пособия, Ведомство императрицы Марии²⁰¹, лицей и пр. В эту смету входили и замаскированные пособия Черногории, Греции и пр. Все это я усиленно подчеркивал.

Наконец, после моей речи по общим прениям, где я доказывал словами самого же министра, что у него нет никакой финансовой программы, министр не выдержал и разразился про-

¹⁹⁸ Человек, живущий в свое удовольствие (*фр.*).

¹⁹⁹ В. Н. Коковцов произнес буквально следующее: «У нас парламента, слава богу, еще нет».

²⁰⁰ Оговорка (*лат.*).

²⁰¹ Ведомство императрицы Марии ведало благотворительностью.

тив меня злой репликой, где припомнил-таки мне мою службу в Министерстве финансов и закончил по этому поводу свою речь известным стихом: «И вашей славою, и вами, как нянька старая, горжусь!»²⁰²

Мне хотелось возразить ему в том же духе. Но мы были тогда в Думе еще новички, и по соглашению с председателем фракции Гучковым мы решили не возражать министру. Представители печати были очень удивлены моим молчанием и высказывали мне это.

На второй год министр финансов после моей речи опять вышел на трибуну и опять прошелся на мой счет, что-то по прошлогоднему докладу. Тогда я уже не стал советоваться ни с фракцией, ни с Гучковым, а выступил с ответом на свой риск, где поблагодарил министра за внимание к моим словам и, сославшись на пословицу «Долг платежом красен», напомнил ему тот «чепчик старой пятки», в который он укрылся на трибуне в ответ на мою же речь.

Выступление мое имело большой успех, и председательствовавший князь Волконский²⁰³, не любивший никаких инцидентов в Думе, остановил меня. Хорошо помню, что тотчас после перерыва ко мне подошел знаменитый московский адвокат Шубинский и выразил мне свое сочувствие как знаток ораторского турнира. Этот «чепчик старой пятки» попал тогда во все газеты.

Когда я заканчивал свою речь словами: «Разве не понятно?», Марков 2-й насмешливо крикнул мне с места:

– Конечно, понятно!

– Ну вот, – ответил я, – даже и для вас это понятно!

Эта моя презрительная реплика, брошенная направо, имела неожиданно большой успех, и меня в Москве даже за нее благодарили. Замечательно, что ни Марков, ни его друзья ничего не нашли мне ответить: настолько опешили они от моей откровенности.

Моими выступлениями я занял в Думе определенное положение, и мне передавали, что публика знала и ожидала моих речей. Замечу, что я выступал лишь по финансовым вопросам, которые обыкновенно для большой публики представляются самыми скучными. Следовательно, я умел их оживить и сделать интересными. И как горько мне было впоследствии убедиться, что избиратели мои нисколько не оценили моей работы в Думе, а лишь завидовали и думали: чем мы хуже его? Отвечу лишь, что впоследствии из рязанских депутатов не выдвинулся никто; про их присутствие в Думе никто даже и не подозревал. Все они были великие молчалники; получали свои дневные – и больше ничего. Не могу обойти молчанием сметы Ведомства императрицы Марии. Смета эта как раз входила в мою подкомиссию. Представители ведомства широко открыли нам двери всех своих учреждений для их осмотра, а вернее сказать, ревизий.

Ведомство было обширное и помимо ассигнований из казны имело свои собственные источники доходов: от выделки и продажи игральных карт, что составляло привилегию воспитательного дома, марочные сборы со зрелищ и увеселений и т. д.

Насколько помню, доходы этого ведомства достигали 20 миллионов рублей в год. Ведомству принадлежали воспитательные дома для подкидышей, институты и гимназии, больницы, лечебницы, санатории; наконец, богадельни. Можно сказать, сироты или калеки могли прожить в учреждениях ведомства от самого рождения и до смерти.

Обыкновенно мы производили осмотр этих учреждений совместно с правым депутатом Кривцовым²⁰⁴, бывшим нашим рязанским архитектором, переселившимся затем в Курск и под-

²⁰² Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «В альбом княжны А. Д. Абамелек».

²⁰³ Волконский Владимир Михайлович (1868–1953) – общественный и политический деятель, камергер (с 1907 г.), действительный статский советник (с 1912 г.). Депутат III и IV Государственной думы; член фракции умеренно-правых, затем националистов. В 1907–1913 гг. товарищ председателя Думы.

²⁰⁴ Кривцов Яков Васильевич (1854 – после 1917) – общественный и политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы от Курской губернии. Член фракции правых.

павшим под влияние курян. Его сопутствие мне было очень на руку, так как он своим правым знаменем покрывал все толки о недопустимости вмешательства или ревизий со стороны Государственной думы. Мы посетили с ним очень много учреждений, осматривали помещения, пробовали пищу и т. д. Мы ездили даже в Финляндию в знаменитый санаторий Халила²⁰⁵ и пробыли там целый день. Я не скажу, чтобы Халилой я был удовлетворен; местность там проезжая, пыльная, что совсем не подходяще для легочных больных. Заведовал этой санаторией известный доктор Гаврилович.

Во всех наших поездках нас всегда сопровождал товарищ управляющего ведомством некто господин Кистер²⁰⁶ – мой старый знакомый по Министерству финансов. Я думаю, что сама идея показать нам его учреждения принадлежала именно ему. Не скажу, впрочем, чтобы наши прежние с ним отношения были хороши: он приезжал в качестве ревизора в Рязань, думаю, с определенным заданием – «съесть» управляющего Казенной палатой Слезкина, бывшего гвардейского офицера, малоопытного в делах, но добрейшего человека, которого мы все очень любили. Когда Кистер приехал в Рязань, он как ревизор из Петербурга прислал из гостиницы человека сказать мне, что он прибыл. Однако он ошибся: в Рязани я был известным общественным деятелем, службой своей очень мало дорожил, и понятно, что присылка этого вестового меня покорила, я приказал сказать господину ревизору, что я живу на Дворянской улице в собственном доме и буду очень рад принять его у себя. Через час Кистер приехал ко мне с визитом. Его дальнейшие попытки получить от меня какие-либо сведения не в пользу нашего милейшего управляющего оказались бесплодными; как раз наоборот, я давал самые благоприятные отзывы. Так он и уехал ни с чем.

Понятно, что, встретив его потом в Думе у себя в комиссии в качестве представителя Ведомства императрицы Марии, я не мог выразить большой радости, помня нашу встречу с ним в Рязани. Думаю, что тогда-то он и решил показать свой товар лицом.

Надо отдать справедливость этому ведомству, что все его учреждения поставлены были очень хорошо, гораздо лучше соответствующих учреждений других министерств. И я был вполне вправе впоследствии заявить с трибуны Государственной думы, когда кадет Некрасов²⁰⁷ выразил претензию, почему Ведомство императрицы Марии не подчинено Государственному контролю, что ведомство это имеет свой контроль, которому доселе еще не известны случаи хищений, подобно Морскому ведомству или градоначальством замолченных Государственным контролем.

Впоследствии депутат Шингарев признался мне, что он также шел на трибуну поддержать Некрасова, но после моих ответных слов вернулся обратно на свое место.

С ведомством этим у нас были хорошие отношения. Испортились они позже, когда умер управляющий ведомством С. В. Олив²⁰⁸, а его место занял князь Голицын-Муравлин²⁰⁹, известный беллетрист. Он очень протезировал начальнице Павловского института графине Кайзерлинг. Между тем в институте этом царили распущенность и беспорядок. Я хорошо был осведомлен об этом, так как там училась сирота, в которой я принимал участие. Девочки там были

²⁰⁵ Санаторий был основан в 1889 г. на Карельском перешейке.

²⁰⁶ Кистер Владимир Константинович (1862–?) – государственный деятель, тайный советник, сенатор. Главный управляющий канцелярией императрицы Марии Федоровны. В 1906 г. гродненский губернатор.

²⁰⁷ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – общественный и политический деятель. Член конституционно-демократической партии. Депутат III и IV Государственной думы от Томской губернии. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В феврале – марте 1917 г. член Временного комитета Государственной думы.

²⁰⁸ Олив Сергей Васильевич (Сергей Николай Симон Вильгельмович) (1844–1909) – военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (с 1907 г.). С 1906 г. главноуправляющий С. Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии. С 1909 г. член Государственного совета.

²⁰⁹ Голицын-Муравлин Дмитрий Петрович, князь (1860–1928) – государственный деятель, писатель, тайный советник (1909). В 1906–1909 гг. главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии. С 1912 г. член Государственного совета. Входил в правую группу.

так распушены, что доставали даже себе вино на вечеринках и умели наладить переписку с юнкерами. Кончилась эта распущенность трагически: одна из девочек, чем-то оскорбленная, бросилась с самого верха, с четвертого этажа в пролет лестницы и расшиблась насмерть. Об этом я был тотчас осведомлен.

После этого слуха, оглашенного в печати, мы с депутатом Шингаревым условились требовать от начальства ведомства, чтобы начальница института была уволена. Переговоры велись через некоего Бабиевского. Мы поставили этот ультиматум с обещанием не выступать по этому вопросу в Думе. Однако Голицын-Муравлин все тянул с решительным ответом и дотянул до заседания Думы. Так как требование наше не было выполнено, то я уведомил Кистера, что я выступлю в Думе по поводу этого трагического случая. Речь моя оказалась весьма внушительной, ибо я рассказал о всех безобразиях, творящихся в институте, и требовал, чтобы начальство обратило на это самое серьезное внимание, особенно после прискорбного случая с несчастной девочкой. Кистер, скрывшийся на хоры, был в отчаянии от моей речи. Пресса подхватила эту речь; вскоре князь Голицын-Муравлин был смещен.

Однако графиня Кайзерлинг как ловкая женщина сумела вывернуться: она прикинулась оскорбленной и заявила, что я преследую ее из личной мести из-за той сироты, о которой я упомянул, очень живой девочки, за которую я всегда заступался. Графиня Кайзерлинг воспользовалась этим обстоятельством, чтобы свалить с больной головы на здоровую, а наш лидер Гучков поверил этой инсинуации и даже счел возможным иметь со мной по этому поводу объяснение, спросив меня: правда ли, что я хлопотал за свою племянницу в Павловском институте? Я ответил, что это правда, но более на эту тему разговаривать с ним не стал. Как и всегда, здесь правда мешалась с клеветой, и во всяком случае гибель девочки, бросившейся в пролет лестницы, не стояла ни в какой связи с моими более ранними хлопотами о сироте и одинаково потрясла всех, как меня, так и Шингарева, но не Голицына-Муравлина и графиню Кайзерлинг, а по-видимому, и не Гучкова, раз он поддался этой клевете. Через несколько дней я получил приглашение от почетного опекуна Павловского института, не помню сейчас фамилии этого генерала, пожаловать в заседание комиссии для дачи показаний по поводу оглашенных мною в Думе сведений о Павловском институте. Конечно, пользуясь правом депутатской неприкосновенности, я мог послать этого почетного опекуна к черту, но я решил дать ему урок. Когда в назначенное время я приехал в заседание, то я застал там кроме опекуна еще и юрисконсульта ведомства и некоторых других лиц. Составилось какое-то импровизированное судилище, и почетный опекун открыл заседание хотя и вежливой, но довольно заносчивой речью: «Мы не можем допустить, чтобы на наш институт бросали тень». Тогда и я в очень вежливой, но решительной форме потребовал немедленно пригласить в заседание господина Бабиевского. Прошло полчаса томительного ожидания. Наконец Бабиевский явился. Тогда уже инициатива перешла в мои руки.

– Скажите, пожалуйста, – поставил я ему вопрос, – присылал ли вас ко мне в Думу ваш управляющий князь Голицын-Муравлин с просьбой не выступать по поводу Павловского института?

– Да, присылал.

– А какой ультиматум поставили мы с депутатом Шингаревым и выполнил ли князь этот ультиматум?

– Нет, не выполнил.

– Не просил ли князь Голицын-Муравлин передать мне, что он прикажет взять в институт девочку, о которой я хлопотал, и что я ответил?

– Вы отклонили это предложение.

Достаточно было посмотреть, как были сконфужены мои авгуры, как они растерялись и как тут же при мне начали высказывать свое неодобрение князю, т. е. своему начальнику.

Ясно было, что поединок я выиграл, поэтому от дальнейших вопросов я отказался и удалился из заседания, дав урок, как надо вести себя с народными депутатами.

Больше меня уже не тревожили.

Как-то после отставки князя Голицына-Муравлина мы с Кривцовым были приглашены на обед к Кистеру, и когда я между прочим заметил, что авторитет Государственной думы, видимо, крепнет в правительстве, раз по нашему указанию смещают министров, то и хозяин, и мой коллега были, видимо, шокированы такой моей вольностью.

«Лензото»²¹⁰

Членов Думы часто упрекали, что они получают суточные. По пережиткам старины эти суточные называли даже пособием от казны. Однако с еще большим основанием можно было бы назвать жалованье правительства пособием от Государственной думы, так как деньги казны являются народными деньгами, находящимися в распоряжении правительства, но отпущенными ему народными представителями по бюджету.

Эти десять рублей суточных, которые так кололи глаза публицистам, для интеллигентного жителя Петербурга были совсем небольшими деньгами. Было бы идеально, если бы народные представители не получали за свой труд в парламенте никакого вознаграждения, как, например, в Англии или у нас в земских собраниях, где земские гласные работают бесплатно.

Но для Государственной думы в России эта роскошь была недоступна, ибо в России было слишком мало таких богатых людей, которые могли бы ехать в Петербург и работать там даром. Не было у нас и таких могущественных партий, которые могли бы оплачивать работу своих депутатов в Думе. За все время существования Думы я знаю только один случай, когда депутат отказался от своих суточных. Это был егорьевский миллионер фабрикант Бардыгин²¹¹. Но он и Думу посещал очень редко.

Лично о себе скажу, что этих суточных мне далеко не хватало, так как мне приходилось воспитывать детей и жить на два дома – в Москве и в Петербурге. Приходилось еще работать и в «Новом времени», и в «Голосе Москвы», где я зарабатывал до 300 рублей в месяц построчно. Работа эта давалась нелегко: тотчас после заседания Думы, усталый, я садился за отчет думского заседания, чтобы ночью передать его по телефону в Москву.

С имения Кораблино я также получал мало, так как земля была в аренде. Дай бог, если от Кораблина отчислялось две тысячи рублей в год. Кораблино представляло для нас другое удобство – это летнее пребывание моей семьи со всеми удобствами деревенской жизни, с просторным домом, садом на восьми десятинах, экипажами, лошадьми и пр. Иначе не стоило бы и держаться этого имения из каких-нибудь двух процентов годовых. Здесь важны были привычка к родовому гнезду, известные общественные права, связанные с землей, престиж ценза и положения.

Зарплата моего было недостаточно для семейной жизни на два дома, и я решил поискать более выгодного занятия и обратился к бывшему министру А. С. Ермолову²¹² с этой просьбой. А. С. Ермолов был соседом моим по имению, и я знаком был с ним по Рязанскому земскому собранию, где он был гласным, как и я. Он очень ко мне благоволил еще и ранее, когда я жил в Рязани и не был еще членом Думы. Я глубоко ценил его прекрасный характер, простой, гуманный, чуждый всякой важности и формализма.

²¹⁰ Имеется в виду «Ленское золотопромышленное товарищество», занимавшееся добычей золота в бассейне реки Лены.

²¹¹ Бардыгин Михаил Никифорович (1864–1933) – предприниматель. Депутат III Государственной думы от Рязанской губернии. Член фракции прогрессистов.

²¹² Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917) – государственный деятель, действительный тайный советник (с 1896 г.), статс-секретарь (с 1903 г.). В 1894–1905 гг. министр государственных имуществ. С 1905 г. член Государственного совета; председатель бюро группы центра.

Каково было мое изумление, когда через несколько дней после моего письма Ермолову меня пригласил к себе В. И. Тимирязев, бывший министр торговли, и предложил мне место директора Ленского золотопромышленного товарищества:

– Платят очень хорошо, пятьсот рублей ежемесячно и тантьема²¹³.

– Но ведь я юрист по образованию и понятия не имею о горном деле, – сказал я ему.

– Вам нужен только здравый смысл, – отвечал мне Тимирязев. – А горное дело будут знать ваши инженеры.

Вскоре же я и был выбран директором правления «Лензото» вместе с Авдаковым²¹⁴, Озеровым²¹⁵ и др. Выборы эти состоялись исключительно под давлением общественного мнения, которое было очень возбуждено делом о расстреле рабочих на Ленских приисках. По этому поводу был даже запрос в Думу. Вся суть этого дела заключалась в том, что ротмистр, заведовавший военной охраной Ленских приисков, с пьяных глаз и с перепугу не разобравшись, приказал стрелять по толпе рабочих, причем оказались убитые и раненые. Конечно, за это пьяный ротмистр подлежал суду и наказанию. Но правление Ленского товарищества в Петербурге было даже совершенно ни при чем. Директором-распорядителем был в то время барон Гинзбург²¹⁶, который был душой всего этого предприятия, а председателем правления был Тимирязев. На месте управлял приисками некто Белозеров, из мужичков-самоучек, типичный сибиряк, который чутьем знал, где кроется под землей золото. Говорили, что рабочие не любят Белозерова, это обыкновенно случается с людьми, выбившимися из народа, знающими самую подопку каждого приискового события. Но в этом расстреле рабочих он также был совершенно ни при чем и как умный и осторожный человек никогда бы его не допустил.

Однако все старое правление и все старые приисковые служащие должны были пасть жертвой общественного мнения. В «Русском слове» в Москве появилась статья знаменитого Дорошевича²¹⁷, направившего почему-то все стрелы своего остроумия против Тимирязева. Все правление ушло в отставку, а барон Гинзбург, создатель всего ленского предприятия, от такой обиды уехал из России в Англию.

Таким образом, наше правление возникло на костях старого. Состав нашего правления был блестящий; председателем его был избран известный харьковский промышленник Авдаков, член Государственного совета и председатель Совета съездов промышленности и торговли в Петербурге. Директором-распорядителем – горный инженер Грауман²¹⁸, который раньше был управляющим Ленскими приисками и знал их как свои пять пальцев. Членами-директорами были: я, профессор Озеров и англичанин Бойль²¹⁹. Даже кандидатами у нас были инженеры, специалисты по золотопромышленности. Дело у нас шло очень хорошо. Долго, однако, мы не могли найти хорошего управляющего; сначала попал к нам инженер П., который на сделанном ему испытании перед отправлением на прииски больше всего интересовался, имеются ли у

²¹³ Вознаграждение директорам производства, выплачиваемое в виде процента от прибыли.

²¹⁴ Авдаков Николай Степанович (1847–1915) – предприниматель, общественный и политический деятель, статский советник (1910). С 1906 г. член Государственного совета. Входил в группу центра. В 1907–1915 гг. председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли. С 1909 г. – член Совета министра торговли и промышленности. В 1912–1915 гг. председатель правления Ленского золотопромышленного товарищества.

²¹⁵ Озеров Иван Христофорович (1869–1942) – экономист, общественный и политический деятель, действительный статский советник (1914). С 1909 г. член Государственного совета от Академии наук и университетов.

²¹⁶ Имеется в виду предприниматель барон Гинцбург Гораций Осипович (1833–1909), действительный статский советник. Один из учредителей Сибирского торгового банка. Владел «Ленским золотопромышленным товариществом».

²¹⁷ Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922) – журналист, публицист, театральный критик. В 1902–1917 гг. сотрудничал в газете «Русское слово».

²¹⁸ Грауман Леопольд Фердинандович (1857–1922) – горный инженер. С 1913 г. директор-распорядитель «Ленского золотопромышленного товарищества».

²¹⁹ Г. Д. Бойль – директор «Русской горнопромышленной корпорации».

него в квартире в Бодайбо теплый клозет и ванна. Управляющему приисками полагался по тому времени колоссальный оклад жалованья в 60 тысяч рублей в год.

После его пришлось уволить, и на приисках рассказывали, что он был всецело под башмаком у жены, очень вздорной женщины. Поэтому, очевидно, он так и интересовался о домашних удобствах своей квартиры.

Я все время собирался поехать на прииски, но за все шесть лет так и не попал на Лену: сначала у меня перебил очередь Н. С. Авдаков, который сам пожелал ехать на прииски и даже сшил по этому поводу себе русскую поддевку и высокие сапоги; он почему-то думал, что на прииски именно нужны поддевка и высокие сапоги. Ведь даже в заседание правления пришел тогда в этом костюме. Однако дальше поддевки дело у него не пошло, и на прииски он не поехал. На следующий год у меня перебил очередь профессор Озеров – и также не поехал. Затем наступили выборы в четвертую Государственную думу, и мне нельзя было уехать от предвыборной кампании. Затем – война. Так я и не попал на Лену. Мне передавали после, что меня там очень ждали, ибо имя мое по газетам им было хорошо известно, и что мне готовили показать и рассказать много интересного и даже сенсационного.

Когда начались беспорядки в столицах, ленские рабочие также предъявили повышенные требования. Русские банки, владевшие пакетами акций Ленского товарищества: Русско-Азиатский, Путилов²²⁰ и Санкт-Петербургский Международный, Вышнеградский²²¹ продали тогда свои пакеты Русско-Английскому банку (Бененсон²²²).

Правление наше решило «проверить» наши полномочия, для чего подать всем составом в отставку. К этому времени и председатель наш Авдаков скончался. Надо заметить, что как раз накануне этой коллективной отставки я был вновь выбран на три года. Но так как нас уверяли, что эта коллективная отставка лишь пробная и что мы все вновь будем переизбраны, то и я подал свое прошение.

Оказалось, однако, что именно под нас-то и велся тайный подкоп со стороны некоторых новых членов правления: удар был направлен против меня, Озерова и Граумана. Перед выборами я посетил Бененсона и спрашивал его о предстоящих перевыборах, и он уверил меня, что, конечно, я буду вновь переизбран. Надо было видеть, какого труса праздновал этот богатый банкир именно в эти минуты моей с ним беседы: это были знаменитые июльские дни большевистского восстания в Петербурге²²³, которое было потом подавлено. Наш разговор происходил как раз под звуки отдаленных выстрелов, и Бененсон, растерянный, поминутно спрашивал меня, как, по моему мнению, будет ли подавлено восстание?

Но когда восстание было подавлено и когда через неделю я пришел на собрание ленских акционеров, я сразу почувствовал, что я обманут самым бессовестным образом: меня даже не пригласили на совещание бывших членов правления; а Бененсон, выйдя оттуда несколько сконфуженным, объяснил мне, что он ошибся и что в новое правление я не войду. Если бы я предвидел такое вероломство, то, конечно, в отставку, даже и пробную, я бы не подал, так как мои полномочия незадолго перед тем были возобновлены на три года.

Интрига эта была направлена не только против нас, неинженеров, но и против наиболее сдущего в золотом деле директора-распорядителя Граумана, состоявшего председателем Союза золотопромышленников в Петербурге.

²²⁰ Имеется в виду А. И. Путилов (1866 – не ранее 1937), занимавший в 1905–1906 гг. должности товарища министра финансов, а также директора Государственного Крестьянского и Дворянского земельного банков. Впоследствии, с 1910 г., председатель правления Русско-Азиатского банка.

²²¹ Вышнеградский Александр Иванович (1867–1925) – предприниматель, сын министра финансов И. А. Вышнеградского, камергер, действительный статский советник. В 1902–1910 гг. член правления Русско-Китайского банка. В 1906–1917 гг. – Санкт-Петербургского международного коммерческого банка.

²²² Бененсон Григорий Иосифович (1860–?) – предприниматель. Занимался нефтяной промышленностью. Член совета директоров Русско-Английского банка.

²²³ Имеются в виду события июля 1917 г.

Впоследствии со мной поступили еще бессовестнее и не заплатили мне мою тантьему за два года, около 15 тысяч рублей. В эмиграции я хлопотал об этой тантьеме, но Бененсон остался глух и нем.

Во время службы моей в Ленском товариществе я не раз вспоминал напутствие В. И. Тимирязева, что нужно руководствоваться лишь здравым смыслом, а технику дела предоставить специалистам. И действительно, просматривая отчеты «Лензото», я убедился, что часто в них именно и отсутствует здравый смысл при всей их замысловатой технике. Многие отделы огромного хозяйства этого крупнейшего предприятия в Сибири не только не давали никакой прибыли, но были прямо убыточны для товарищества, например, пароходство, торговля, железная дорога шли в убыток.

Два года подряд я представлял свои доклады, но втуне получал даже неприятности по этому поводу. Работы мои остались безуспешными. Каково же было мое изумление, когда непосредственно после моего ухода я узнал, что правление «Лензото» по докладу своего секретаря именно и решило переформировать пароходство и торговлю как наиболее убыточные предприятия Ленского товарищества. Секретарь воспользовался моими работами, а правление их приняло и одобрило.

Земельная реформа министра Столыпина

Когда вспоминают министра Столыпина, то обыкновенно приводят две его знаменитые исторические фразы: «Не запугаете!»²²⁴ и «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия»²²⁵. Его отважный характер сказался в этих афоризмах. Он никогда не уклонялся от боя, даже словесного турнира. Я вспоминаю сцену в Думе во время прений по запросу об Азефе²²⁶. Интерпеллянты²²⁷ почему-то оробели и сбежали из зала заседаний: тщетно вызывал их председатель на ораторскую трибуну, никто не выходил. И лишь депутат Пергамент²²⁸ решил прекратить эту недостойную комедию и смело выступил на трибуну и произнес прекрасную речь. Столыпин тотчас принял вызов и ответил Пергаменту смелой речью, в которой и охарактеризовал Азефа.

²²⁴ 6 марта 1907 г. П. А. Столыпин во время прений в Государственной думе произнес следующие слова: «За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете» (*Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 64*).

²²⁵ Цитата из выступления П. А. Столыпина 10 мая 1907 г. в Государственной думе, посвященного устройству быта крестьян и праву собственности, в данном случае передается неверно. В действительности П. А. Столыпин закончил свою речь так: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» (*Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия. С. 96*).

²²⁶ Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – один из создателей и лидеров партии социалистов-революционеров, секретный сотрудник Департамента полиции (с 1892 г.). С 1899 г. член «Северного союза социалистов-революционеров». С 1903 г. руководил боевой организацией партии эсеров. Подготовил ряд террористических актов (убийство В. К. Плеве в 1904 г., великого князя Сергея Александровича в 1905 г.). В 1905 г. выдал полиции почти всех членов боевой организации. В 1908 г. был разоблачен В. Л. Бурцевым. ЦК партии эсеров приговорил его к смерти, но Азеф сумел скрыться. В 1915 г. арестован в Германии как шпион России. Скончался в Берлине.

²²⁷ То есть авторы запроса.

²²⁸ Пергамент Осип Яковлевич (1868–1909) – адвокат, общественный и политический деятель. С 1905 г. председатель Совета присяжных поверенных Одесского судебного округа. В 1905 г. был в ссылке в Пермской губернии. Член партии кадетов. С 1907 г. член ее ЦК. Депутат II и III Государственной думы от Одессы.

При упоминании фамилии Пергамента обычно восклицают: «Еврей!» Он был очень благородный и отважный человек и не задумался послать вызов Маркову 2-му, когда тот посмел задеть его честь с трибуны Государственной думы; он не задумался пустить себе пулю в лоб, когда известная интернациональная мошенница втянула его в свой грязный судебный процесс и не оправдала его поручительство. Как раз накануне я видел депутата Пергамента в Комиссии по запросам, где он произносил деловую речь: никто не мог подумать, что этот человек, так прекрасно владеющий собой, через день покончит самоубийством.

Возвращаясь, однако, к министру Столыпину. Геройские черты его характера бесспорны. Но его государственная заслуга перед родиной лежит совсем в другой области: в земельной крестьянской реформе. Можно смело сказать, что если бы Столыпин не был убит, то его имя было бы начертано в истории России величайшими буквами и его земельная реформа равнялась бы по своему историческому значению великим реформам царя-освободителя²²⁹.

До Столыпина около земельного вопроса только топтались на месте: «Община – это наше национальное благо, наше историческое наследие, – славословили славянофилы. – Ее нельзя нарушать, ибо она-то именно и охраняет нас от европейского пролетариата».

Социалисты подтверждали и культивировали русскую общину с другими целями, как преддверие к общему социальному перевороту, как школу, как примерное обучение по отрицанию права собственности. В противоположность слашавой маниловщине славянофилов, видевших в русской общине какие-то идеалы самобытного творчества русского народа, тогда как в действительности она составляла самый обыкновенный пережиток первобытного периода первоначальных форм землепользования, каковой период Европа давно пережила, социалисты отлично поняли настоящую революционную природу этого пережитка, этот наглядный пример освященного обычаем отобрания земли у одного и передачи ее другому; они хорошо поняли, что здесь-то, в общине, и коренится вековая мечта крестьян о черном переделе, об отобрании земли у помещиков и передаче ее крестьянам.

Умный и прозорливый министр Столыпин, на долю которого выпала тяжелая задача ликвидации первой русской революции, хорошо сознавал эту социалистическую опасность для России, коренящуюся в крестьянской общине, и от решительного выступления на борьбу с ней²³⁰. Он понимал, что елейная идеология мечтательных славянофилов очень далека от природы русского мужика, реалиста и практика, признающего силу как основу права, и что в этом смысле революционные элементы гораздо ближе стоят к пониманию русского мужика, его чаяний и его вожелений, нежели вековые его соседи – славянофилы.

Правительство ошиблось уже при выборах в первую и вторую Государственную думу, когда вместо славянофилов и монархистов мужик прислал трудовиков и социалистов. Столыпин не хотел повторять этой ошибки правительственной маниловщины и решил раз и навсегда покончить с общиной.

Значение Столыпина в русской истории и заключается в его положительной программе укрепления русских государственных начал ставкой на сильного.

Отжившая община должна уступить место праву частной земельной собственности – таково основное начало его земельной реформы. В этой области он нашел себе помощников в лице министра Кривошеина²³¹ и его товарища Риттиха²³². Но это были именно помощники²³³, ибо душой всего дела являлся Столыпин.

²²⁹ Имеются в виду реформы Александра II.

²³⁰ Так в тексте.

²³¹ Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) – государственный деятель. С 1904 г. начальник Переселенческого управления. С 1905 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1906 г. товарищ министра финансов, член Государственного совета. В 1908–1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием (с 1915 г. министр).

²³² Риттих Александр Александрович (1868–1930) – государственный деятель, действительный статский советник (с

Сущность земельной реформы Столыпина заключалась в переводе крестьян на хуторские хозяйства, и как ни противодействовала в Думе оппозиция этому начинанию, этой новой земельной политике, сама практика показывала ее жизненность: тяга крестьян на хутора росла все шире и крепче и в некоторых губерниях приняла колоссальные размеры.

Хуторское хозяйство в России знаменовало собой не только укрепление начал права собственности, но и укрепление государственной мощи России.

– Если такое стихийное движение на хутора продолжится, то через десять лет Россия станет непобедимой, – вот что сказали немецкие исследователи, посетившие в то время Россию с целью ознакомиться с нашей аграрной реформой.

Нельзя было оставаться безучастным к этому народному движению, и я решил лично ознакомиться с постановкой хуторского дела на местах. Надо было повидать для этого министра Столыпина. После взрыва на Аптекарском острове он жил на Елагином, во дворце, как затравленный зверь. Но доступ к нему был очень легок, и единственно, что его охраняло, – это вода со всех сторон, в бесчисленных рукавах Невы, окружающих Елагин остров.

Столыпин очень сочувственно отнесся к моей мысли осмотреть на месте, как идет дело землеустройства, и немедленно при мне по телефону отдал распоряжение, чтобы мне было оказано всякое содействие. Мне нужно было спешно выехать из Петербурга, так что о маршруте своем я уже сговорился с министром Кривошеиным по телефону. Нами были намечены губернии: Витебская, Саратовская, Самарская и наша Рязанская. В первых трех губерниях хуторское устройство шло наиболее успешно; свою же Рязанскую я выбрал для сравнения, для контраста.

Должен оговориться, что я предпринял эту поездку на свой счет и на свой риск.

Дорогой я записывал свои впечатления и напечатал ряд статей в «Санкт-Петербургских ведомостях» под заглавием «По хуторам».

Путешествие это было очень поучительно, и так как я начал свой осмотр с Витебской губернии, где население мало было знакомо с общиной, где чувство земельной собственности было более развито, чем в Великороссии, то иногда картины хуторского расселения были поистине изумительны. Помню, как эффектно было заявление моего спутника, откомандированного витебским губернатором, когда он сказал мне:

– Вот здесь, где мы едем, была большая деревня!

– Где? Здесь?

Я с удивлением осматривал площадь земли под посевами, где ранее был поселок, теперь уже расселившийся по хуторам: от большого селения не осталось никаких следов, кроме одной-двух усадеб, удачно оставшихся на своем участке земли по жребию. А по горизонту там и сям виднелись хутора, выселившиеся из этой деревни.

Хуторское расселение по каждой губернии носило свои особенности. Так, в Саратовской губернии основным препятствием служил недостаток воды, и главное внимание землеустроителей было обращено на снабжение хуторов колодцами, чрезвычайно глубокими и даже артезианскими.

Компаньон мой по Саратовской губернии сообщил много интересного из деятельности Столыпина, который был в Саратове губернатором и хорошо известен моему спутнику²³⁴. Мне запомнился один рассказ об изумительном присутствии духа Столыпина: он не признавал опасности и шел к ней всегда прямо. Когда ему донесли, что в одной из волостей вспыхнуло

1906 г.), сенатор (с 1916 г.). С 1905 г. директор Департамента государственных земельных имуществ, с 1912 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. 16 ноября 1916 г. возглавил Министерство земледелия и Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу.

²³³ В действительности А. А. Риттих стал товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием лишь в 1912 г., т. е. после смерти П. А. Столыпина.

²³⁴ Имеется в виду рассказ Н. Н. Львова.

крестьянское восстание, Столыпин немедленно отправился туда сам, один, в коляске. В селе его встречает большая толпа крестьян. Губернатор выходит в середину толпы и спрашивает, в чем дело? По выражениям лиц окружающих его крестьян он замечает, что страсти до чрезвычайности возбуждены. Он видит, что один крестьянин, очевидно, главный зачинщик, особенно нервно настроен, передавая свое возбуждение толпе, которая тесно обступает губернатора. Тогда Столыпин сбрасывает с себя свою губернаторскую шинель и дает ее на руки зачинщику со словами: «Подержи-ка, голубчик!» И этот жест, эта находчивость сразу все изменяет. Зачинщик, коневод, является уже в роли человека, прислуживающего губернатору. Эта неожиданность, этот гипноз красной генеральской подкладки, эта услуга – все вместе умиряет страсти. И вся толпа изменяет настроение, видя во главе своей уже не зачинщика, а губернатора, которому зачинщик услужливо держит пальто. Инициатива перешла к Столыпину, и он спокойно расспрашивает и выслушивает крестьян о причинах волнения²³⁵.

В Самарской губернии я познакомился со знаменитым землеустроителем А. Ф. Биром²³⁶. Этот небольшой человек творил в своем участке чудеса: самое имя Бир стало в этих краях нарицательным: Бир – значит землеустроитель. Мы путешествовали с ним по Самарским степям, и он показывал мне введенную им систему хуторов пачками, по четыре хутора вместе, причем поля их простирались во все четыре стороны от центра, где выстроены хутора. Для безграничных самарских степей это особенно важно и для выгона, и для водопоя, и, чтобы не было такого одиночества, для защиты от зверя, от недоброго человека, от непогоды. Здесь же

²³⁵ В январе 1905 г. на заседании кружка «Беседа» Н. Н. Львов описывал эти события следующим образом: «Появился Н. Н. Львов и заявил, что он просит прервать обсуждение текущих вопросов и выслушать его сообщение. Н. Н. Львов: Я видел ужасы, нечто вроде пугачевщины. Началось по соседству с моим именем у кн. Волконского. Крестьяне стали рубить лес. У Волконского есть тяжба с ними, в которой он едва ли прав, но туда же наехали сейчас крестьяне других деревень – тоже поживиться лесом. Вообще возбуждение среди крестьян растет. Еще до этого шли разные слухи: о дележе земли, о том, что господа хотят перевести царский род и т. д. Пропаганда идет с двух сторон: есть, несомненно, в наших краях революционеры-агитаторы и появляются прокламации; но, с другой стороны, ходят сыщики охраны, а священники и полиция поддерживают нелепые слухи – о том, что господа хотят стать на место царя, об измене, о подкупе Японией и Англией и т. п. Все это вместе, а также смутные слухи о войне волнуют народ. У Волконского в Романовке рубили лес дней пять, потом приехали губернатор (П. А. Столыпин. – *Ред.*) и казаки, и дело кончилось сравнительно мирно: порки и стрельбы не было. Потом мордово-караевские мужики стали рубить мой лес. У меня с мордово-караевскими нет никаких дел, это государственные крестьяне с полным наделом. Они зажиточны. Два года назад у них был прекрасный урожай. Я был в Саратове и приехал, когда было уже много срублено. Я сперва поскакал в свои села (т. е. в села бывших наших крестьян, но я не узнал мужиков. Это другой народ – с затаенной злобой и недоверием. Все ждут, что будет с мордово-караевскими, и готовы делать то же. Скоро в Мордово-Карае также приехали губернатор с казаками. Они продолжали рубить и при нем. Они вырубали более 200 дес. на 150 000 руб. Все вывезено, продано, прожито. Приезжали со всех окрестностей покупать за бесценок. Рубили дней шесть. Губернатор приехал на громадный пьяный сход (в селе Мордово много душ). Падают на колени и в то же время кидают камнями, хохочут, рыдают, галдят. Губернатор Столыпин не хотел прибегать к репрессиям, и я его всячески просил об этом. Он требовал от них составления приговора о том, чтобы они перестали рубить лес, и требовал выдать зачинщиков. Но невозможно было чего-нибудь добиться. Когда он стал им грозить, они тоже отвечали угрозами по отношению к полиции и казакам. Тогда он один вышел к ним и сказал: «Убейте меня». Тогда они кинулись на колени. Но как только он сел в сани, в него стали кидать камнями. Тут же ранили пристава, несколько казаков и солдат. Крестьяне вооружились – насадили на палки какие-то пики. Губернатор пробовал также вызвать депутатов выборных от общества. Явилось человек 20. С ними ничего нельзя было сделать. Это обезумевшие люди, возбужденные хищники... Губернатор уехал на время и обещал приехать туда опять в понедельник, т. е. сегодня. Он мне сказал, что если дело без этого не кончится, он будет стрелять. И вот, может быть, сейчас там стреляют... Я не мог выдержать, перевез оттуда мою семью. Некоторые воображают, что аграрные беспорядки могут принести хоть какую-нибудь пользу. Ничего, кроме пугачевщины, из холерных, еврейских и аграрных беспорядков ничего путного выйти не может. А это озлобление усмирителей. Пристав с глазами, налитыми кровью, кричал: «Я усмирю их». Я видел, как казаки с факелами тащили порубщиков из леса. Я едва удержал их, чтобы их не били. Меня лично не тронули, но мордовцы грозили мне. Что это вообще за дикость! Стоит старик перед губернатором на коленях, совершенно пьяный и кричит: «Лес наш! Лес наш!» Война на всем этом тоже имела, по-видимому, некоторое неожиданное значение. Когда губернатор говорил, что нельзя брать чужого, то ему кто-то возразил: Маньчжурия тоже чужая, а ее вон забрали. Это царство грубой физической силы. Войска, которые привел губернатор, состояли из запасных солдат, которые были чем-то недовольны и озлоблены против крестьян. Они говорили – только дозвольте, а мы покажем этим мужикам» (ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп.1. Д. 142. Л. 243–244).

²³⁶ Бир Александр Филиппович – неперемный член Новоузенской землеустроительной комиссии Самарской губернии. С 1910 г. ревизор землеустройства Астраханской, Ставропольской и Самарской губерний.

впервые я увидел, как в России работают на верблюдах и как эти верблюды не брезгают даже сухой колочкой «перекати-поле».

Бир показал и рассказал мне много поучительного, и я с сожалением с ним расстался.

Я спешил возвратиться в Финляндию, ибо получил телеграмму, что С[ерафима] К[онстантиновна] больна. В Выборге я узнал, что она мужественно перенесла тяжелую операцию и уже поправляется. Не пробыл я около больной и двух дней, как газеты принесли тяжелое известие, что министр Столыпин ранен в Киеве в театре²³⁷, а еще через два дня, что он скончался²³⁸. Это было так неожиданно, так жестоко и так нелепо, что трудно было удержаться от слез: убийцы²³⁹ Столыпина хорошо рассчитали свой удар, покончивший вместе с ним и всю его великую земельную реформу. После смерти Столыпина мне стало ясно, что дальнейшая моя поездка по хуторам бесполезна. Хотя я и вернулся опять в Рязань, но уже больше по инерции; впрочем, и смотреть-то в Рязанской губернии было нечего, так как хуторское движение там было лишь в зачатке.

Выборы в четвертую Думу

Наступал срок выборов в четвертую Думу. Наши шансы прежних депутатов были довольно шатки. Я уже говорил, что каждый наш избиратель по своему незнанию политических условий и работы законодательной палаты полагал про себя: а чем я хуже других? Я тоже хочу быть членом Государственной думы.

Это элементарное политическое невежество разбивало голоса и давало неожиданные результаты.

Кроме того, на нас ополчился рязанский губернатор князь Оболенский²⁴⁰, впоследствии ставший петербургским градоначальником. Еще в бытность нашу в Думе к нам пришла просьба от наших рязанских избирателей, чтобы мы защитили их от произвола губернатора, который не желает утверждать в должностях лиц, избранных земским собранием.

Мы уже ранее знали повадку этого «помпадур». К тому же вопрос шел о нарушении земских прав. Поэтому мы втроем – я, Леонов и Сафонов – отправились с жалобой на произвольные действия рязанского губернатора к министру Столыпину.

Четвертый наш депутат – Селиванов²⁴¹ – увильнул от этой неприятной обязанности. Остальные три депутата – священник, рабочий и крестьянин – для столь деликатной миссии не были пригодны, да и не пошли бы из боязни.

Я сознавал, что центр тяжести этой депутации лежит на мне, так как я был хорошо известен Столыпину. Но я старался по возможности держаться в тени и предоставлял докладывать сущность нашей просьбы Леонову и Сафонову.

Оказалось, впрочем, что министр был уже в курсе всего этого дела и предлагал нам вопросы, хорошо освещающие и самих избранных лиц, о которых мы ходатайствовали.

После этой нашей аудиенции, очевидно, рязанскому губернатору попало от министра за превышение власти, и губернатор Оболенский, затаив злобу, решил отомстить нам на выборах. И отомстил.

²³⁷ П. А. Столыпин был смертельно ранен 1 сентября 1911 г.

²³⁸ В действительности П. А. Столыпин скончался 5 сентября 1911 г., т. е. спустя четыре дня после ранения.

²³⁹ П. А. Столыпин был смертельно ранен Богровым Дмитрием Григорьевичем (Мордехаем Гершковичем) (1887–1911) – секретным сотрудником Киевского охранного отделения (с 1906 г.), который информировал о деятельности эсеровских, социал-демократических и анархистских организаций.

²⁴⁰ Оболенский Александр Николаевич, князь (1872–1924) – государственный деятель. С 1908 г. костромской вице-губернатор. С 1910 г. рязанский губернатор. В 1914–1916 гг. петроградский градоначальник. В 1916 г. зачислен в Свиту Его Величества.

²⁴¹ Селиванов Алексей Алексеевич (1847–1918) – депутат III Государственной думы от Рязанской губернии, член фракции октябристов.

У меня были с ним еще и особые счеты по «Новому времени». При обсуждении бюджета в Государственной думе я резко выступал против подачек из казны разным лицам, в том числе и царевне грузинской²⁴². Я, впрочем, и не подозревал, что эта царевна – жена нашего губернатора Оболенского.

Последний окрысился и поместил в «Новом времени» письмо, где ссылался на какие-то документы, обязывающие русскую казну платить субсидию царевне грузинской. На это письмо я также отвечал в печати.

Впрочем, после этого инцидента я бывал на обедах у рязанского губернатора во время земских собраний и даже извинялся перед его женой, что совершенно неожиданно ее обидел, не предполагая именно в ней царевну грузинскую. Но, очевидно, какой-то осадок досады у них все-таки остался.

Когда наступили выборы в четвертую Государственную думу, губернатор Оболенский по уговору с местным архиереем решили мобилизовать всех попов по губернии с предписанием класть нам шары налево и отнюдь не пропускать нас в Думу.

И тем не менее на выборах в Рязске я был избран. Добрый А. С. Ермолов поспешил меня поздравить. Однако мое избрание произвело переполох среди попов, испугавшихся нагоняя от архиерея. Спешно посоветовавшись между собой, они выставили нового кандидата в Думу – местного протопопа. Тут я уже сам виноват в своей оплошности, ибо положил ему свой шар направо, как и всем другим, впрочем. Протопоп получил одним шаром больше, нежели я. Таким образом, я сам себя забаллотировал.

Но здесь-то и сказалось недомыслие и политическое невежество моих избирателей, ибо стоило одному из выбранных отказаться от своей кандидатуры, как я механически вступал на его место.

– Чем мы хуже его? – вот был их политический лозунг, и ни один не отказался. Впрочем, ни один из них и не попал, и не мог попасть в Государственную думу ввиду полной к тому непригодности.

Я не сложил оружия и обжаловал выборы по различным нарушениям закона. Их отменили, должны были отменить. Новые выборы были назначены поздней осенью. Губернатор всполошился. Опять от архиерея полетели предписания попам ехать на выборы. Погода была ужаснейшая: морозом сковало грязь; ехать в плохом, нерессорном экипаже было мукой. Архиерей взял на свою душу грех, ибо один из старых больных священников так повредил этой поездкой свое здоровье, что умер.

Обозлившись на меня, попы забаллотировали меня на этот раз уже окончательно.

Но и я, в свою очередь, обозлился и написал жестокую статью против губернатора и архиерея, где подробно рассказал про их предвыборные маневры. Статья имела огромный успех в «Голосе Москвы». Но по проискам губернатора редактора посадили под арест.

В четвертую Думу я не попал. Однако я остался в Петербурге как директор Ленского товарищества и как редактор экономического журнала «Вестник центрального банка».

Вскоре я был избран членом Оценочной комиссии города Петербурга. Раньше мне было обещано место председателя этой комиссии, но у меня его перебил Н. Н. Кутлер²⁴³, которого, однако, министр Маклаков не утвердил в должности по «политической неблагонадежности». Это в оценочной-то комиссии! Но и после меня вновь обманули, избрав председателем «неко-

²⁴² Речь идет о Саломее Николаевне Оболенской (урожд. Дадияни) (1878–1961) – дочери последнего владетельного князя Мингрелии. В 1867 г. в связи с упразднением Мингрельского княжества Николай Дадияни получил единовременно 1 млн рублей. Кроме того, ему и его детям была назначена пожизненная пенсия.

²⁴³ Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – политический и государственный деятель. С 1906 г. член партии кадетов, член ЦК партии. Депутат II и III Государственной думы. В 1915–1917 гг. член Центрального военно-промышленного комитета. В сентябре 1917 г. председатель Торгово-промышленной фракции Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания от Петрограда.

его в сером», совершенно незначительное лицо, которого и фамилию я даже не помню. Впрочем, он ходил в цилиндре.

Глава II

Война и революция

Мобилизация

В июле 1914 года Россия первая начала мобилизацию. Надо в точности восстанавливать факты.

У бывшего военного министра Сухомлинова в его воспоминаниях имеются чрезвычайно любопытные подробности, относящиеся к этому роковому для России моменту. Подробности эти тем интереснее и тем важнее, что сам автор приводит их лишь попутно, видимо, не сознавая всей серьезности этих попутных обстоятельств; его мысль направлена совсем на другое, он стремится доказать, почему именно Россия была не вполне готова к войне и что именно было уже подготовлено. О тех обстоятельствах, о которых мы говорим, он замечает лишь вскользь, мимоходом, и они тем и ценнее, ибо не могут быть заподозрены в неискренности. Это лишь усилило обстоятельства в тяжелом преступлении, в котором обвинялся министр Сухомлинов.

Что министр Сухомлинов был лукавый царедворец, что в вопросах военного дела его удельный вес был довольно слаб и что голос его совершенно заглушался более влиятельными голосами великих князей, это всем было хорошо известно и до появления в свет его воспоминаний.

Но совсем не в этом дело. А вот что более важно. Оказывается, что когда у государя и окружающих его представителей военных кругов России возникла мысль пугнуть несговорчивую Австрию – в ее известном конфликте с Сербией – частичной мобилизацией на австрийском фронте, так сказать, брякнуть перед ней русским оружием и пугнуть русской мощью, то по этому вопросу в Красном Селе под председательством государя было созвано совещание – весь Совет министров в особо увеличенном и пополненном составе.

Мы и без воспоминаний отлично знаем, что мог отвечать на вопрос царя: «Готовы ли мы к войне на австрийском фронте?» – лукавый царедворец: «Конечно, готовы, если ваше величество прикажет!» Ответ, достойный министра Сухомлинова, и не в нем теперь дело.

После многих и долгих прений совещание согласилось, что «для демонстрации» возможно провести частичную мобилизацию на австрийском фронте.

Каким же образом эта частичная мобилизация превратилась в общую мобилизацию, захватившую и германский фронт? Вот вопрос, о котором министр Сухомлинов пишет лишь мимоходом, вскользь. А вопрос этот кардинальной важности.

Что государь вовсе не желал этой мобилизации и что он был далек от мысли о войне с Германией – это несомненно: нерешительный и сомневающийся государь даже спрашивал военного министра, нельзя ли приостановить мобилизацию? И когда ему ответили, что это невозможно, и когда растерянный и подавленный государь желает совершенно прекратить мобилизацию, ему отвечают, что она уже объявлена и в полном ходу.

Но если государь не желал общей мобилизации и если государственное совещание одобрило лишь частичную мобилизацию «для демонстрации», то кто же, наконец, решил этот вопрос, ввергнувший Россию в пучину бедствий?

В порыве личных обид министр Сухомлинов отдает слишком много места проискам и козням начальника штаба генерала Янушкевича²⁴⁴. Нельзя себе представить, чтобы начальник штаба мог действовать в вопросах войны и мира на свой риск и страх, чтобы за ним не стояли более крупные фигуры.

²⁴⁴ Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) – военачальник, генерал от инфантерии (1914). С 1914 г. начальник Генерального штаба. В 1914–1915 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего. С 1916 г. начальник снабжений Кавказской армии.

Ясно лишь одно, что эта общая мобилизация как-то фатально была навязана государю и России.

Не менее загадочна и история с путаницей телеграмм, которыми обменивался Николай II с Вильгельмом²⁴⁵: телеграмма государя более позднего датума была передана Вильгельму ранее предшествующей, и этот пробел имел решающее значение в ходе переговоров.

Однако кто же осмелился задержать телеграмму государя в такой исключительный момент в судьбе России?

Вот два кардинальных вопроса и два момента исключительной важности, которые как нельзя лучше характеризуют ту атмосферу, которая окружала в то время царя: кто-то, помимо царя, решил, что война должна быть, и провел эту свою волю без всяких совещаний с государственными учреждениями и даже помимо желания самого государя.

А теперь задним числом, когда Россия лежит в прахе, пусть история разыскивает виновника войны.

Никто не спорит, что Германия сорок лет готовилась к войне, что за последние годы она была настроена очень воинственно. Но в том-то и заключается вся трагедия, что мобилизацию начала не та страна, которая к ней готовилась, а та, которая совсем не была готова.

Германский посол граф Пурталес²⁴⁶ вручил русскому министру Сазонову²⁴⁷ требование в течение суток прекратить мобилизацию. Срок прошел, ответа не последовало. Германский посол вторично посетил министра Сазонова, чтобы удостовериться в ответе, причем был крайне взволнован.

– Итак – война? – спросил он Сазонова, в волнении роняя бумаги.

Министр пожал плечами.

Эти подробности очень характерны, если вспомнить, что в ответ на русскую мобилизацию Германия бросила свои главные военные силы прежде всего на Францию. Что из этого следует? А то, что хотя Германия и готовилась сорок лет к войне, но не с Россией, а с Францией. Исход войны показал, что Россия слишком поторопилась и этой поспешностью подготовила собственную гибель.

Когда я состоял в центральном комитете партии октябристов, я был уверен, что эта партия, при всех ее недостатках, знает Россию, знает русский народ. События показали, что я ошибался и что в погоне за призрачной властью и эта партия готова жертвовать всем. Неужели можно было хоть минуту сомневаться в том, что приказы Гучкова будут более вески, чем приказы царя? Гучков очень скоро убедился в этом, уступив свое место Керенскому, а Керенский – Ленину, которым и выпала задача заканчивать войну. Даже полупомешанный маньяк и тот понял, что России война не нужна. Кому она была нужна? Об этом в России нельзя было вслух говорить, настолько самих захватила союзническая ориентация.

Интересы слабой Франции здесь были понятны: были моменты, когда Германия могла ее задушить, если бы не Россия.

Интересы колониальной Англии с ее первенством на море, которому угрожал быстро растущий флот Германии, также понятны.

Интересы Японии на Дальнем Востоке могли только выиграть от войны европейских держав. Быстро сообразила свои интересы Италия, не задумавшаяся разорвать «клочки бумаги», которые ее связывали с Германией и Австрией.

²⁴⁵ Имеется в виду кайзер Германии Вильгельм II.

²⁴⁶ Пурталес (Pourtalès) Фридрих (1853–1928) – немецкий дипломат. В 1907–1914 гг. посол Германии в России. В 1914–1918 гг. советник Министерства иностранных дел.

²⁴⁷ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – дипломат, государственный деятель. В 1910–1916 гг. министр иностранных дел. С 1913 г. член Государственного совета.

Но какие интересы Россия преследовала в войне с Германией? Граф Витте – величайший государственный ум России – буквально рвал волосы в отчаянии, когда узнал, что война объявлена.

– Что теперь будет? – спрашивали его.

– Какой вопрос?! – воскликнул Витте. – Нас сбросили с шестого этажа, а вы спрашиваете, что будет!

Граф Витте был в опале: можно ли слушать опального сановника? Болея душой за Россию, Витте не стеснялся высказывать свое мнение в присутствии представителей союзнических держав. А граф Витте многое знал еще из эпохи Японской войны, которая также приводила его в отчаяние и которую судьба послала ему закончить с честью для России. Он в то время еще предсказывал, что Россия ни в каком случае не должна рисковать своим военным престижем в Европе, ибо только этот престиж и окружает Россию ореолом великой европейской державы. И если даже война с крохотной Японией значительно поколебала этот русский военный престиж, то что говорить о войне с грозной Германией?

Граф Витте знал много дипломатических тайн, о которых он рассказал в своих воспоминаниях. Из них мы узнали и о знаменитом свидании двух императоров в Бьорке, где доверчивый Николай II был зачарован Вильгельмом настолько, что подписал соглашение о поддержке Германии на случай каких-либо ее военных столкновений²⁴⁸. Это соглашение наделало много хлопот русской дипломатии. Но кто знает, не благоразумнее ли было бы для России опереться в то время на этот Бьоркский договор, разорвав союз с Францией? Вильгельм знал, как очаровать и как привлечь на свою сторону Николая II, который по свойству своего характера дорожил своим словом: нужно было уметь вырвать это слово, за которое потом государь готов был рыцарски жертвовать жизнью. И он сумел пожертвовать ею за Францию, хотя слово это давал не он, а отец его совсем в другие времена и при совершенно других обстоятельствах. Остается большим вопросом, как поступил бы во время мировой войны Александр III: склонился ли бы он на доводы своего старого верного и умного сподвижника графа Витте или дал бы увлечь себя мечтаниями министра Сазонова, шедшего на поводу у более хитрых дипломатов. Вероятно, граф Витте сумел бы убедить монарха, что нельзя ставить на карту судьбу всего государства из-за великодушия, из-за признанных договоров, которым грош цена в столь роковые моменты.

Не задумалась же Италия нарушить эти договоры в решительный момент военных операций²⁴⁹. Почему же Россия должна была жертвовать собой из-за чужих интересов? Из-за тех самых государств, которые впоследствии не постеснялись не только признать права за всеми отколовшимися от России ее частями, но и за СССР?

Это ли союзническая ориентация?

Немцы действовали иначе: когда союзной им гетманской Украине потребовалась помощь против большевиков, они прошли страну церемониальным маршем и очистили ее от большевиков. Они не спрашивали при этом, как французы или англичане, почему русские сами не стоят в строю. Они шли и помогали без лишних разговоров. И как просто выполнили они эту военную операцию, заняв небольшими отрядами все линии и все станции железных дорог, и как быстро ушла в подполье советская власть. Только во время немецкой оккупации Украина и вздохнула свободно. Напрасно указывают, что помощь немцев была своекорыстна. А где же видано и слыхано, чтобы помощь и союз государств основывались на платонических началах? Единственным исключением была Россия, которая всегда и платилась за свое бескорыстие. И теперь, в 1915 году, Россия спасла Францию от разгрома²⁵⁰.

²⁴⁸ Имеется в виду русско-германское соглашение, подписанное 11 (24) июля 1905 г. в Бьорке. Оно имело очевидную антибританскую направленность. Договор был подписан на царской яхте у острова Бьорке около Выборга. Он явно противоречил франко-российским договоренностям и 13 (26) ноября 1905 г. был аннулирован.

²⁴⁹ Имеется в виду вступление Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты.

²⁵⁰ Вероятно, имеются в виду события осени 1914 г.

И если бы не эти платонические симпатии, если бы не воинственный азарт желтого блока в Государственной думе²⁵¹, какой несокрушимый союз представлял бы союз России, Германии и Австрии и как с ним считалась бы остальная Европа!

Все попытки оправдать войну России с Германией не выдерживают никакой критики. Славянский вопрос и помощь погибавшей Сербии? Но какая же это помощь, если, спасая трехмиллионное государство, гибнет целая нация в сто восемьдесят миллионов человек. К тому же Сербия все равно не была спасена, она была раздавлена.

Профессор Милюков все время носился с Дарданеллами²⁵² как с одной из главных задач войны с Германией. Ну и что же, достигла Россия этой своей задачи? Я уже не говорю о несоизмеримости этих величин: мировой войны с миллионами жертв и турецких проливов.

Удивительно, как туго проникают в народное сознание новые мысли, хотя бы и беспорные и ясные как аксиомы. Уже один исход войны и те ужасные последствия, которые она вызвала в России, казалось бы, воочию должны были убедить, что война с Германией была колоссальной ошибкой русской дипломатии. Но стадное чувство доселе живет в умах толпы, которая все еще твердит, что союзники – наши друзья, а немцы – наши враги. Конечно, после объявления войны немцы стали неприятельской страной для России, и было бы странно полагать, что и на войне они будут соблюдать русские интересы. На войне все средства дозволены. Немудрено, что и немцы всеми средствами вредили России: они пустили к нам большевистскую заразу, хорошо зная, с кем они имеют дело и какую благодатную почву среди русского невежества найдет эта бредовая идея и проповедь грабежа и безделья. Они добились разложения русской армии, добились революции в России и тем вывели ее из войны. Они добились разложения самой России, потворствуя сепаратизму и федерализму обезумевшего населения.

Россия погибла. Но ведь это была война. По существу же, Германия, как бюджетная наша соседняя страна, более двухсот лет работавшая с Россией, не может быть нам враждебна, ибо, кроме России, ей неоткуда получать сырье и некуда сбывать свои товары. Здесь для России нет ничего обидного или унижительного; достаточно вспомнить, какого величия, какого могущества достигла она за эти двести лет. Недаром величайшие государственные умы и России, и Германии дорожили и настаивали на этой обоюдной дружбе.

Говорят, что Россия в своих торговых договорах несла подчиненное положение. Но если это и замечалось, то вовсе не из-за высокомерия Германии, а только потому, что промышленность и культура Германии были выше русских. Такой уж экономический закон, что высокая культура подчиняет себе низшую. И кого бы ни поставить на место Германии, будь то Англия или Франция, все равно торговые договоры России займут подчиненное положение, ибо в России нет промышленности, Россия нуждается в заграничных изданиях, что особенно ясно показали война и большевистское владычество.

Культура всегда берет верх, и за примерами ходить недалеко: давно ли подвластная России Финляндия была совершенно независима экономически от метрополии благодаря более высокой своей культуре. Не без выгоды сбывала она в Россию свои товары – бумагу, сарпинку, мебель, изразцы и пр., совершенно игнорируя русские изделия, даже столь дешевые и добротные, как русский ситец, сахар, пиво. Немецкие экспортеры за двести лет изучили Россию вдоль и поперек; изучили ее рынки, ее требования, ее вкусы; применились к русским условиям спроса и кредита; изучили русский язык. Словом, они сжились со своей соседкой.

За время войны некоторым русским фирмам пришлось обратиться к английскому и американскому рынкам, и сразу оказалась масса недоразумений: потребовали оплаты заказов впе-

²⁵¹ Имеется в виду Прогрессивный блок.

²⁵² Имеется в виду проблема Черноморских проливов, а именно возможности свободного прохода российских военных судов через них.

ред, да еще в английской валюте, самой дорогой; заказы опаздывали к русской навигации, монтеры не понимали русского языка и пр.

Для России необходимы были тесные торговые сношения именно с Германией, а не с Англией и не с Францией, ибо французские товары ей не нужны, у нее этих товаров большое изобилие на юге – в Крыму, на Кавказе, в Туркестане; что же касается английских товаров – машины, ткани, стальные изделия и пр., то они и в мирное время были нам не по карману. Остаются товары американские и японские; но недаром говорится: «за морем телушка – полушка, да рубль перевозу». Не проще ли перевезти немецкий товар через границу, тут же, рядом, нежели тащить его за тридевять земель из-за океана? Во имя чего? Что американцы или японцы – наши друзья? А что было в 1904 году и как тогда звучала эта формула? Если Япония с тех пор успела превратиться в нашего друга, то чего вообще стоят все эти политические формулы, несущие с собой мир и любовь?

Германия при всем своем экономическом и культурном превосходстве никогда не трактовала соседям русскую державу как меньшую, наоборот, всегда относилась с чувством уважения и дружбы в самые тяжелые ее исторические моменты.

А что принесла России ее союзническая ориентация? Позор и унижение. Достаточно сказать, что Россия, эта величайшая держава, занимавшая и продолжающая занимать половину европейского и азиатского материков, считавшая и продолжающая насчитывать свыше полутора миллиона населения, обладавшая и продолжающая обладать богатейшими природными богатствами, эта держава, пожертвовавшая миллионами человеческих жизней за своих союзников, оказалась недостойной иметь своего представителя в Версале при заключении мирного Конгресса²⁵³. А ведь в то время существовала еще белая армия адмирала Колчака²⁵⁴ и генерала Деникина²⁵⁵, и первая подходила к Уралу, а вторая – к Курску; они не участвовали в позорном Брестском мире, а оставались, к сожалению, верными союзникам.

В чем же была их вина? Не в том ли, что русские солдаты положили свои головы на немецкой и австрийской земле, спасая Париж от верной гибели? Пусть французские министры получше вспомнят, как они бежали из Парижа в Лион, не надеясь на крепость своей столицы. Это Россия своей кровью их защитила. И разве русский император не пожертвовал своими родственными узами и своими династическими интересами во имя долга и верности слову?

Лично я держусь и всегда держался того убеждения, что царь поступил ошибочно: русскому царю и для себя, и для своей страны гораздо дальновиднее было бы вместе с немцами «завтракать в Париже». Но Конгресс мира, конечно, держался иных взглядов, иначе он и не заседал бы в Версале, а быть может, добивался бы приема в залах Потсдамского или Царско-сельского дворца²⁵⁶.

До такого унижения Россия никогда еще не доходила, даже во времена монгольского ига. Этого унижения и такой неблагодарности нельзя забыть и нельзя простить.

Генерал Врангель, этот последний из могикан великой войны, мог многое рассказать и о том, как английское командование принуждало его к союзу с большевиками во время Крымской осады, и как встретило его французское командование в Константинополе, когда он появился там со своей эвакуационной армадой.

Генерал Врангель был рыцарь, но и он не мог смолчать при такой наглости и при такой неблагодарности союзников.

²⁵³ Речь идет о Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.

²⁵⁴ Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – военачальник, адмирал. В 1904–1905 гг. находился на театре военных действий на Дальнем Востоке. В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. Один из лидеров Белого движения. В 1919 г. потерпел поражение в борьбе с большевиками. В 1920 г. расстрелян.

²⁵⁵ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – русский военный деятель, генерал-лейтенант (1916), участник Гражданской войны.

²⁵⁶ Иными словами, условиями мира в этом случае диктовали бы Германия и Россия.

И все эти унижения русские терпели. Во имя чего?

Верный своему слову царь Николай II погиб вместе со своей семьей. Погибла и Россия. Перед этим геройством царя все преклоняются. А между тем помимо этой верности, весьма относительной в делах политических и государственных, за что и во имя чего он погиб? Всякая верность имеет свои пределы. Кому не известно, как английский посол Бьюкенен²⁵⁷ приветствовал в Петербурге Временное правительство, свергнувшее «деспотическую тиранию царского режима». А разве Франция по тому же поводу не прислала в Россию Альбера Тома²⁵⁸ приветствовать своего коллегу Керенского? В эти моменты царь Николай II был еще жив и томился с семьей в заключении, он знал, читал и слышал, как отплатили союзники ему за его верность слову.

Нельзя забыть, что государь заключал другое соглашение с императором Вильгельмом в Бьорке. Русское правительство, и граф Витте в том числе, чего никак нельзя поставить ему в особую заслугу, постарались аннулировать это соглашение, но ведь оно было. Почему это соглашение значило меньше, нежели соглашение с Францией императора Александра III? Ведь со временем эти последние обстоятельства слишком сильно изменились, и неизвестно, как сам Александр III отнесся бы к этому соглашению в 1914 году, раз оно грозило гибелью всей великой империи. Если в те далекие времена, предшествовавшие и Японской войне, и величайшим событиям в России периода первой революции, русский император не без сарказма защищал свою странную позу самодержца, почтительно выслушивающего республиканскую «Марсельезу»²⁵⁹, то всякий понимал, что к этому его обязывают политические обстоятельства. Но политические обстоятельства не вечны и слишком изменчивы. Неужели же на вечные времена русский царь должен был приковать свою руку к фуражке, как только услышит звук «Марсельезы»? В России был свой национальный гимн, совершенно не схожий с французским.

Во время Японской войны и во время первой революции германский император, не состоявший в союзе с русским царем, но сильно добивавшийся этого, тем не менее оказал услуги России и доказал ей свое дружественное расположение куда значительнее, нежели Франция. И тот же граф Витте, который не хотел воспользоваться соглашением императоров в Бьорке, все время носился со своей идеей русско-франко-немецкого союза. Не знаю, может быть, такой союз и был бы осуществлен, но факт, что он не осуществился. И я не могу понять, почему для России интересы Франции были дороже интересов Германии.

Ближайшие причины революции

Чтобы понять ближайшие причины, ближайшие поводы русской революции, достаточно внимательно прочитать две книги: «Воспоминания» графа Витте и «Письма императрицы». Эти книги рисуют нам полную картину состояния государственного управления во время царствования Николая II. Самый ход событий неизбежно вел Россию к революции. Шатание мысли и шатание власти, непрерывные интриги около верховной власти, постоянное стремление к великим делам и великим победам, которые заканчиваются поражениями; византийское недоверие к великим государственным умам и окружение мелкими льстецами и паяцами. Вечное колебание, неустойчивость и непоследовательность действий.

Японская война вызвана была именно шутами и паяцами, кривляющимися перед царем, но державшими наготове в своих клоунских карманах концессии на Дальнем Востоке. Во дворце уже не было слова «японцы», а просто «макаки», с которыми не стоит разговаривать великой державе.

²⁵⁷ Бьюкенен (Buchanan) Джордж Уильям (1854–1924) – английский дипломат. В 1910–1918 гг. посол Великобритании в России.

²⁵⁸ Тома (Thomas) Альбер (1878–1932) – французский политический деятель, социалист. В 1915–1916 государственный секретарь. В 1916–1917 гг. министр вооружения.

²⁵⁹ Имеется в виду прием Александром III французской эскадры в 1891 г.

Графа Витте не слушали, когда он предупреждал против японской авантюры. А когда потребовалось выйти из западни, обратились к нему, чтобы он ехал заключать мир с Японией.

Первая революция 1905 года. Шуты и клоуны, окружавшие царя, все спрятались и растерялись. Опять выручает граф Витте и восстанавливает в стране спокойствие путем Манифеста 17 октября. Но не проходит и месяца, как во дворце опять перемена в сторону неотреченного самодержавия. Опять появляются шуты и клоуны, которые подмигивают и подзуживают по адресу народного представительства – для чего оно нужно?

Государь не любит и не переносит выдающихся государственных людей, он прибегает к их помощи лишь в случаях крайней необходимости и затем, по миновании надобности, вновь их удаляет. Но он не имеет мужества сказать им это прямо и смело в лицо; он прибегает к письменным извещениям, и даже в те моменты, когда извещение уже готово, уже подписано, а иногда и послано, государь все так же неизменно встречает опального с любезной улыбкой и провожает его, не сказав ни слова об ожидающем его ударе.

В решительные, роковые моменты у царя не хватает силы воли отстоять свое мнение. Великий князь – главнокомандующий²⁶⁰. Постепенно к нему стягиваются все нити государственного управления. Оно и понятно, ибо всемирная война всецело покрыла и поглотила тыл. В «Письмах императрицы» все чаще и чаще проводится мысль, что великий князь начинает «заслонять» собой царя.

«Не позволяй министрам ездить с докладами к дяде Николаше. Не позволяй ему вмешиваться в дела управления государством!» Эти фразы постоянно повторяются в письмах ее к царю.

И царь поддается этому внушению императрицы, обладавшей более сильным характером, но совершенно не знавшей России и не понимавшей искусства управления государством. Она опасается, что великий князь заслонит собой царя, и в то же время она с благоговением внемлет тому вздору, тому чревоуещанию, которое исходит от хитрого, но безграмотного мужика. Великие государственные умы постепенно отстраняются от трона, а их место занимает сибирский проходимец, который забирает все большую силу и начинает вмешиваться даже в дела военные на фронте.

– Скажите этому негодяю, что я его велю выпороть, если он явится сюда ко мне на фронт! – в раздражении восклицает главнокомандующий, выведенный из себя нахальством Распутина²⁶¹.

Какое впечатление должно было произвести это распоряжение на сильную волей царицу? Такой главнокомандующий рано или поздно должен быть смещен. И он смещен: царь по настоянию царицы берет в свои слабые руки верховное командование на фронте. Великий князь получает почетную ссылку на Кавказ.

При таком положении управления в России ввязываться в величайшую мировую войну было вдвойне рискованно. Граф Витте своим прозорливым умом понимал, к какой катастрофе должна привести Россию эта война. Беда заключалась не в том, что было заготовлено мало снарядов или оружия, более колоссальной военной силы, чем Россия, не дала ни одна союзная страна. Опасность была в другом – в том внутреннем неустройстве, в недовольстве населения, в шаткости государственного управления, не понимавшего собственного народа.

Великие государственные умы старались наверстать потерянное: граф Витте – Манифестом 17 октября, а министр Столыпин – земельной реформой. Но эти реформы были молодые, неокрепшие, не давшие еще глубоких корней в народной массе.

²⁶⁰ Речь идет о великом князе Николае Николаевиче.

²⁶¹ Распутин Григорий Ефимович (1864/1865–1916) – фаворит императора Николая II и его жены Александры Федоровны, авантюрист. К 1902 г. стал известен как сибирский «пророк» и «святой старец». Пользовался неограниченным влиянием на Николая II. По советам Р. назначались и смещались даже высшие лица государственного и церковного управления.

Великая всемирная война потрясла все государства, и этого потрясения Россия не выдержала.

Три стадии революции

Вторую русскую революцию 1917 года необходимо разделять на три стадии: революция дворцовая, революция политическая и революция социальная.

Когда депутаты Гучков и Шульгин отправились в Ставку за отречением царя, они менее всего думали и менее всего ожидали, что эта их первая застрелка приведет к полному крушению России. Их миссия и задача представлялась им совершенно ясной и определенной: получить отречение от престола Николая II и присягнуть на верность новому императору – Алексею²⁶². Дворцовый переворот. Самый состав депутации показывает ее миролюбивое настроение. В одной из своих бесед Шульгин прямо объясняет, что заставило его, правого националиста, монархиста, принять участие в этой революционной депутации: «Если бы мы уклонились от этой тяжелой миссии, то в Ставку поехал бы Чхеидзе, который заранее заявил, что он возьмет с собой взвод солдат».

Миссия этой депутации, выполнявшей дворцовый переворот, как мы знаем, увенчалась успехом: царь и не думал сопротивляться, он встретил депутацию спокойными словами, что он обдумал этот вопрос и для блага России готов отказаться от престола, но что он не может расстаться с сыном и поэтому отказывается от престола и за себя, и за сына.

Русским императором стал Михаил²⁶³. С этим депутация и вернулась в Петербург. Но когда ликующий Гучков возвестил солдатам эту радостную весть: «Ура императору Михаилу!», то его не только никто не поддержал, но он сам должен был поспешить спастись от угроз недовольных солдат: «Никакого царя!»

Дворцовый переворот перешел в стадию политической революции.

В эмиграционных русских кругах стало ходячим мнением, что революцию в России произвела Государственная дума во главе с председателем Думы Родзянко²⁶⁴. О роли Государственной думы в русской революции я буду говорить позже. Теперь мне хотелось бы обратить внимание на другое – на военную охрану государя и, в частности, на роль генерала Рузского²⁶⁵.

Я ставлю прямой вопрос: как должен был поступить генерал по долгу присяги с бунтовщиками, которые явились к монарху с требованием его низложения, да еще в районе командования этого генерала?

С военной точки зрения, здесь не может быть никакого сомнения в ответе.

А что делает генерал Рузский? Шаркая резиновыми калошами, он ведет бунтовщиков и заговорщиков в вагон к государю и там на общем совещании принимает участие в редактировании отречения от престола.

А разве один генерал Рузский так поступал? Начальник штаба генерал Алексеев²⁶⁶, так сказать, правая рука государя как Верховного главнокомандующего, вместо военных действий по усмирению бунта гарнизона в Петербурге ведет переговоры по телефону с Родзянко и, наконец, прибегает к какой-то своеобразной анкете среди командующих войсками, как они полагали бы по вопросу об отречении царя от престола?

²⁶² Имеется в виду сын Николая II Алексей Николаевич (1904–1918).

²⁶³ А. В. Еропкин ошибается. Великий князь Михаил Александрович не стал императором, так как не принял престола, оставив вопрос открытым вплоть до созыва Учредительного собрания.

²⁶⁴ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – общественный и политический деятель. В 1911–1917 гг. председатель Государственной думы.

²⁶⁵ Рузский Николай Владимирович (1854–1918) – военачальник, генерал от инфантерии. С 1915 г. главнокомандующий армиями Северного фронта.

²⁶⁶ Алексеев Михаил Васильевич (1858–1918) – военный деятель, генерал от инфантерии (1914). В апреле – мае 1917 г. Верховный главнокомандующий.

Из всех командующих армиями нашелся только один генерал – Сахаров²⁶⁷, которому военный долг подсказывал правильный ответ: усмирить бунт военной силой. Но и этот генерал в конце концов был увлечен общим течением непротivления злу.

Таково военное окружение государя. И где? В районе военных операций, в высочайшей Ставке. Дальше такого военного развала, отсутствия военной дисциплины идти было некуда.

Понятно, что в столь тревожные минуты государь рвался к семье в Царское Село. А машинист по распоряжению начальства везет государя в Псков.

Что это такое? Государя, Верховного главнокомандующего против его воли машинист везет в Псков? А где же охрана государя? Датские стрелки, охранявшие короля Людовика XVI²⁶⁸ во время французской революции²⁶⁹, пали мертвыми, защищая вверенную их охране особу короля. А русские стрелки, как они себя вели? Не нашлось ни одного, который защищал бы царя.

Вот о чем следовало бы лучше подумать, прежде чем бросать обвинения Государственной думе и ее председателю. Уж если командующие войсками с их миллионами штыков не сумели спасти своего государя, а сочли за лучшее давать советы отречения от престола, если они забыли военную присягу положить жизнь за царя, то как могут предъявлять какие-то вздорные обвинения Государственной думе, единственную охрану которой составляли думские приставы и служители, оружием которых служили цепь через шею и булава?

У генерала Алексеева было в его распоряжении двенадцать миллионов солдат. А у Родзянко, кроме его пяти пальцев, ничего не было. И все-таки войска пошли к Думе²⁷⁰. Почему? Какие войска? Ведь это были те взбунтовавшиеся части, которые вообще никуда не хотели идти, боевые части с командным составом. Какое чувство, какой инстинкт толкали их именно к Государственной думе? Этот инстинкт очень показателен, и едва ли мы ошибемся, если скажем, что в общем развале, в общей разрухе, которая докатилась даже до боевого фронта во время небывалой войны, ярким доказательством чего может служить анкета генерала Алексеева о царствующем императоре, в эти дни полной растерянности люди искали какого-либо государственного порядка и в надежде устремлялись к Государственной думе.

Надежды эти их обманули, и государственный развал шел гораздо глубже: Временное правительство, созданное Государственной думой, было именно «временным» этапом на пути полного государственного крушения России.

Процесс постепенного распада государственного порядка происходил у меня на глазах. Я жил в это время в Петербурге, как раз в центре города, на углу Невского и Литейного проспектов. Волнения начинались постепенно, и умная государственная власть, конечно, могла бы их потушить. Как и всегда, вопрос шел в буквальном смысле о куске хлеба; хлеба в Петербурге не доставало, и в то время избалованное население не привыкло еще и не признавало никаких очередей в ожидании покупки хлеба, и оно особенно негодовало, когда эта лишняя затрата времени оканчивалась ничем, когда булочник объявлял, что хлеба больше нет.

Больше всех, конечно, волновались женщины, на которых главным образом и ложилась эта нудная обязанность стоять в очередях за хлебом. Первые толпы недовольных на Невском состояли в большинстве из женщин. Демонстрации все усиливались, и толпы на Невском появлялись все чаще. Для разгона этих демонстраций прибегли к конным отрядам казаков. Но

²⁶⁷ Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – военачальник, генерал от кавалерии. С 1916 г. командующий Дунайской армией, помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта Фердинанда I. В апреле 1917 г. отстранен от командования.

²⁶⁸ Людовик XVI (Louis XVI) (1754–1793) – король Франции в 1774–1791 гг. Казнен. Говоря о датских стрелках Людовика, автор, очевидно, имеет в виду швейцарскую гвардию, оборонявшую королевский дворец Тюильри 10 августа 1792 г.

²⁶⁹ Имеется в виду революция 1789 г.

²⁷⁰ Имеется в виду, что восставшие полки Петроградского гарнизона, рассчитывавшие на поддержку Государственной думы, 27 февраля 1917 г. направились к Таврическому дворцу.

казаки вели себя миролюбиво: стоит ли связываться с бабой? Как вела себя в это время власть в Петербурге?

К великому несчастью России, власть эта была в руках ставленника Распутина, любимца императрицы, министра А. Д. Протопопова²⁷¹. Я хорошо лично знал Протопопова и должен откровенно сказать, что, добившись окольными путями власти, он обманул все ожидания и на деле оказался гораздо слабее и гораздо глупее, чем можно было предполагать по его деятельности в Государственной думе, где он весьма толково и даже талантливо защищал интересы торгово-промышленного класса и ловко справлялся с обязанностью председательствования в Думе, состоя товарищем председателя.

Незадолго до начала народных волнений в Петербурге я виделся с Протопоповым, а он, видимо, подавленный сделанными им открытиями, делился со мной своими мыслями и впечатлениями.

– Вы не можете себе представить, – говорил он мне тогда, – кто замешан в этом деле!

Вопрос шел о заговоре дворцового переворота.

Значит, министру Протопопову было известно, что затевается. И все же он не сумел справиться со своей задачей: вместо того чтобы задушить заговор в начале, Протопопов придумал какую-то хитрую систему охраны столицы путем обучения полицейских стрельбе из пулеметов. И министр уверял императрицу, чтобы та была спокойна, ибо он знает, как справиться с революцией. Он распорядился втащить эти пулеметы на чердаки некоторых зданий в Петербурге, и когда толпы на Невском слишком настойчиво стали требовать хлеба, против них действовали пулеметным огнем из невидимого источника. Раненые и убитые оставались на улице. Я могу положительно засвидетельствовать такие случаи по соседству с моей квартирой около Аничкова дворца. Говорили, что пулеметы были спрятаны под крышей дворца. Конечно, это было безумием.

Умная власть позаботилась бы прежде всего о доставлении в столицу хлеба, чтобы уничтожить главную причину недовольства населения. Глупая власть решила действовать из засады и тем еще более раздражала население.

Волнения в Петербурге все увеличивались.

Временное правительство

Когда торжествующий Гучков привез в Петербург отречение государя, настроение Петербургского гарнизона уже повысилось до красного каления: его не удовлетворяло отречение в пользу Михаила, он требовал республики.

Началось это движение, этот военный бунт в Спасских казармах. Помню, как раз в это время я брлся в парикмахерской близ Спасских казарм.

– В Спасских казармах стреляют! – таинственно сообщил мне парикмахер.

Но все как-то не верилось, что бунт в Спасских казармах может принять большие размеры.

Когда французского генерала, усмирявшего восстание в Париже, спросили, неужели он решился расстрелять десять тысяч человек восставших, он ответил: «Да, чтобы впоследствии не расстреливать сто тысяч человек».

В России впоследствии было убито, и ранено, и расстреляно миллион людей. Это упустили из виду русские власти во время бунта солдат в Спасских казармах. Власть растерялась. Я уже не говорю о нерешительности начальников Петербургского гарнизона. Но нерешительность посланного из Ставки генерала Иванова²⁷², которого «катали» по железным дорогам для

²⁷¹ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – российский политический и государственный деятель. С 16 сентября 1916 г. назначен управляющим Министерством внутренних дел, 20 декабря был утвержден на посту министра.

²⁷² Иванов Николай Иудович (1851–1919) – военный деятель, генерал от артиллерии (1898), генерал-адъютант (1897). С 1914 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

выигрыша времени бунтовщиками, нерешительность самого государя, который вслед за генералом Ивановым посылает приказ обождать со строгими мерами, наконец, полная растерянность в Государственной думе, куда устремлены были все взоры. В Думе много говорилось, теперь настало время действовать. Как Дума поможет родине в эти тяжелые моменты народных волнений?

Разве не полной растерянностью можно объяснить телеграммы Родзянко царю в Ставку, что в Петербурге – революция, что солдаты стреляют. О чем же просит государя Родзянко? О военной силе и военной диктатуре, чтобы задушить военный бунт? Нет, Родзянко умоляет государя для спасения родины и династии даровать ответственное министерство.

И когда наконец государь, убежденный настойчивостью этой, выражает свое согласие, Родзянко лаконически отвечает: поздно. Почему поздно? Почему председатель Государственной думы был уверен, что министерство, неизвестно кем назначенное, само расхватавшее и поделившее между собой портфели, будет пользоваться в народе большим авторитетом, нежели министерство из среды законодательных палат, утвержденное государем.

Ведь кричали же из толпы министру Милюкову:

– А ты кто такой? Тебя кто назначил?

И Милюков должен был рекомендоваться толпе²⁷³.

Ведь иронизировал же по адресу Родзянко его коллега по Думе депутат Чхеидзе:

– А вы спросите этого господинчика, что он скажет вам насчет землицы?

Вместо того чтобы воспользоваться согласием государя на утверждение ответственного министерства и просить о назначении такого военного министра, который не испугался бы, что гарнизонные солдаты стреляют, а подавил бы эту стрельбу ураганом батарейного огня, растерянный Родзянко отвечает: поздно.

Эта стрельба солдат Петербургского гарнизона была началом гражданской войны. Какой же военный, какой боевой генерал, призванный на войну, сказал бы: поздно, если противник уже стреляет!

Говорят, что генерал Гинденбург²⁷⁴, человек серьезный, хохотал до колик, когда узнал, что верховное командование Русской армией принял на себя присяжный поверенный Керенский. Я не знаю, как отнесся Гинденбург к назначению военным министром Гучкова, но, полагая, если он и не хохотал, то весьма ехидно улыбался.

Какие обвинения сыпались на военного министра Сухомлинова, вплоть до измены Отчеству. Но генерал Сухомлинов при всех его недостатках был военный, и никто не хохотал до коллик при его назначении.

Но разве возможно серьезно и без улыбки говорить о военных министрах Гучкове и Керенском? Это какая-то комедия государственного управления.

Вспомним, как осторожно отнесся граф Витте к вопросу об ответственных министрах из среды общественных деятелей: Гучкову он предлагал Министерство торговли, Стаховичу – земледелия. И когда князю Трубецкому был предложен портфель министра народного просвещения, то он имел совесть ответить: «Нет, в министры я не гожусь!»

Но то было время сравнительно спокойное, а о великой войне²⁷⁵ не было еще и мысли. И тем не менее граф Витте отказался от услуг общественных деятелей, когда они потребовали себе Министерство внутренних дел, ибо он знал, какому риску он подвергал бы Россию.

²⁷³ Согласно воспоминаниям П. Н. Милюкова ответ был следующий: «Я мог прочесть в ответ целую диссертацию. Я ответил: „Нас выбрала русская революция!“ Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам. На нее потом и ссылались как на канонический источник нашей власти».

²⁷⁴ Гинденбург (Hindenburg) Пауль фон (1847–1934) – немецкий государственный и политический деятель, генерал-фельдмаршал (1914). С 1916 г. начальник Генерального штаба.

²⁷⁵ Речь идет о Первой мировой войне.

Граф Витте сам прошел тяжелую школу государственного управления, начал с начальника дистанции на линии и хорошо сознавал, что начальник дистанции не может шагнуть в министры без знаний и без опыта. Временное правительство было именно таким неопытным и незнающим.

– Много я пережил плохих министров, всякие бывали, – говорил мне старожил, управляющий Государственным банком в России, в провинции. – Но такого плохого, как Шингарев, никогда еще не было.

Это вполне естественно, ибо земский врач Шингарев не мог быть министром финансов или земледелия. Он мог бойко говорить с трибуны Думы, но болтать и управлять – большая разница.

Среди кадетов, расхватывших министерские портфели как долгожданную добычу, нашелся лишь один благоразумный человек с хорошим если не служебным, то семейным стажем – Набоков, который в своих воспоминаниях прямо указывал, что министры эти были не на месте.

Я знал только одного депутата, который действительно мог быть министром финансов: это покойный профессор Алексеенко, он соединил в себе эрудицию, практику и ум. Может быть, Н. Н. Кутлер, бывший царский министр, но никак не Шингарев.

Или, например, обер-прокурор Святейшего синода Владимир Львов²⁷⁶; это – после Победоносцева²⁷⁷, Самарина²⁷⁸ и даже Саблера²⁷⁹. Владимир Львов – человек совершенно неуравновешенный, предатель генерала Корнилова у Керенского²⁸⁰ и обер-прокурор Красного синода²⁸¹ у Ленина: лишь бы держаться за власть.

А Некрасов? А князь Львов²⁸²? Можно ли себе представить что-либо более слабое, чем князь Львов, этот оппортунист, мирившийся с совместной работой с Советом солдатских депутатов²⁸³, и фаталист, убежденный, что государством правит фатум, а не правительство, и потому спокойно взирающий на крушение Русского государства.

Это был изумительный подбор министров: по сметам госбюджета, по которым выступали отдельные депутаты. Гучков – военный министр; Годнев – государственный контролер; Шингарев – финансов; князь Львов²⁸⁴ – обер-прокурор Синода, и т. д. Удивительно, почему Савича²⁸⁵ не назначили морским министром, раз он выступал по морской смете?

Какая наивная презумпция подготовительности к министерским постам по бюджетным прениям!

– Когда же вас назначат министром финансов? – спрашивал меня как-то в шутку депутат Н.

²⁷⁶ Львов Владимир Николаевич (1872–1930) – общественный и политический деятель. В марте – июле 1917 г. обер-прокурор Святейшего синода. Активный участник событий Корниловского выступления августа 1917 г.

²⁷⁷ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, правовед, публицист. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Святейшего синода.

²⁷⁸ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) – общественный и государственный деятель. С 1912 г. член Государственного совета. В 1915 г. и. д. обер-прокурора Святейшего синода.

²⁷⁹ Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1845–1929) – государственный деятель, сенатор (с 1896 г.). С 1905 г. член Государственного совета. В 1911–1915 гг. обер-прокурор Святейшего синода.

²⁸⁰ Имеется в виду посредничество В. Н. Львова в переговорах А. Ф. Керенского и Л. Г. Корнилова в августе 1917 г.

²⁸¹ Имеется в виду обновленческое Высшее церковное управление.

²⁸² Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – общественный и политический деятель. Депутат I Государственной думы. В марте – июле 1917 г. председатель Временного правительства.

²⁸³ Имеется в виду Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

²⁸⁴ А. В. Еропкин ошибается: В. Н. Львов не был князем.

²⁸⁵ Савич Никанор Васильевич (1869–1942) – русский общественный и политический деятель. С 1915 г. участвовал в работе Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В мае 1918 г. выехал на Украину. В 1919 г. министр без портфеля в Особом совещании при главнокомандующем генерале А. И. Деникине. В 1920 г. государственный контролер в правительстве П. Н. Врангеля.

– Думаю, что одновременно с вами – министром юстиции, – в шутку отвечал и я ему.

Оказывается, что эта шутка была положена в основу организации Временного правительства. Это были «шутейшие министры», как у Петра Великого всешутейший собор²⁸⁶.

Князь Львов в качестве бесплотного председателя Совета министров причинил большое зло государству своей бездеятельностью; еще большее зло причинил Шингарев как министр земледелия, а впоследствии министр финансов: он являлся каким-то злым гением, каким-то прообразом большевистской власти, ибо он первый начал отчуждение владельческих земель, первый установил твердые цены на хлеб, первый ввел прогрессивный налог на доходы, доходящий до ста процентов, т. е. поглощающий весь доход.

Когда министру земледелия Временного правительства Чернову²⁸⁷ поставлен был упрек, что он разоряет сельское хозяйство России, он не без иронии ответил, что он лишь в точности выполняет программу своего предшественника – министра Шингарева.

И если последовательно проследить за распоряжениями министра Шингарева, то мы должны признать, что Чернов был прав и что именно Шингарев положил начало земельной смуте в России. И не только черновское непротивление, но и знаменитые ленинские Комитеты бедноты – все это таит начало в необдуманном распоряжении министра Шингарева «О принудительном засеве пустующих земель».

Крестьяне из категории будущих Комитетов бедноты очень быстро сообразили, где зарыта собака, и самым простым способом обратили помещичьи земли в «пустующие»: они сняли всех рабочих с помещичьих земель, угрожая им репрессиями. Посеянные уже поля помещик был лишен возможности убирать на гумно и вынуждался сдавать их в аренду будущим Комитетам бедноты, сразу выявившимся и забравшим силу в деревне, по произвольно назначаемой ими цене, которая не окупала даже издержек по посеву.

А к осени, когда министром земледелия был уже Чернов, перед помещиком встал грозный вопрос: как быть со скотиной, которая осталась бы без корма с принудительно пустующих земель, кое-как всковырянных новыми землеробами, призванными министром Шингаревым спасти Отечество от голода.

Этот грозный вопрос разрешил Ленин, завершивший реформы Шингарева социализацией не только пустующих, но и засеянных земель, всего сельскохозяйственного инвентаря, усадеб и всей частной собственности. С октября 1917 года в России начались помещичьи погромы: социальная революция вступила в свои права, и история второй русской революции занесет на свои страницы такие жестокости, такое варварство уничтожения культурных центров русской деревни, когда ценные библиотеки пускались по листочку по ветру; рояли и зеркала делили по душам, на каждую душу по струне; фруктовые сады и вековые парки вырубались под корень; постройки сжигались или разбирались по бревну и по кирпичу; помещики, их приказчики и управляющие избивались с невероятным зверством, что апологеты русской революции могут успокоиться: все вышло, как во Франции: была не только своя Бастилия²⁸⁸, своя Директория²⁸⁹, но и свои Мараты²⁹⁰ и Робеспьеры²⁹¹.

²⁸⁶ Речь идет о Всешутейшем, всепьянейшем и сумасброднейшем соборе, организованном Петром I. Это было шутовское объединение сподвижников царя, созданное для проведения карнавальных шествий, попок и т. д.

²⁸⁷ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – общественный и политический деятель. Один из создателей Партии социалистов-революционеров, ведущий ее теоретик. В мае – августе 1917 г. министр земледелия. Председатель Учредительного собрания.

²⁸⁸ Имеется в виду взятие Бастилии 14 июля 1789 г., событие, с которого ведут начало Французской революции.

²⁸⁹ Речь идет о политическом режиме во Франции в 1795–1799 гг.

²⁹⁰ Марат (Marat) Жан Поль (1743–1793) – деятель Великой французской революции, представитель радикального крыла якобинцев.

²⁹¹ Робеспьер (Robespierre) Максимилиан Мари Изидор де (1758–1794) – деятель французской революции.

В деревне

В нашем общем имении Шейново, около Скопина, хозяйство вела моя племянница, очень образованная и гуманная барышня. В период шингаревского управления я получаю от нее телеграмму, очень тревожную, что крестьяне соседних деревень сгоняют рабочих с наших полей, угрожая им побоями и даже убийством. С этой телеграммой я решил отправиться к Родзянко. Я рассказал ему о наших затруднениях в имении и просил его содействия. Он немедленно при мне позвонил по телефону министру Шингареву и передал ему мою просьбу. Шингарев обещал распорядиться, чтобы уездный комиссар принял меры.

Я знал, что к министру внутренних дел князю Львову обращаться бесполезно, так как все дела по министерству он «предоставил» товарищу министра Щепкину²⁹². Щепкин был совершенно молодой человек, неопытный и малосведущий в делах государственного управления; он меня принял, выслушал и также обещал дать распоряжение уездному комиссару, чтобы он принял меры.

Впоследствии я видел и этого всемогущего уездного комиссара, на которого петербургские министры возлагали столь большие надежды. Он оказался очень молодым человеком, неизвестно откуда появившимся в уезде, вершившим все дела и заменявшим собой всю власть: и земскую, и судебную, и полицейскую. Этот решительный молодой человек, воспринявший в своем мире всю власть на месте, также обещал принять меры.

Но какие же меры?

Ясно было, что никто и никаких мер не примет и что необходимо ехать в имение самому. В это время племянница моя со старой матерью должна была выехать из имения к соседям, так как оставаться там вдвоем им было опасно.

Когда мы с ней приехали в Шейново, то рабочих там уже никого не было. Староста также сбежал от угроз убийством, а он был очень дельный мужик, с помощью которого и создано все это имение. Оставались там лишь кучер, кухарка и пастушата.

Дали знать в соседнюю деревню, претендовавшую на наше имение, якобы снять его в аренду.

Как и следовало ожидать, переговоры ни к чему не привели: было совершенно ясно, что крестьяне решили просто захватить наши посеы и полуготовые хлебные поля. Аренда была придумана лишь для отвода глаз, и цены назначались ни с чем не сообразные, не покрывавшие издержек по посею. Причем и тон крестьян все повышался, и кончилось тем, что наиболее «сознательный» из них буквально ворвался в дом, требуя от меня подписи их условий.

Ни мне, ни племяннице моей оставаться там было небезопасно, и мы уехали обратно к соседям.

На другой день я должен был заехать в свое родовое имение Кораблино, в котором почти вся полевая земля сдавалась крестьянам в аренду. Но когда я приехал туда и созвал крестьян для переговоров, то сразу увидел, что и сюда уже проникли новый дух и веяния этих «пустующих» земель. Самый тон переговоров получил какой-то новый оттенок. Особенным задором отличался один, еще с детства мне известный кузнец, постоянно работавший у нас в имении. Он даже не был моим арендатором, но, вероятно, деревня считала его наиболее сознательным, и он выступил от ее имени. Прежде всего, он заявил мне, что арендаторы желают принять к себе в компанию всю деревню и все соседнее село.

– Но ведь они уже получили свой пай земли, купив ее у меня, зачем же их вводить в аренду?

²⁹² Щепкин Дмитрий Митрофанович (1879–1937) – общественный и политический деятель, юрист. В марте – августе 1917 г. товарищ министра внутренних дел.

Мужички как-то мялись и чего-то недосказывали. Впоследствии выяснилось, что мужики бобровинские и кораблинские сговорились уже между собой поделить мою землю, и аренда их вовсе не удовлетворяла.

Постепенно воодушевившись и разгорячась, кузнец уже начал говорить мне дерзости на тему: «Довольно вы нашей кровушки попили» и т. д. «Вы вот, говорят, в Петербурге по пятьдесят рублей в день получаете, а я здесь и в месяц их не заработаю», – упрекал меня кузнец.

Ясно было, что переговоры наши не клеятся и ни к чему не приведут. Я уехал, сказав мужикам, что не желаю принимать новых арендаторов.

В Кораблине меня перехватил новый старшина из сознательных, который пожелал говорить со мной.

Тот прямо начал с того, что, по его сведениям, моя земля должна отойти к мужикам.

– Что за вздор! Откуда ты это взял?

– Помилуйте, вот новый закон!

И старшина подал мне какой-то печатный листок. Оказалось, что это была резолюция совещания какой-то партии, напечатанная в «Московском сельскохозяйственном вестнике».

Я объяснил старшине, что это вовсе не закон. Но, конечно, ни старшина, ни окружающие его крестьяне мне не поверили.

Как видим, дело в деревне с легкой руки министра Шингарева принимало очень дурной оборот.

В Петербурге

Вернувшись в Петербург, я нашел там большую перемену: правительство все более левело, а Совет солдатских и рабочих депутатов приобретал все большую силу.

Я не берусь рассказывать во всех подробностях и последовательности ход событий этого времени. Я лишь хотел бы передать то, что я сам видел, в чем сам принимал участие, и дать освещение виденным мною событиям.

Как известно, указом государя в дни революции четвертая Государственная дума была распущена.

Однако Дума не подчинилась этому повелению и постановила продолжать свои заседания, хотя срок ее полномочий уже истек²⁹³.

Как-то, уже много времени спустя, Родзянко рассказывал мне, что в сущности Государственная дума сама себя распустила, так как депутаты все разъехались по домам, и когда председатель Думы хотел назначить заседание в противовес заседаниям Совета солдатских и рабочих депутатов, то он фактически не мог этого сделать, ибо Думы уже не было, была лишь ее оболочка, фикция Думы. Таково было положение вещей. И я уверен, что и самый роспуск Думы был также фикцией. Государь слишком запоздал с этим роспуском. Думу надо было распустить гораздо ранее, тотчас по окончании ее полномочий, еще до образования в ней желтого блока. В то время еще возможно было фактически ее распустить, оставив всю полноту власти в руках правительства, не останавливаясь и перед диктатурой. Но, конечно, и правительство должно было быть иным. Поэтому-то и произошло все так нелепо, что во главе правительства стоял Распутин, а министры, вроде Протопопова, были марионетками в его руках: царь удалился в Ставку; великий князь Николай Николаевич попал в опалу; царица вмешивалась в дела государственного управления, испрашивая на все благословение старца. Весь государственный механизм постепенно распадался. Распалась и Государственная дума, и под ее сенью, под ее фикцией приютился Революционный временный комитет²⁹⁴.

²⁹³ А. В. Еропкин ошибается: Дума могла продолжать работу весной 1917 г.

²⁹⁴ Имеется в виду Временный комитет Государственной думы.

Родзянко говорил мне: легко теперь критиковать задним числом. А в то время надо было действовать немедленно, отдавать распоряжения в сутолоке переполненного солдатами Таврического дворца и притом беспрерывно в течение нескольких суток, без всякого отдыха и без сна.

Конечно, это выше человеческих сил. Но зачем было добиваться этой непосильной власти? Сам же Родзянко все время твердил государю, что Дума и народ требуют ответственного министерства. И когда Дума добилась этого ответственного министерства под звуки выстрелов взбунтовавшихся солдат, тогда Родзянко первый же отрекся от нее, ответив царю, что уже поздно. А лица, захватившие ответственные министерские посты, были явно к этому делу не подготовлены и не пригодны, не сумели удержать в своих руках власть, просуществовав ровно семь месяцев. Вот тебе и ответственное министерство!

Всех в то сумасшедшее время охватила какая-то жажда власти, и по некоторым недомолвкам я полагаю, что сам Родзянко надеялся быть председателем Совета министров, но кадеты его обошли. Совет Временного правительства появился как-то странно, самовольно, захватным порядком. Кто его призвал к власти, кто назначил, перед кем оно было ответственно? Главы государства, за отречением государя, совсем не было, и следовательно, некому было предложить Государственной думе составить Кабинет министров. Да и сама Государственная дума разбежалась, как удостоверяет председатель ее. Да если бы она и была, то ведь кадеты и левые ее не признавали, третировали как незаконную, созданную по закону 3 июня²⁹⁵, по столыпинскому *coup d'état*²⁹⁶.

Каким-то образом они могли считать себя ответственными перед такой порочной Думой. Но перед кем же они были ответственны?

Временное правительство не чувствовало своей силы, не чувствовало под собой почвы — да оно так и было в действительности, и вместо того чтобы разогнать самовольное сессионное здание в Смольном монастыре²⁹⁷, как сделала бы сильная власть, слабое Временное правительство перед ним заискивало, перекидывало туда какие-то мостики и балансировало на этих мостиках, пока с них не сорвалось в бездну 3 июля²⁹⁸. Пожилые люди, профессора, общественные деятели проявили большую настойчивость в борьбе с самодержавием, но они спасовали перед грозной диктатурой большевиков.

Европейская формула ответственности Кабинета перед парламентом казалась кадетам какой-то бесспорной аксиомой, единственно пригодной для необъятной, малограмотной, мужицкой России. Почему, однако, форма правления Соединенных Штатов, почему пример этого наиболее демократического государства в мире казался нашим политикам недостойным России? Та катастрофа, которая произошла в России, как раз и доказывает, что практические янки лучше и вернее подошли к разрешению вопроса о парламентаризме, отвергнув ответственность исполнительной власти перед парламентом и запрещая народным депутатам занимать министерские посты.

Манифест 17 октября 1905 года в России значительно удовлетворял этим требованиям, так как законодательная власть была совершенно отделена и не могла влиять на власть исполнительную, ибо министры были ответственны только перед верховной властью, как и в Америке только перед президентом республики.

²⁹⁵ Речь идет об издании нового Положения о выборах 3 июня 1907 г. Согласно Основным государственным законам от 23 апреля 1906 г., император мог изменить избирательное законодательство лишь с санкции Государственной думы. В данном случае правительство поступило вопреки законодательству. Именно поэтому данное решение получило название в публицистике, а затем и в научной литературе «третьеиюньский переворот».

²⁹⁶ Государственный переворот (*фр.*).

²⁹⁷ В действительности Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов изначально заседал в Таврическом дворце. Петросовет переехал в здание Смольного института в августе 1917 г.

²⁹⁸ Речь идет об антиправительственном выступлении 3–5 июля 1917 г.

Я не хочу сравнивать нравы и обычаи демократической Америки с порядками России, которая лишь в 1861 году вышла из крепостного состояния, а через сорок пять лет получила конституцию. Вполне понятно, что крепостная, самодержавная Россия не могла столь быстро установить у себя порядков чисто демократического государства. Но постепенно она к этому шла: русское земское самоуправление, земская школа, земская медицина, русский суд – все это двигалось вперед гигантскими шагами, если бы не катастрофа 1917 года.

Временное правительство чувствовало, что не может управлять страной без парламента, и стремилось заменить его суррогатом. Тогда, летом 1917 года, были созваны на совещание Государственные думы всех четырех созывов²⁹⁹. Я присутствовал на этом совещании, и, конечно, кроме демонстрации, из этой затеи ровно ничего не вышло. Нельзя себе представить ни одного парламента в мире, который бы собрался, расселся по местам и сразу решил бы все жгучие и не жгучие вопросы. Работа серьезного парламента так не происходит, она налаживается постепенно и методически, и пленарные, так сказать показательные, заседания меньше всего для этой работы пригодны. Вся наиболее трудная и сложная работа происходит в комиссиях, вне этой большой залы, в маленьких кабинетах при небольшом числе депутатов. И когда я как член Бюджетной комиссии Государственной думы вместе со всеми восхищался чудесными выступлениями профессора Алексеенко, я хорошо знал как секретарь этой комиссии что эта прекрасная исчерпывающая речь, продолжавшаяся около двух часов, заключает в себе упорную работу целого года, методическую, изо дня в день: в комиссии чередовались сметы, чередовались докладчики, министры, а президиум оставался все тот же, впитывал в себя все происходящее, чтобы затем в течение часа изложить в пленарном заседании Думы всю эту работу, которая велась целый год.

Такая демонстрация была поучительна и полезна, и аплодисменты в Думе были заслуженны.

Мне хорошо памятно это сборное заседание всех четырех Дум: это был публичный провал Временного правительства не только перед собранием, но и перед Европой, которую в этом заседании представляли иностранные послы и между ними сэры Бьюкенен и Тома.

Сначала все шло по-хорошему, пока от показательного торжества не перешли к делу. Когда появился в ложе дипломатов французский министр Альбер Тома, то по предложению Керенского Дума стоя его приветствовала продолжительными аплодисментами, а Тома раскланивался из ложи. К подобным манифестациям мы уже привыкли за время войны: кого только мы не приветствовали при каждом удобном случае, пели гимны на всех языках, даже японский. Почему не приветствовать и министра Тома? Хотя, по правде сказать, следовало наоборот, чтобы Тома нас приветствовал, а не мы его: ведь это Россия спасла Париж от разгрома, а французы, и в частности министр Тома, для России ровно ничего не сделали.

Затем, после Тома, Государственная дума почему-то сочла нужным приветствовать члена второй Думы Церетели³⁰⁰: Керенский торжественно встретил его у входа и расцеловал, а Дума почему-то аплодировала этой умильной сцене.

²⁹⁹ Общее собрание членов Государственной думы всех четырех созывов состоялось 27 апреля 1917 г. Вероятно, А. В. Еропкин подразумевает Московское государственное совещание 12–15 августа, на котором в том числе присутствовали депутаты Государственной думы.

³⁰⁰ Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – общественный и политический деятель. Депутат II Государственной думы. Член социал-демократической фракции. В 1907 г. по обвинению в подготовке вооруженного заговора осужден на пять лет каторжных работ, замененных семью годами одиночного заключения в Александровском каторжном центре. В марте 1917 г. вернулся в Петроград. Член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В мае – июле 1917 г. министр почт и телеграфов. С июня 1917 г. товарищ председателя ВЦИК. В июле 1917 г. управляющий Министерством внутренних дел. В августе 1917 г. избран в состав ЦК меньшевиков. Депутат Учредительного собрания от Закавказского избирательного округа.

Таким образом, в этой торжественной части Думе как бы рекомендовались первоклассные сюжеты, а бедный Родзянко на председательской трибуне принимал в чужом пиру похмелье.

Но когда началась деловая часть заседания, то картина сразу изменилась, особенно когда военный министр Гучков выступил на трибуну со своей отходной русской армии. Это были позорные дни Тарнополя и Калуша³⁰¹, когда русские солдаты из «сознательных» неудержимо бежали с полей сражения и открывали фронт неприятелю. Гучков тогда же заявил Думе, что он считает положение безнадежным и не может более оставаться министром³⁰².

После отчаянного вопля военного министра Гучкова, вероятно, чтобы поддержать настроение собрания, выступил председатель Временного правительства князь Львов, который почему-то прочитал какое-то чрезвычайно радостное стихотворение, которое мне напомнило стихи: «Птичка Божия не знает». Все выступление это носило какой-то легкомысленный характер чего-то ненужного и нелепого в данный момент. В моих глазах князь Львов себя окончательно доконал, и я думаю, очень многие со мной порадовались, что иностранные дипломаты не понимают русского языка и могли ошибочно придать выступлению президента Совета министров более серьезное значение.

Мне казалось, что и сами кадеты были несколько смущены таким выступлением своего премьера.

Должен сознаться откровенно, что все это заседание произвело на меня столь тягостное впечатление, столь несоответствующее моим взглядам и на эту злосчастную войну, и на этих ненужных нам союзников, что я ушел из заседания.

Да и какой смысл имела вся эта комедия? Разве мы избирали Временное правительство, что оно пришло теперь к нам со своим торжеством министра Керенского и со своей покаянной министра Гучкова. Разве возможно было хоть на миг усомниться, что ни князь Львов, ни Гучков, ни все прочие министры не пригодны к их ответственным постам? Не прошло и полугода, как они публично нам воочию это доказали. Зачем же они теперь нас собрали и как мы могли помочь этому несчастью?

Вот теперь по праву председатель Государственной думы Родзянко мог воскликнуть: «Поздно!», а не в то время, когда он послал такую лаконическую телеграмму государю.

Большевики

Обыкновенно лето я проводил в Финляндии. Финляндские железные дороги всегда отмечались своей точностью. Однако на этот раз нас что-то очень долго задерживали на станции Олила. Публика волновалась, почему нас держат под самым Петербургом? Кондукторы объясняли нам с каким-то таинственным видом, что нас не пускает к себе станция Петербург. Поздней ночью мы наконец тронулись и прибыли в Петербург. Ни одного трамвая. Очень мало извозчиков, которые заявляют, что на Невский они ни за какие деньги не поедут. В чем дело? Оказывается, опять солдатский бунт, стрельба по улицам; организованное восстание большевиков. Пришлось пешком пойти с Финляндского вокзала к своей квартире – угол Невского и Литейного. Слышались выстрелы, встречались какие-то военные части, которые шли в порядке. Чем ближе к Невскому, тем стрельба сильнее и тем тревожнее настроение. К счастью, однако, почти все ворота отперты, и поминутно приходится сворачивать в эти ворота и ожидать, пока утихнет стрельба.

Это ночное путешествие в ночь на 3 июля продолжалось часа четыре с постоянными остановками под воротами. На Невском творилось что-то невероятное: непрерывная стрельба,

³⁰¹ Имеется в виду провал июньского наступления российской армии в 1917 г.

³⁰² А. В. Еропкин ошибается: А. И. Гучков вышел в отставку в мае 1917 г., т. е. еще до начала июньского наступления.

толпы солдат и народа, какие-то автомобили, словом, кромешный ад. Моя квартира была у самого угла, над известным кино «Паризиана», и я поспешил скрыться в свою квартиру.

Утром уже выяснилось, что войска Временного правительства одержали верх. Ленин и Зиновьев³⁰³ куда-то бежали, скрылись из Петербурга, ибо Временное правительство решило их арестовать. Впоследствии, однако, оказалось, что бежали они очень недалеко, всего лишь в Сестрорецк, где и скрывались до конца октября в стоге сена на берегу моря.

Этот случай как нельзя лучше доказывает полное бессилие Временного правительства, если под самым Петербургом, в людном Сестрорецке в стоге сена могли скрываться два государственных преступника в течение четырех месяцев.

Как раз в этот период я был занят составлением доклада о церковном хозяйстве, порученного мне обер-прокурором Святейшего синода Львовым для церковного Собора. Большого труда стоило мне оформить это поручение: требовалось официальное поручение за подписью обер-прокурора, чтобы иметь доступ в Синодский архив. Но чтобы заполучить подпись Львова, мне пришлось ловить его по крайней мере неделю, если не больше, так как в Синоде никогда не знали ни дня, ни часа прибытия туда обер-прокурора. Я увидел к тому же, что и сами чины Синода старались помешать мне, ибо им казалось зазорным, что такое ведомственное поручение дано чиновнику «с воли».

Когда после многих хлопот и ожиданий мне удалось наконец получить официальное поручение и все необходимые материалы, то я без большого труда овладел этим материалом и в течение одного месяца составил подробную докладную записку о хозяйстве Церковного управления, причем оказалось, что все ходячие представления о каких-то несметных богатствах церквей и монастырей были сильно преувеличены.

Когда моя работа была окончена, Львов уступил уже свое место обер-прокурора Карташеву³⁰⁴, который также подтвердил поручение Львова и, ознакомившись, одобрил мой доклад.

И тем не менее вся эта моя работа чуть было не пропала зря, и лишь благодаря случайности и благородству заведующего делами обер-прокурора господина Яцевича мне удалось потом отвоевать и этот мой доклад, и мою заслуженную плату. Яцевич провел постановлением Синода плату за мой труд в 1000 рублей и уведомил меня о том открыткой. Эта открытка спасла мне мой гонорар, которого никто мне не хотел платить, ссылаясь друг на друга. Так дошел я, наконец, и до самого патриарха³⁰⁵.

Каково же было мое удивление, когда патриарх ответил мне на мою просьбу о гонораре: – Если эту работу вам поручил Львов, то от него вы и требуйте гонорара.

Конечно, этот ответ был совсем не юридический. Но не спорить же мне с патриархом о юридической концепции моих прав на 1000 рублей. Я просто показал патриарху открыточку, извещавшую меня о том, что постановлением Синода мне нужен гонорар в 1000 рублей.

– Почему же мне вы не сказали, что было постановление Синода? – недовольно заметил патриарх Тихон окружающим его чинам и распорядился немедленно выдать мне мой гонорар.

Это был мой последний заработок в России перед беженством, и он значительно помог мне в эти тяжелые дни: без этой 1000 рублей я бы не смог выехать за границу.

Что касается самой этой работы, то, кажется, она пропала, не передана была для ознакомления в руки архиепископа Анастасия³⁰⁶, человека лукавого, который последним разделял

³⁰³ Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – общественный и политический деятель. С 1901 г. член РСДРП. С 1904 г. в эмиграции. В апреле 1917 г. вернулся в Россию.

³⁰⁴ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – русский мыслитель, общественный деятель, историк церкви. С 24 июля 1917 г. обер-прокурор Святейшего синода. С 5 августа 1917 г. министр исповеданий во Временном правительстве.

³⁰⁵ Тихон (в миру Беллавин Василий Иванович) (1865–1925) – русский церковный деятель. С ноября 1917 г. Патриарх Московский и всяя Руси.

³⁰⁶ Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский) (1873–1965) – церковный деятель. С 1916 г. архиепископ. Член Святейшего синода. С 1919 г. в эмиграции.

взгляд, что нельзя к синодским материалам допускать постороннего человека. Из личных объяснений с архиепископом Анастасием я вынес убеждение, что зерно попало на каменистую почву и плода не принесет.

Но я знаю, что я свою работу выполнил добросовестно: составил доклад так, как синодские чиновники составить не сумели; они не сумели бы ориентироваться в той массе материала, который был дан мне на руки и который я использовал с исчерпывающей полнотой.

Закончив эту работу и сдав ее новому обер-прокурору Карташеву, в конце августа я поехал в Кораблино навестить там свою семью. Слабое правительство, отсутствие прав и власти сильно сказались в деревне: права собственности никто уже признавать не хотел, идеи Ленина захватили русскую деревню. Особенно привлекал деревенскую молодежь наш старинный громадный сад в Кораблине. Чувствовалось, как этот сад постепенно ускользает из наших рук и становится общественной собственностью: по ночам там раздавалось пение хороводов, которые нисколько не стеснялись тем, что здесь же, через двор, в барском доме находятся и собственники имения. О том, как мальчишки и взрослые лазили в сад и таскали оттуда ягоды и фрукты, я и не упоминаю, ибо это явление давно стало уже бытовым в деревне. Теперь еще труднее стало с этим бороться. Старые мужики, хорошие хозяева, не стеснялись говорить мне вслух: «Скоро господам – конец!»

Я не хотел показывать вида, но сильно тревожился, как пройдет у нас в Кораблине трехдневная ярмарка, которая собиралась в большом количестве как раз на выгоне против дома. Наибольший съезд бывал 7 и 8 сентября. Эту ярмарку я сам же и устроил не так давно, но теперь и не рад был этой затее. Когда со всех окрестных сел и деревень начали съезжаться крестьяне и когда, наконец, 7 сентября ярмарка эта достигла небывалых размеров, я был в большом беспокойстве: молодежь вела себя вызывающе, никакой власти, никакой полиции.

В большом кораблинском доме, кроме меня и старого кучера, мужчин больше не было. Оружия в доме я также никогда не держал. Нечего и говорить, что весь сад наш и даже обширный двор около дома попали в полное распоряжение деревенской молодежи: на дворе расположился бродячий фотограф, и девки гуртом тянулись снять свой «патрет», устроив тут же импровизированные уборные, где каждая старалась как можно ярче насурьмить себе щеки. Было очень забавно и бесцеремонно: мы третировались несуществующими³⁰⁷.

Я был искренно рад, когда ярмарка эта наконец-то закончилась и телеги начали разъезжаться по домам.

Настроение в деревне становилось все тревожнее: из Шейнова явился посланный с запиской от моей племянницы, что крестьяне сожженной деревни, той самой, которая заставила нас сдать им в аренду все наши посева почти даром, запрещают ей послать на ярмарку для продажи несколько голов скота, так как кормить их было уже нечем; и лишь по моему письму, что скотина эта требуется мне в Кораблине, мужички разрешили ей послать мне двух коров из сорока породистых тельцов.

Таковы были в то время условия жизни в деревне. Кое-как дотянули мы в Кораблине до 17 сентября, «Вера, Надежда, Любовь» – день высоких эмблем – оказался последним днем нашего пребывания в двухсотлетнем нашем родовом гнезде – Кораблине, которое стараниями моего отца из глухой деревушки превратилось в большой торговый центр на железнодорожной магистрали.

Больше нам уже не пришлось видеть Кораблина, вскоре оно и совсем погибло; теперь этого имения уже не существует.

Ночью нам не удалось выехать, настолько были переполнены поезда. Пришлось возвращаться ночевать в усадьбу. Я и сейчас живо помню то тяжелое чувство, которое охватило нас, когда мы среди ночи вернулись в запертый уже дом. Какое-то тяжелое предчувствие подска-

³⁰⁷ То есть к ним относились как к несуществующим.

звало, что мы навсегда должны проститься с этим старым домом. Дурно и тревожно провели мы эту последнюю ночь и рано утром вновь должны были выехать на станцию, чтобы отправиться в Москву. Начальник станции по старой памяти, потихоньку от всех, выдал мне билеты, конечно, третьего класса.

Путешествие это было сплошным кошмаром: действительно, вагоны были переполнены до такой степени, что сидели даже на верхних полках. Особенное негодование публики возбуждала наша собачка, прелестный белый шпиц – кроткое создание, которое, как бы чувствуя себя без вины виноватым, забилося под лавку в уголок в пыль и грязь и там тихо просидело всю дорогу часов шесть или семь, пока длилось это наше замечательное путешествие.

Основательно познакомились с русским жаргоном мои дочери-барышни, перед которыми старались особенно щеголять изысканностью оборотов речи «краса и гордость революции» – матросы и солдаты, битком наполнявшие наш вагон. Слово «мать» не сходило с языка, причем выругавшийся как-то особенно ловко должен был сплюнуть через зубы между сплошной публикой. Некоторые из сидевших наверху считали необходимым приводить в порядок свой туалет и вытряхивали дорожную пыль и микробы прямо на публику. Мудрено ли, что по приезде в Москву я нашел на себе вшей?

Если бы я предвидел такое кошмарное путешествие, то, конечно, я предпочел бы доехать из Кораблина в Москву, всего 225 верст, на лошадях, на собственных лошадях, в хорошем экипаже, не торопясь, на долгих, по старинке, спокойно, с ночевками, и на третий день мы были бы в Москве. Кстати, спасли бы и лошадей, и экипаж, которые вскоре же и пропали во время большевистской революции 25 октября 1917 года.

Племянница моя пробыла в имении Шейново почти до этого рокового дня и спаслась с матерью лишь случайно: они возвращались с почты, и по дороге их встретила горничная и предупредила их не возвращаться домой, так как усадьбу их уже заняли мужики. Они в чем были прямо проехали в Скопин, верст за двадцать, где и остались на невольное жительство: все их имущество погибло.

В деревнях Ленин нашел большое сочувствие, и мужики охотно откликнулись на его клич: «грабь, жги и убивай». Достаточно сказать, что 25 октября Ленин занял Зимний дворец, а 28 октября ко мне в Москву приехал из Кораблина сын моего кучера и объявил мне, что кораблинские и бобровинские мужики уже заняли мою усадьбу.

Не думайте, что известие это так быстро было доставлено мне в Москву из сочувствия. Совсем нет: Ванька привез мне письмо от отца, чтобы дал подписку, что мои коровы и лошади в кораблинском имении не мои, а его, кучера: все равно, дескать, ваша скотина погибнет, так пусть лучше достанется мне, вашему служащему, чем посторонним мужикам. Надо заметить, что кучер этот отмечался чрезвычайной глупостью и ленью. Однако он быстро сообразил свою выгоду и придумал столь мудрую комбинацию, впору любому комбеду³⁰⁸.

Забегая вперед, я должен сказать, что подобное же фальшивое удостоверение от меня потребовали и сами мужики села Кораблина, занявшие мою усадьбу, но уже не через случайного посланца, а через Комиссариат города Петербурга: озабоченные своей судьбой в случае неуспеха революции, они прислали ко мне это требование, чтобы я удостоверил, что я сам разрешил им занять бесплатно все мое имение. Комиссариат города Петербурга вполне серьезно требовал от меня такую подписку. Конечно, я ее не дал.

Но возвращаясь к московским событиям. Жену мою очень опечалило известие о потере Кораблина. Но я отнесся спокойно, будучи уверен, что подобное бесправие не может долго продолжаться. Воспитанный в юридических понятиях права, я не мог допустить мысли, чтобы великое государство, наконец, культурная Европа могли примириться с таким диким варвар-

³⁰⁸ Имеется в виду Комитет бедноты.

ством. И как к выступлениям Ленина с балкона Кшесинской³⁰⁹ в Петербурге, так и к этому насильственному занятию чужих имений я относился несерьезно, как к чему-то чрезвычайно вздорному. Я верил, что все это временное, проходящее, и притом скоро проходящее.

И в таком заблуждении пребывал не я один.

А в то время кое-что еще можно было спасти и ликвидировать: были некоторые денежные сбережения, была тантьема от Ленского товарищества. Самое простое было бы купить доллары и уехать с семьей за границу. Нет, все верилось в Россию, не хотелось и думать о таком вероломстве во время великой войны. Мне даже предлагал знакомый банкир купить у него японские йены почти *al pari*³¹⁰. Но по своему патриотическому легкомыслию я предпочел русские ценности. Правда, я не был столь легкомыслен, чтобы покупать заем свободы. Но я купил краткосрочные обязательства Государственного казначейства и закладные листы Московского городского кредитного общества.

В Финляндии мне также ничего не удалось купить, ни имения, ни валюты. Помню эту свою поездку в Финляндию. Большевицкая революция была уже в полном разгаре не только в России, она перекинулась и в Финляндию. На станции Териоки также засела какая-то банда, которая претендовала на власть. И действительно, на некоторое время финская власть стушевалась, пока ее не восстановил генерал Маннергейм³¹¹ при помощи немецких штыков.

Вся привлекательность, весь уют, вся чистота Финляндии как-то померкли и потускнели. И тем не менее, лично на себе испытал революционные порядки в России и в Финляндии, я могу засвидетельствовать, что ни разу, ни на один момент Финляндия не опускалась до такой низости и хамства, как большевицкий СССР.

Еще на станции Петербург к нам во второй класс вагона ввалился красный товарищ солдат и развалился на диване. Поезд тронулся, и вошел кондуктор проверять билеты. У солдата, конечно, билета не оказалось, ибо краса и гордость революции считала своей привилегией ездить без билетов. Кондуктор очень вежливо, но настойчиво выпроводил солдата из вагона второго класса. Я поневоле любовался этим добросовестным финским кондуктором, ибо совсем недавно на перегоне Петербург – Царское Село был свидетелем другой сцены: там товарищи солдаты так же заняли целый диван в первом классе. Многие пассажиры, в том числе и несколько дам, стояли за неимением места. Когда вошел обер-кондуктор проверять билеты, я потребовал, чтобы он проверил билеты у солдат. Кондуктор сконфуженно и как-то съезжившись ответил: «Помилуйте, сами знаете, какое теперь время!»

Солдаты услышали наш разговор и с наглостью начали кричать: «Довольно вы пили нашей крови! Ну да скоро с вами покончим!»

Две наглядные картинки революционных порядков в России и в Финляндии.

По дороге до Териок меня два раза обыскивали. Но как? Входили два-три каких-то субъекта, по-видимому, рабочие, вежливо просили встать и быстро поверх шубы проводили рукой. Оказалось, они смотрят, нет ли со мной оружия. А на углу Невского и Литейного моего сына, ехавшего на извозчике, остановили и сняли с него шубу, но сразу опешили, ибо перед ними оказался матрос в форме; поспешили бросить ему назад его шубу.

Помню еще, что я не запасся предварительным разрешением на поездку в Финляндию. И тем не менее финны дали мне возможность ехать дальше, но лишь задержали до моего обратного возвращения мой русский паспорт на станции Белоостров.

Между тем для моих ежедневных поездок из Царского, где я жил, в Петербург, где я служил, потребовалась целая процедура для разрешения такого моего ужасного деяния. Этим

³⁰⁹ Кшесинская Матильда Феликсовна (наст. фам. Кржесинская) (1872–1971) – балерина.

³¹⁰ По номиналу (*ital.*).

³¹¹ Маннергейм (Mannerheim) Карл Густав Эмиль (1867–1951) – финский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант русской армии (1917). В 1918–1919 гг. регент королевства Финляндии.

делом в Царском Селе заведовал лакей из Царского дворца, который не потрудился даже переменить на себе холуйскую ливрею. Понятно, что и обращение с публикой было соответствующее – холуйское.

И еще одно замечательное обстоятельство: мы ездили из Петербурга в Финляндию поестъ хлеба. И это уже давно тянулось. В то время как в Петербурге мы стояли в хвосте³¹² за своей несчастной ¼ фунта ржаного хлеба, отвратительного, серого, сорного, с мякиной, Финляндия ела белый хлеб, подавала хлеб к обеду, что давно уже вывелось в России. Мало того, в Териоках в простой хижине какого-то комиссионера меня снабдили несколькими лепешками из хорошей муки – кто не помнит, сколько дали бы в то время за такую лепешку в Петербурге, где мы набрасывались даже на картофель, на пряники, на пшено, лишь бы найти что-либо мучное, которого требовал организм.

После большевистской национализации банков даже и обесцененные бумаги и деньги нелегко было получить и выцарапать из банка: в Петербурге, например, мне едва удалось получить какие-то четыреста рублей. В Москве было несколько свободнее, ибо Ленин в то время находился еще в Петербурге. В Москве еще сохранилось некоторое уважение к званию члена Государственной думы, и мне удалось получить из Государственного банка несколько десятков тысяч рублей краткосрочных обязательств Государственного казначейства. Однако для этой процедуры потребовалось несколько дней путешествий в банки целой семьей, так как на одно лицо одновременно выдавалось что-то около двух тысяч рублей.

Как все это глупо и нагло!

Земельный вопрос

Земельный вопрос был разрешен русской революцией блестяще: помещичье хозяйство совсем не осталось в стране, вся земля перешла в руки трудящихся, в их руки перешли и орудия производства, и скот, и инвентарь, и даже такие предметы, которые не имеют никакого отношения к земле, например, экипажи, мебель, рояли, одежда, белье и пр.

Когда я обратился к народному комиссару земледелия, бывшему нашему служащему Рязанского губернского земства, любимцу губернатора князя Оболенского господину Середе с вопросом, на основании какого закона граждане Российской социалистической республики завладели моей домашней обстановкой в моем имении, экипажами, мебелью, бельем и пр., то социалистический министр должен был согласиться, что такого закона не существует, и сказал мне, чтобы я подал ему прошение. С этим прошением и своей резолюцией народный комиссар направил меня к делопроизводителю. Однако этот последний не согласился с резолюцией своего министра и предложил мне доставить приговор крестьян, захвативших мое имение, что моя обстановка, белье, одежда им не нужны.

На мой вопрос, на основании какого закона он требует от меня этот приговор вопреки резолюции своего министра, социалистический делопроизводитель высокомерно заявил, что в социалистической республике начальства не существует, а просто «товарищ Середка» ошибается в своей резолюции; что писанный закон не может предусмотреть всех казусов жизни, ибо мои домашние вещи могут понадобиться крестьянам для школы, для приюта, богадельни и пр.

– Ведь вот понадобился же нам этот особняк Рябушинского³¹³ со всей его обстановкой, с коврами и зеркалами, – закончил свое умозаключение товарищ делопроизводитель, обводя кругом своей десницей.

После такого аргумента я уже счел излишним возвращаться к товарищу Середке, который принимал меня в кабинете Рябушинского за его письменным столом и в его креслах. Что мог он возразить против такой убийственной логики фактов?

³¹² То есть в очереди.

³¹³ Имеется в виду особняк С. П. Рябушинского на Малой Никитской улице в Москве (архитектор Ф. О. Шехтель).

Я рассказываю здесь не анекдот, а сущую правду, и это может подтвердить член Государственного совета А. Д. Шумахер³¹⁴, который был одновременно со мной у Середы.

Я предпочел поэтому написать заявление тем «трудящимся», которые сидели в моем кабинете за моим письменным столом и на моих креслах в моем имении, что по завершении беспорядков в стране я взыщу с них убытки, если моя движимость будет расхищена или испорчена.

В ответ я получил письмо от крестьян, что теперь народное право, долой помещиков и т. д., вся абракадабра до конца. Вслед за этим меня известили мои друзья, также из числа крестьян, но только не сидевших в моем кабинете на моих креслах, что во избежание всяких недоразумений трудящиеся граждане, сидевшие в моем кабинете, продали все мое имущество в имении моем с молотка. Племенную скотину, в том числе и дойных коров для сокрытия всякой исковой возможности зарезали, посолили и съели, как бы вознаграждая этой пролитой кровью ту кровь, которую когда-то якобы у них пил.

Могу поклясться, что в этом я неповинен даже иносказательно. Если же говорить не о питье крови, а просто о порче крови, то, наоборот, трудящиеся граждане много мне ее испортили, когда травили мой хлеб и мои луга; когда лезли в мой сад и ломали там вместе с ягодами и фруктами не только ветки, но и деревья; когда для топки растаскивали мои заборы; когда рубили мою рощу, воровали снопы и копны с поля. Обычная деревенская картина – кто ее не знает?

Но таких очевидцев, которые удостоверили бы кровопийство русских помещиков и сельских хозяев, не найдется и не может найтись, ибо по существу это ложь, злостная клевета: в России никогда не было ни одного производства менее выгодного, нежели сельское хозяйство. Сельские хозяева были париями русской экономической политики, они несли свой каторжный труд из любви к делу и довольствовались малым, какими-нибудь тремя-четырьмя процентами на затраченный капитал, т. е. таким процентом, о котором другие предприниматели не стали бы и слушать, раз рента, простое обрезание купонов, приносила больший процент.

Русская революция обрушилась главным образом на них по двум причинам: во-первых, они были беззащитны, ибо помещичьи хозяйства были разбросаны по необъятной стране как оазисы и не были организованы ни для какой защиты. Во-вторых, помещичьей землей всегда играли все политические партии как оселком, для улавливания в эти союзы крестьян, среди которых всегда ходили слухи и обещания каких-то легендарных генералов с царскими грамотами о черном переделе. Черный передел жил в фантазиях русского мужика, однако в очень своеобразной форме, в пределах своей деревни: черному переделу подлежит лишь помещичья (не крестьянская) земля, и в переделе участвуют лишь крестьяне ближайших деревень, столько бы им ни пришлось на душу, такое уж их счастье!

При этом упускалось из виду, что помещичьи имения в России были главными проводниками культуры среди населения, и не только земледельческой культуры, но и культуры вообще. Стоит только вспомнить земские учреждения, мировой суд, агрономию. Разве вся эта земская сфера не опиралась на помещичьи хозяйства? Земская деятельность была проникнута гуманностью и альтруизмом, ибо сами помещики весьма мало пользовались всеми этими земскими учреждениями, всецело предоставленными в пользование крестьян – школы, больницы, агрономы и пр. Между тем земское обложение падало на всех равномерно. А крестьянская реформа императора-освободителя? Кто ее подготовил, кто был призван в комитеты? За пятьдесят лет бывшая крепостная Россия стала неузнаваемой, перешла к свободному труду, стала грамотной, подсудной выборному суду, пользующейся самоуправлением.

А разве возможно забыть заслуги земства в делах конституционного устройства России? Прообразом Государственной думы были труды земских и городских деятелей в Москве и в

³¹⁴ Шумахер Александр Данилович (1855–?) – общественный и политический деятель, статский советник (1899).

Петербурге, рисковавших судьбой всех своих участников – земцев. И кому дорого русское земство, русский суд и русская Государственная дума, те не могут не признать, что земский элемент служил главной основой деятельности всех этих великих учреждений.

Русская революция смела помещичье хозяйство в России – и что же мы видим теперь в деревне?

Мерзость запустения. Хлеборобная Россия, когда-то кормившая своим хлебом Европу, осталась сама голодной. Почему это произошло? Министр Шингарев очень боялся пустующих помещичьих земель. Его сподвижники могут теперь любоваться на пустующие крестьянские земли, ибо их нечем и незачем пахать, нечем сеять и некому убирать.

Раз за всякую вещь в городе с меня берут втридорога, – рассуждает хлебопашец, – а некоторых нужных товаров не найдешь ни за какие деньги, то из-за чего я буду трудиться, чтобы снабжать город моим дешевым хлебом, цена на который установлена правительством. Не проще ли совсем не сеять, запустив известную часть поля под траву для пастьбы скота, или совсем не вывозить излишков хлеба на рынок, а обратить их на собственное потребление, хотя бы на выкурку самогонки?

Деревенский житель привык к куску сахара за чаем, к сапогам, к фуражке; он уже отучился выделывать посконные рубахи, а привык к ситцевым, отвык от зипуна, а привык к суконной или ватной поддевке; отвык от лучины и кремня, требует керосина и спичек. И ничего этого нет в деревне. Есть одна помещичья земля, но нечем ее пахать, нет косы и серпа, чем жать хлеб, нет молотилки, нет телеги, нет шин на колеса, нет лошади.

Деревня стала в тупик: что ей делать с помещичьей землей? Кое-как всковырять ее изломанной сохой и забросать семенами? Но хлеб все равно отберут по низкой цене, да и за деньги ничего не купишь.

Народная мудрость говорит, что в чужой руке кусок велик. Думали, что на помещичьей земле будут жить как в раю: нагие и босые, питающиеся чем Бог пошлет.

С точки зрения сельскохозяйственной техники всякое помещичье хозяйство по сравнению с крестьянским можно было назвать образцовым, ибо там употреблялись и машины, и улучшенная обработка почвы, и улучшенные семена, и лучшие породы скота, и сады, и огороды, и пр. Стоило лишь сопоставить урожайность помещичьих и крестьянских полей, чтобы понять их культурное значение.

Возможно ли восстановить все это? Я думаю, что, как и в каждом правовом государстве, частная земельная собственность должна быть признана и все убытки возмещены. Но возвращаться в свое имение, чтобы начинать все хозяйство снова, я положительно отказываюсь. А ведь мое Кораблино – родовое имение, которое двести лет было в нашем роду, где я родился, вырос и состарился. И все же я отказываюсь. Почему? Главным образом по причинам психологическим: нельзя искусственно восстановить добрые отношения, раз они были грубо нарушены и притом без всякой вины со стороны помещиков. Слишком много пережито каждой стороной, чтобы можно было все это забыть. Я не могу забыть, что семью мою, как преступников, выгнали из моего имения и из моего дома на улицу, нищих, без всяких средств. И когда жена моя, желая спасти хоть крохи, приехала, рискуя своей свободой, в Кораблино и обратилась к крестьянам, нагло занявшим мой дом, с просьбой выдать ей хотя бы собственные ее вещи, она уже не могла остановиться в своем доме, который был занят комбедом или исполкомом, она должна была искать приюта у соседнего торговца, который не побоялся этого комбеда и пустил ее к себе. Целых три дня этот комбед куражился над несчастной женщиной, чтобы наконец вынести свой идиотский отказ на том якобы основании, что он не знает, жена ли она мне. Это после того, как вся семья моя прожила в этом имении пятнадцать лет. Кто дал им это право распоряжаться чужим имуществом и глумиться над женщиной? Разве такое бесправие возможно когда-либо забыть?

А продажа с молотка всего моего имущества, оставшегося в деревне, как у банкрота, на чем она основана?

Мне писали потом из деревни мои приятели-крестьяне, что комбед особенно старался открыть мой несгораемый сундук с секретным замком. Замок не поддавался. Наконец ломом его разбили и разворотили стенки сундука и были жестоко наказаны, ибо нашли там мои старые лекции и больше ничего. Они вообразили, что в оставленном на зиму доме, в передней в сундуке остались деньги и драгоценности!

Я – человек чуждый всякой сентиментальности, но я не могу обойти молчанием фактов, которых никакой большевик и никакой комбед не сможет опровергнуть.

Кто сумел превратить захолустное село Кораблино, лежавшее в семи верстах от Московского тракта, в большое торговое село на магистрали железной дороги, с почтой, телеграфом, с большой хлебной торговлей и с большими заработками для крестьян? Мой отец.

Кто еще больше развил это торговое село, учредив в нем большую ярмарку, проведя в нем шоссе и сосредоточив в нем табачные плантации и склады табака? Я один, без всякой помощи. Нет такого крестьянского двора в Кораблине и окрестных селах, который теперь не занимался бы разведением табака.

Кто устроил в Кораблине четырехклассное училище в прекрасном каменном доме, двухэтажном? Крестьяне не затратили на это дело ни гроша. Наоборот, когда в дополнение к этой образцовой школе я исхлопотал даровой лес для постройки начальной школы, крестьяне не поехали за этим лесом на место – единственная помощь, которая от них требовалась, – и я уступил этот лес соседним крестьянам деревни Бобровинки, где и выстроено прекрасное здание начальной школы. Точно так же кораблинские крестьяне не пожелали отвести или нанять помещение для врачебного пункта за восемь рублей в месяц, когда я выхлопотал им это учреждение; по земским правилам помещение должно быть от крестьян, чтобы они несли хоть какой-либо минимальный расход.

Впоследствии, когда крестьяне самовольно заняли мой дом в Кораблине, то они поместили в нем комбед, а затем сожгли. Я утверждаю и знаю, что умышленно сожгли; предпочли сжечь, чем устроить в нем школу или врачебный пункт.

Вот почему я ни в каком случае не желал бы возвращаться в свое имение, хотя и родовое, хотя и дорогое мне по детским воспоминаниям и во воспитанию там моих детей.

Сентиментальные маниловы говорят: «Помилуйте, наш добрый русский мужичок был сбит с толку пропагандой, он сам теперь раскаивается, сам зовет назад помещика, встречает его с хлебом-солью».

А я скажу, что не верю в искренность этого хлеба-соли и не представляю себе, как можно начинать совместное дело с людьми, которые вас обманули, ограбили и разорили, а в некоторых местах даже доходили и до убийства.

Станем на минуту на точку зрения этих маниловых: их встречают с хлебом-солью. Они приехали на опустошенное пепелище: дом и усадьба сожжены, сад и роща вырублены, скот, орудия, экипажи, вся движимость пропали. Как и с чем начинать хозяйство?

Я знаю и наблюдал, как начинают хозяйство и как возникают культурные имения из запольного хутора: мой зять создал такие имения, куда ездили потом учиться из сельхозшкол. Но зятю моему тогда было тридцать лет, у него были средства, и на хуторе все же было некоторое хозяйство, некоторые постройки, ценный лес.

Но если бы зять мой, ныне покойный, мог посмотреть свое любимое детище теперь, когда там нет ни одной постройки, ни одной коровы, ни одной лошади, когда лес и сад вырублены дотла, поля запущены и заросли сорной травой, вообще все имение сровнено с землей, не существует, то едва ли его горькое чувство незаслуженной обиды было бы удовлетворено этой лицемерной хлебом-солью.

Откуда взять энергию начинать все вновь? Кто даст на это деньги? И не будет ли навсегда призраком бывшего разгрома отравлять всякую работу? Кто раз обманул, тому уже нет веры. И насколько реальны вообще эти мечтания о хлебе-соли? Я знаю, например, что в моем имении Тейново на месте усадьбы, которая сожжена дотла, поселились крестьяне, там уже их поселок. Здесь уже над культурным имением вбит осиновый кол. *Finita la comedia*³¹⁵. Здесь уже нет возврата к прошлому. Было, да бывшем поросло.

Я убежден, что старая поместная Россия погибла навсегда. Ее уже не воскресить никакими фальшивыми церемониями хлеба-соли. Вишневые сады и дворянские гнезда уничтожены³¹⁶. Тихой грустью веет от страниц этого недавнего прошлого. Оно сохранится лишь в воспоминаниях и в литературе.

И тем не менее право собственности должно быть восстановлено, ибо оно связано культурой народа и государства. Что-нибудь одно: или право собственности священно и неприкосновенно, или долой весь правовой строй, грабь награбленное!

К чему же существуют вековые нормы права и морали и неужели мы так низко упали, что готовы забыть и усомниться даже в велениях заповедей Божьих? Быть может, новое Учредительное собрание, вопреки самому Богу, скажет: убий и укради! И мы должны положить все перед этой моралью дикарей? Да будь оно хоть трижды, стократ учредительным, все равно убийство останется убийством и грабеж – грабежом. Эти правовые нормы бессмертны и неизменны, и здесь нечего ждать новых откровений ни от каких собраний, как бы они ни назывались и каким бы авторитетом ни прикрывались.

Всем хорошо памятно, какую бурю негодования вызвал в свое время кадетский проект о принудительном отчуждении помещичьей земли. Польские депутаты просто отошли от зла. Знаатоки русского земледелия А. С. Ермолов, В. Гурко, Дюшен³¹⁷ и др. с цифрами в руках доказывали, что вовсе не в малоземелье лежит центр тяжести аграрного вопроса, а в отвратительной земельной культуре: сколько бы ни наделяли крестьян землей, все равно низкая культура поглотит все эти прирезки, сведет их к нулю.

Большевистский опыт подтвердил эти аргументы: земли у крестьян стало больше, но хлеба стало меньше.

Реформы министра Столыпина именно и клонились к поднятию земледельческой культуры на крестьянских землях, прежде всего путем уничтожения общинной чересполосицы, отводом участков к одному месту.

Все это такие непреложные истины, о которых даже и спорить не приходится. Это законодательство занимало как третью, так четвертую Государственную думу в продолжение многих лет.

Теперь все разрушено.

И тем не менее должен же быть какой-нибудь выход из этого тупика?

Бесспорно, что право собственности должно быть восстановлено, но из этого еще не следует, что должно быть восстановлено самое фактическое владение имуществом, ибо это два разных момента, два разных правовых понятия.

Помимо тех моральных и психологических соображений, о которых я уже говорил, помимо нежелания восстанавливать фактическое владение имуществом при новых условиях жизни, часто восстановить это владение и фактически невозможно.

Самый простой случай: мой дом сожгли. Как могу я восстановить фактическое владение этим домом?

³¹⁵ Комедия закончена (*итал.*).

³¹⁶ В данном случае А. В. Еропкин позволяет себе аллюзию на пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад» и роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

³¹⁷ Дюшен Петр Петрович – экономист, специалист в области сельского хозяйства.

Для восстановления права собственности на отнятое у меня и уничтоженное имущество существуют особые правовые нормы вознаграждения убытков по нарушенному праву собственности.

Я уверен, что именно к этому вознаграждению убытков и сведется в конце концов все восстановление права собственности.

Перед нами массовое, стихийное явление, подобное тому, как война сметает на своем пути целый ряд имуществ. Впоследствии собственники этих уничтоженных имуществ получают вознаграждение за убытки за счет военной контрибуции или репараций.

С таким же стихийным нарушением частных прав имеем мы дело и в этом массовом уничтожении помещичьих хозяйств в России. Вознаграждение за убытки по нарушению этого права собственности также должно быть организовано в массе, наподобие контрибуции.

В Югославии, например, государством была выпущена особая государственная бумага: 2 ½-процентная рента<...>³¹⁸ на 4½ миллиарда динаров номинала. Все дело было организовано следующим образом.

По заявлению частного лица определяли на месте сумму заявленных убытков, хотя бы и посредственных, например, нарушением торговли. По этому решению суда потерпевшему и выдавалась означенная рента на соответствующую сумму. Операция эта была проведена быстро и успешно и с формальной стороны была обставлена очень солидно, ибо этому государственному пассиву в четыре с половиной миллиарда динаров соответствовал госактив в виде немецких репараций, поступающих в гораздо большей цифре, в несколько раз превышающей эти четыре с половиной миллиарда.

Я останавливаюсь на этой операции, потому что она произошла у меня на глазах и я мог воочию убедиться, как легко и как быстро проведена она была в жизни. Привлечение к этому чисто финансовому делу судебных учреждений оказалось в высшей степени удачным, ибо придало всей этой операции характер беспристрастного и авторитетного решения суда.

В предстоящей земельной реформе в России необходимо разыскать такой госактив, который был бы справедлив и солиден. И мысль невольно обращается к той финансовой операции, которая уже знакома России еще со времени 1861 года, когда помещичьи земли отчуждались в пользу крестьян на началах так называемой выкупной операции: в то время помещикам за отчужденную у них землю государством были выданы выкупные ссуды. А крестьяне, получившие землю, обязаны были выплачивать государству выкупные платежи по известному плану амортизации. Впоследствии, в начале 1900-х годов граф Витте отменил эти выкупные платежи до срока окончательного погашения всей этой операции³¹⁹. Но к этому времени государственный бюджет настолько возрос и окреп, что выкупные платежи составляли в нем слишком малую часть, и отмена этих платежей не имела большого значения для государственного бюджета.

С выкупными платежами было покончено раз и навсегда. Я думаю, что в настоящее время нет надобности возвращаться к такой форме земельного кредита, тем более что в России впоследствии применялась уже другая форма земельного кредита при посредстве Крестьянского земельного банка: помещики, продававшие землю крестьянам, получали закладные листы Крестьянского земельного банка, а крестьяне, покупавшие землю, обязывались платить ежегодные проценты Крестьянскому банку вплоть до окончательного погашения полученной ссуды, поступившей в руки помещика.

Обычная форма ипотечного кредита.

В основу такого Земельного банка должна быть положена частная земельная собственность, отнюдь не общинная и не общественная, без всякой круговой поруки и без переделов. Я

³¹⁸ В рукописи неразборчиво.

³¹⁹ В действительности крестьяне не платили выкупные платежи с 1 января 1907 г.

уверен, что крестьяне, вкусившие на деле всю прелесть коммунистического рая, охотно перейдут на эту систему частного землевладения, когда каждый крестьянин приобретет землю в свою собственность, наследственную и неприкосновенную.

Таким образом, система государственного земельного кредита остается прежняя: Земельный банк выпускает свои закладные листы, продавец получает условленную сумму этими закладными листами, а покупатель получает землю и обязывается вносить в банк платежи за эту землю вплоть до окончательного погашения определенной ему ссуды из банка.

Единственное, что различает предстоящую операцию от обычных банковских ипотечных операций, – это отсутствие добровольного соглашения между сторонами, т. е. помещиком и крестьянином. Помещик уже согнан со своей земли, его право на землю уже нарушено, он имеет право иска, которое он и осуществляет в судебных учреждениях. По определению суда он получает из Государственного земельного банка на установленную сумму убытков закладные листы Земельного банка. Крестьянин, желающий приобрести землю в собственность, обращается в Государственный земельный банк. Банк производит оценку земли и назначает крестьянину ссуду, которая записывается за ним долгом с наложением запрещения на покупаемую землю впредь до окончательной его амортизации. Эти платежи покупателя и служат активом банка по выпущенным им закладным листам, план амортизации которых должен быть согласован с планом амортизации ссуд из банка.

По условиям денежного рынка должны быть назначены и проценты по закладным листам, чтобы биржевой их курс не падал так сильно, как это было, например, в Югославии с указанной выше рентой, при выпуске продававшейся на рынке за одну десятую часть своего номинала, по сто динаров за тысячный лист.

Мне представляется эта финансовая и земельная операция взаимно удовлетворяющей интересы обеих сторон: и крестьян, и помещиков. Крестьянин получит землю в собственность, в наследственную реальную собственность, а не какую-то отвлеченную, ни на что ему не нужную национализированную или социализированную землю, на которой он обязан работать как крепостной для прокормления города и советской бюрократии. Помещик взамен отобранного у него поместья получает достаточно крепкие государственные закладные листы, с процентом роста, дающим ему возможность существовать и достаточным для поддержания биржевого курса этих бумаг.

Практическое осуществление этой операции не встретит никаких препятствий, а, скорее, будет встречено населением с приветствием, ибо оно освободит земледельца от ненавистного ему ига национализации земли, гораздо больше тяжкого, чем крепостное право. Эту никому не принадлежавшую землю он охотно будет покупать, закреплять ее за собой в собственность на вечные времена. И тот процент роста, который будет брать с него банк, покажется ему ничтожным в сравнении с тем, что он сейчас платит советской власти.

Кому неизвестно, что советская власть существует исключительно на перепродаже крестьянского зерна, покупая его дешево и перепродавая втридорога. Если раньше разница между покупной и продажной ценой зерна колебалась между 10 и 20 копейками на пуд, то сейчас она превышает 1 рубль. Этот рубль идет, как говорится, на «издержки производства», а на самом деле на содержание аппарата советских экспериментов.

И я уверен, что крестьяне охотно и радостно встретят предлагаемую земельную реформу, покупая помещичьи земли в собственность при посредстве Государственного земельного банка.

Конечно, от общей схемы этой реформы и связанной с нею финансовой операции вполне возможны отступления и отклонения. Так, прежде всего нет оснований исключать возможность добровольных сделок между бывшими помещиками и крестьянами. Не говоря уже о том, что могут найтись такие случаи, что помещик по соглашению с крестьянами вновь сядет на землю и вновь начнет свое разрушенное хозяйство, особенно если хозяйство это было связано с

каким-нибудь сельскохозяйственным производством, например, сахарные, паточные или винокурные заводы, куда крестьяне могли сбывать запасы свеклы и картофеля и получать с завода отбросы или барду на выкормку скота. Или даже простая мукомольная мельница, которая освобождала крестьян от дальних поездок за помолом и т. п.

Могут быть и более сложные комбинации соглашений. Я, например, помню, как покойный Родзянко говорил мне, что он был бы удовлетворен, если бы ему вернули его екатеринославскую усадьбу³²⁰, от земли он бы отказался.

Я не вижу также оснований, почему бы бывших помещиков устранять от переговоров о продаже их земли крестьянам через Земельный банк?

Такие переговоры лиц заинтересованных, хорошо знающих местные условия, лишь способствовали бы быстроте и легкости проведения всей реформы: там, где чиновник банка будет биться недели, там местному человеку достаточно, быть может, одного дня для выяснения всех условий продажи.

Наконец, возможна и другая комбинация разрешения земельной проблемы – это удовлетворение бывших помещиков не государственными бумагами, а землей из Государственного земельного фонда. Одна Сибирь – неисчерпаемый земельный источник!

Нельзя сомневаться в том, что частное крупное землевладение в России вновь возродится. Иначе быть не может, ибо это противоречило бы истории культуры всего мира. Пример Советской России достаточно поучителен. Когда русский мужик жаждал захватить помещичью землю, он всегда представлял себе, что эта земля перейдет ему в собственность. Собственный участок земли – это идеал русского, да и всякого иного крестьянина. Но одно мелкое землевладение не может удовлетворить всех функций государства. На что уж советская власть убога и бессмысленна, но и она находит нужным сохранить некоторые крупные поместья в виде совхозов или колхозов, которые, однако, никакого дохода не дают, да и не могут давать, ибо в них отсутствует главный стимул всякого хозяйства – сбережение.

Без крупных хозяйств должно заглохнуть вообще всякое сельское хозяйство, ибо крупное хозяйство является образцом сельскохозяйственной культуры и техники: новые сельскохозяйственные машины, ценные семена, новые способы обработки почвы, образцовые породы скота, разные сельскохозяйственные фабрики и производства – все это недоступно мелкому хозяину, какие-нибудь тракторы или паровые молотилки – разве они доступны мелкому хозяину?

Сколько времени советская власть носится со своей электрификацией земледелия и дальше слов не пошла, ибо для мелкого хозяйства эти крупные затраты недоступны.

Если русское поместное землевладение рухнуло внутри страны, то, быть может, ему суждено возродиться в Сибири, которая до войны занимала очень крупное место в русской вывозной торговле: кому неизвестны сибирские масло, яйца и сибирские скот и птица?

Земельный простор и отсутствие жадных взоров – вечные спутники всякого поместья в России. Помещики отступились в России от своих земель. Там теперь полный простор для крестьянина. Но что-то не видно, чтобы крестьянину стало вольготно, весело жить на Руси. Коммуна и советская власть сумели захватить его в свои мертвые клещи посильнее помещика даже в эпоху крепостного права.

И доселе в идеале русского крестьянина живет собственный участок земли, навеки нерушимый. Этого идеала не сумел вытравить из деревни Ленин. На этом идеале и необходимо строить дальнейшую жизнь в деревне. Земля должна перейти крестьянам в их частную собственность. Помещики получают лишь бюджет июня, отвлеченное право собственности, которое они могут осуществить лишь в виде эквивалента стоимости своих бывших поместий, будет ли то государственная процентная бумага или новый участок земли из государственных земель

³²⁰ В настоящее время Екатеринослав носит название Днепропетровск.

где-либо на окраинах России или в Сибири, в тех местах, где земля не возбуждает ничьей зависти.

На эту уступку помещики должны идти: лучше что-нибудь, чем ничего. Речь идет не о спасении помещичьего землевладения, а о восстановлении России.

Глава III На Украине и в Крыму

Украина. «Докат». Куб-Союз.

Командировка на Украину и Северный Кавказ

Постановление Земского страхового союза в Москве о моей командировке состоялось 8 августа 1918 года. Однако выехать из Москвы я мог только 20 августа. Задержка эта произошла из-за получения украинского паспорта в московском Украинском консульстве, а также из-за ожидания так называемого делегатского поезда, который курсировал в единственном составе между Петербургом – Москвой – Киевом, затрачивая на этот переезд и обратно в лучшем случае около трех недель.

Этого поезда я так и не дождался, отправившись в путь «за границу» на свой риск и страх. Оно и к лучшему, ибо, как оказалось впоследствии, делегатский поезд никаких гарантий правильного и спокойного пути не давал: все те же задержки, те же обыски и осмотры багажа, документов, та же неуверенность в благополучном миновании «нейтральной зоны».

Я не знаю, загоняли ли пассажиров делегатского поезда на станции Орша-товарная за особую загородку под надзором строгого немецкого капрала и с часовыми под ружьем в ожидании господина коменданта, а господин комендант запоздал, и мы все, более ста человек, не попали поэтому на ближайший дневной поезд; не знаю, проводят ли эти пассажиры всю ночь в холерном бараке при той же станции, как провели ее мы, сидя на полу на собственных чемоданах, ибо стены этого злосчастного барака кишели насекомыми; не знаю, выстраивали ли их под утро в шеренгу перед посадкой на поезд под надзором все того же капрала, весьма энергично выкрикивавшего свое привычное «zurück»³²¹.

Как бы то ни было, но от Орши до Гомеля – местность, оккупированная германцами, – мы имели скорый поезд, о которых давно забыли в России, причем заплатили за 6 часов езды в третьем классе по 52 рубля. Впрочем, в Жлобине нас всех высадили, и до Гомеля мы уже дотащились кое-как. В Гомеле – украинская граница, там новый скорый поезд прямо до Киева, цена билета третьего класса, одна ночь пути, 60 рублей.

Вот как складываются теперь путевые удобства и путевые расходы в новой федеративной республике, бывшей России.

С вопросом о федеративном строе Российской республики мне пришлось столкнуться не раз: каждая федерация, и большая и малая, не преминула поставить мне на вид свою самостоятельность и свою независимость от Совдепии, или Большевики, как именуют теперь там Россию. Об этом мне придется еще много говорить после. Пока отмечу лишь, что железнодорожные тарифы каждая федерация исчисляет по-своему, иногда до изумительности кругло, без всяких копеек, а прямо 5–10 рублей. Все пассажиры сведены к третьему классу, и если в поезде вы и встретите второй класс, то знайте, что этот вагон предназначен для господ немецких и австрийских офицеров.

Некоторые федеративные дороги и здесь проявляют свою изобретательность: так, на одной из пересадок по Северному Кавказу на вагонах третьего класса оказались надписи мелом: «второй класс», и билеты исчислялись по тарифу второго класса; пассажиры же с билетами третьего класса направлялись в товарные вагоны.

Как бы то ни было, но на пятый день пути, т. е. 12 (25) августа я приехал в Киев.

Помимо общего уполномочия на ведение переговоров с украинским правительством о возможности расширения там операций Московского страхового союза по прямому страхова-

³²¹ Назад, обратно (нем.).

нию мне преподана была особая программа обследования положения страхового дела на Украине, выработанная правлением Союза.

Программа эта состояла из восьми пунктов:

1. Отношение украинского правительства к деятельности русских страховых учреждений на Украине, в том числе и Земского страхового союза.

2. Деятельность русских акционерных страховых обществ на Украине после ее отделения от России: легализация, изменение уставов, отношение населения.

3. Не появляются ли на Украине свои акционерные страховые общества, не появляются ли немецкая инициатива и немецкие капиталы в страховом деле на Украине?

4. Нынешнее положение земства и земского страхования на Украине. Как отразилось на земском страховом деле аграрное движение?

5. Нет ли попыток к организации украинскими земствами своего страхового союза, на каких началах?

6. Как расширить на Украине деятельность Земского страхового союза: транспортное, водное и прочие страхования?

7. Возможность договора с кооперативными союзами.

8. Возможность договора с городскими обществами взаимного страхования на Украине.

Программа, как видим, весьма обширная, которая могла бы занять у меня времени гораздо больше тех двух недель, которые я пробыл в Киеве.

Однако при ближайшем знакомстве моем с положением Земского страхового союза на Украине оказалось, что положение это из наступательного, в смысле дальнейшего расширения операций Союза, должно перейти в строго оборонительное, чтобы сохранить за собой хотя бы те позиции, которые Союз уже занимает. Таким образом, многие пункты программы отпали сами собой.

Нельзя обойти молчанием и того в высшей степени важного обстоятельства, что моя командировка на Украину обосновывалась специальным поручением: вести переговоры с украинским правительством. Что же касается обычной, текущей работы в области страховых вопросов, то с моей стороны было бы не вполне удобным нарушение функций местного уполномоченного Земского страхового союза господина Тихомирова.

Мало того, я считаю неудобным принимать какое-либо активное участие в Киевском страховом съезде земских страховых деятелей, совпавшим как раз с моим приездом в Киев, раз на съезде этом имелся уже свой уполномоченный от Земского страхового союза.

Правда, с разрешения товарища министра внутренних дел я присутствовал на заседаниях этого съезда по тем вопросам, которые меня интересовали и близко касались преподанной мне программы.

Но я присутствовал там даже без права совещательного голоса, так как и на это я не имел уполномочия от Союза, а лишь в качестве вольного слушателя, и систематически уклонялся от каких бы то ни было выступлений или разъяснений от имени Союза, несмотря на неоднократно обращенные ко мне вопросы.

Таким образом, я строго соблюдал пределы данного мне поручения и полномочия.

Тотчас по приезде в Киев я отправился в Министерство внутренних дел по страховому его отделу. По счастливой случайности отдел этот оказался в заведовании товарища министра Варун-Секрета, бывшего товарища председателя Государственной думы, знакомого мне лично. Товарищ министра был только что назначен и потому направил меня к директору Страхового департамента господину Солухе, старому знакомому Земского страхового союза в Москве. Эта стадия моих переговоров с украинским правительством была уже менее удачна. Ибо оказалось, Солухе необходимо было свести еще старые свои счета с Земским союзом, и он их сводил весьма энергично.

Преподавшую мне программу обследования мы прошли с ним всю по пунктам, и нельзя отрицать, что господин Солуха вполне владел предметом и оказался в курсе всех поставленных ему вопросов. Первоначальная моя беседа оставила даже во мне впечатление, что мы имеем истинного друга и защитника интересов нашего Союза в лице господина Солухи. Увы! Впечатление это оказалось ошибочным, просто я был введен в заблуждение обычной хохлацкой хитростью и мягкостью. Так, директор департамента прежде всего по первому же пункту программы уверил меня, что отношение украинского правительства к русским страховым учреждениям на Украине, в том числе и к Земскому страховому союзу, прежнее. Я понял так, что Страховой союз может производить на Украине свои операции по-прежнему беспрепятственно.

Однако на съезде определенно выяснилось, что Земский страховой союз должен быть трактуем на Украине в качестве частичного страхового общества и как таковое, заграничное, обязан представить украинскому правительству на утверждение свой устав и полисные условия; должен отделить для Украины особое правление и особый капитал, не менее полмиллиона рублей, и, кроме того, резерв премий.

Как видим, «прежнего» здесь очень мало. Наоборот, все новое, все клонящееся к ограничению прав и интересов Земского страхового союза.

Директор департамента в предварительной беседе заверил меня в качестве земского человека в своем благожелательном отношении ко всяким земским начинаниям, а следовательно, и к работе Земского страхового союза на Украине.

Впоследствии, на съезде, тот же директор заявил, что было бы противно правилам этики Земскому страховому союзу добиваться ведения, а тем более расширения страховых операций, раз Союзу этому известно, что украинские земства желают составить свой собственный украинский союз с операциями по прямому страхованию.

Из всего этого лукавства возмутительнее всего то, что, по признанию самого же директора департамента, деятельность русских страховых акционерных обществ на Украине развилась и окрепла, и наоборот, деятельность земских страховых учреждений ослабла в виду того, что украинские земства отказываются принимать на страх усадебные риски, которые и переходят в акционерные общества.

Таким образом, во славу грядущего, но пока еще не существующего Украинского земского страхового союза Московский страховой союз изгоняется из пределов Украины, но акционерные страховые общества всемерно поощряются и процветают – настолько процветают, что не оставляют места даже для немецких страховых обществ, а уж на что немецкий капитал способен проникать через любые щели. По удостоверению директора департамента, на Украине не возникло пока ни одного немецкого страхового общества или отделения. Вообще за все это время на Украине вновь возникло одно только страховое общество, украинское, очень крупное, соединенное с транспортными операциями и со ссудными из собственного банка.

Что касается кооперативных союзов (Днипросоюз), то попыток организовать собственное страхование пока не замечается, в большинстве случаев кооперативы страхуют свое имущество в акционерных обществах. Не раз приходилось слышать, что кооперативы ожидают, когда наконец организуется Московский кооперативный страховой союз, чтобы перевести туда страхование. При этом никто не упоминает ни о Большевики, ни о федеративных вольностях, препятствующих всякой централизации даже в страховом деле.

Все эти жупелы неуклонно появляются на сцене, как только речь заходит о Всероссийском земском страховании.

18 (31) августа в Киеве состоялся Съезд земских представителей по страховому делу. Директор департамента заранее предупредил меня, что он не может ручаться за исход прений на съезде, ибо придут представители нового, демократизированного земства, не проявившие

пока еще своего лица. Поэтому им в качестве сдерживающего начала на съезд приглашены заведующие страховыми отделами земств.

На съезд прибыли представители от Полтавской, Черниговской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Таврической и Волынской губерний, всего в количестве 9 человек, отсутствовал представитель Подольской губернии. Демократизированные земцы оказались совсем не страшными: все те же старые, испытанные земские работники. Но вот когда заговорил заведующий страховым делом по Харьковской губернии господин Борисов и обрушился всей тяжестью своей аргументации против Земского страхового союза, который он почему-то именовал советским, то можно было лишь пожалеть, почему это «сдерживающее начало» не осталось дома.

Еще более резко и нетерпимо отнесся к Московскому союзу сам председатель съезда, директор Страхового департамента господин Солуха. По его интерпретации, Земский страховой союз, как союз взаимный, не имеет никакого значения для украинского земства; Московский союз надо считать как иностранное общество и для этого потребовать от него выполнения целого ряда известных формальностей, среди которых наиболее существенным является внесение залога в резолюцию полмиллиона рублей и резерва премий по каждому виду операций. Но и на этом не останавливается председатель съезда, он полагает, что вообще операции Земского страхового союза на Украине излишни, раз организуется свой, украинский союз. Председатель настолько спешил с этой организацией, что даже рекомендовал провести реформу, помимо губернских земских собраний, через губернские земские управы, обещая со своей стороны миновать законодательный порядок, а применить старый способ – через министра внутренних дел.

Такой экстренно-курьерский способ организации Украинского земского страхового союза, видимо, шокировал даже представителей земств: единомышленник председателя господин Борисов счел даже необходимым несколько одернуть не в меру ретивого администратора, считая вполне допустимой и желательной перестраховочную операцию Украинского страхового союза в Московском, вполне возможно допустить и те операции Московского союза, которые не предполагает вести Украинский союз, как то: транспортное страхование, страхование жизни; здесь Украинский союз может выступить комиссионером Земского страхового союза.

В основу организации Украинского страхового союза положен устав Московский, прочтенный господином Тихомировым и почти без всяких изменений принятый съездом. Таким образом, и здесь самостоятельная Украина не обошлась без помощи все той же России: она не сумела и не смогла составить даже собственного устава.

Из дальнейших заседаний съезда и из прений выяснилось, что положение самого Страхового департамента в украинском правительстве весьма непрочное, по крайней мере держава не отпускает на его содержание ни одной копейки. Департаменту пришлось самому позаботиться о своем содержании, и без дальнейших околичностей департамент решил позаимствовать необходимые средства от акционерных страховых обществ, обложив их 3 % с их прибылей. Сумма получается внушительная – до 1½ (полтора) миллионов рублей в год, тогда как на содержание департамента требуется всего 300 тысяч рублей. Остаток решено обратить в Противопожарный фонд.

Съезд, надо отдать ему справедливость, пришел в ужас от подобного способа кормления страхового правительственного надзора. Но страховой правительственный надзор долго не понимал, что тут ужасного или зазорного: ведь содержится же правительство на налоги? Прения угрожали принять весьма бурный и неприятный характер, если бы не вмешался столоначальник Страхового департамента, объяснивший съезду, что 3 % с прибылей акционерных обществ будут поступать в державное казначейство, а не непосредственно в карман страхового надзора.

Инцидент был исчерпан, но другой осадок остался на душе: не здесь ли кроется причина столь благосклонного отношения страхового правительственного надзора к развитию страховых операций акционерных обществ на Украине и столь неблагосклонного – к операциям Земского страхового союза?

Итак, Съезд земских страховых представителей в Киеве принял решение, что ввиду скорого возникновения Украинского страхового земского союза нет надобности допускать прямых операций Московского союза на Украине.

Положение становилось серьезным, и надо было спасать дело. К этому времени вернулся из Берлина председатель Совета министров Лизогуб³²². Раньше я был принят его заместителем Василенко³²³. Но этот последний в качестве министра народного просвещения, конечно, не мог дать мне никаких указаний, а тем более обещаний в области, для него совершенно чуждой и малоизвестной. Впрочем, ему я обязан получением открытого листа, где рекомендовалось всем правительственным местам и лицам оказать мне всякое содействие при обследовании мною вопросов земского страхования. Этот открытый лист впоследствии мне очень помог, и не только на Украине, но и на Дону, и на Кубани.

Господин Лизогуб выслушал меня очень внимательно, но довольно холодно. Он сразу начал с того, что Украина находится с Великороссией в состоянии перемирия. Из этого и надо исходить во всех взаимных отношениях: ни на какие особые льготы на территории Украины Московскому страховому союзу рассчитывать нет оснований, ибо по существу дела операции Союза ничем не отличаются от операций акционерных обществ. Тем не менее председатель Совета министров просил меня составить ему докладную записку, так как, быть может, его предварительные суждения и неправильны.

Ввиду такого пожелания мною совместно с киевским представителем Московского союза господином Тихомировым была составлена записка, которая и передана господину Лизогубу через товарища министра внутренних дел Варун-Секрета, следующего содержания: «Украинские земства предполагают создать свой страховой союз, аналогичный Московскому.

Этот последний и до сего времени не разорвал связи с Украиной, развивая свои страховые операции на ее территории, прямые и перестраховочные, причем губернии Киевская и Таврическая даже находятся в составе Московского союза.

Деятельность Московского союза направлена на развитие общественного страхования и тем самым подготавливает благоприятную почву для развития деятельности создаваемого Украинского союза.

А потому было бы в высшей степени необходимым ни в каком случае не прерывать деятельность и операции Московского союза на территории Украины до того времени, пока будет создан Украинский союз, после возникновения которого могут быть установлены те или иные договорные отношения с Московским союзом и размежеваны сферы деятельности того и другого в интересах их обоюдного развития.

На первое время, вероятно, Украинский союз и не в состоянии будет производить всех видов страховых операций, производимых Московским союзом, что явилось бы ущербом для будущей деятельности самого Украинского союза, для которого не было бы подготовленной почвы по данному виду операциям.

Кроме того, молодой Украинский союз, несомненно, будет нуждаться в помощи более мощной организации для перестрахования рисков, и вполне естественно предположить, что

³²² Лизогуб Федор Андреевич (1851–1928) – украинский общественный и государственный деятель. В 1918 г. председатель Рады министров Украинской Державы и министр внутренних дел при гетмане П. П. Скоропадском.

³²³ Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935) – историк, общественный и политический деятель. С января 1918 г. член Генерального суда Украинской народной республики. В мае – октябре 1918 г. министр народного просвещения Украины. Также в мае 1918 г. исполнял обязанности министра иностранных дел.

наиболее подходящей организацией здесь явится родственный ему Московский союз, успевший уже окрепнуть и значительно развить свои операции.

Страховые операции по самому существу своему настолько интернациональны, что даже война не смогла, например, прекратить связи русских страховых обществ с немецкими, и поэтому поддержание существующих отношений между Украиной и Московским союзом является существенно необходимым.

Желательно, чтобы деятельность Московского союза не была поставлена на Украине в худшие условия, неужели деятельность так называемых Взаимных страховых обществ, которые по существу являются представителями частного коммерческого капитала, по отношению к которым не требуется гарантий, установленных для акционерных страховых обществ».

Председатель Совета министров просил меня передать ему эту записку через министра внутренних дел. Да я и сам знал, что в порядке компетенции данный вопрос не может миновать Министерства внутренних дел. А потому я и воспользовался этим случаем, чтобы еще раз побеседовать по этому делу с товарищем министра Варун-Секретом.

Прочитав докладную записку и выслушав мои объяснения, Варун-Секрет уверил меня, что образование Украинского страхового союза – дело весьма еще отдаленное, ибо украинскому земству прежде всего предстоят перевыборы всего состава уездных и губернских гласных по новому закону. Никакого экстренного формирования Украинского страхового союза, помимо губернских собраний, допущено быть не может, и пройдет по крайней мере полгода, прежде чем губернские земские собрания в новом составе смогут приступить к обсуждению вопроса о Земском страховом союзе.

Частным образом Варун-Секрет обещал мне, что Московский союз он в обиду не даст и разрешит ему производить все операции на Украине впредь до того времени, пока не образуется свой собственный Украинский союз, который, несомненно, войдет в договорные отношения с Московским по перестрахованию рисков.

Заручившись столь компетентным обещанием, я немедленно уведомил Тихомирова, чтобы он имел это в виду после моего отъезда из Киева и тотчас обратился бы к товарищу министра, если поведение директора департамента в чем-либо не соответствовало бы или нарушало бы обещание, данное мне товарищем министра.

Если вдуматься в результаты, которые последуют за организацией Украинского союза, то Московский союз от этой организации лишь выиграет. Не надо забывать, что из девяти украинских земств в Московском союзе принимало участие лишь два – Киевское и Таврическое. Подольское ведомство давно отпало, оставив столь незабвенный след в душе его представителя – господина Солухи. Остальные земства в Союзе не участвовали, а подчас о нем и не знали. По крайней мере земский агент города Луганска Екатеринославской губернии прямо заявил мне, что он понятия не имеет об операциях Московского союза.

И если сопоставить, что выгоднее и что предпочтительнее для земского союза: иметь ли в своем составе два земства с отрывочными, спорадическими страховыми операциями или целый союз девяти земств по перестрахованию их рисков и с сохранением за Московским союзом транспортного страхования, то едва ли эта последняя комбинация не окажется лучшей. Тогда и луганский земский скит, несомненно, узнает о существовании Московского союза, и такое проникновение в народную толщу даст Союзу гораздо больше, нежели одно голое право бытия, хотя бы и монопольное, но неизвестное.

Что касается требований украинского правительства выделить часть капитала и часть правления Московского союза специально для Украины, то и здесь большой беды нет. Конечно, о выделении полумиллиона рублей запасного капитала не может быть речи, ибо их пока нет. Но о выделении резерва премий по каждому виду страхования и о выделении части правления для Киева стоит серьезно подумать, если настоящее международное положение продлится: ведь ныне существует порядок сношения Москвы с Киевом, который не выдерживает

никакой критики; сидеть неделями в делегатском поезде или быть загнанным за перегородку в чайнии попасть на ночевку в холерный барак – все это перспективы, совершенно не соответствующие оживлению обмена международных отношений.

Перевод денег по почте также сильно затруднен, если не прекращен, как прекращено, например, телеграфное сообщение. Как общее правило: каждый пассажир может везти с собой не более тысячи рублей. Не знаю, сделаны ли какие-либо исключения для учреждений? Сильно в этом сомневаюсь, ибо сам наблюдал офицера, представителя Красного Креста, который провозил свои деньги для расплаты за медикаменты каким-то контрабандным путем, пользуясь неприкосновенностью докторского персонала в санитарном поезде.

Удобен ли подобный способ для передвижения страховых сумм, решить нетрудно. И удобно ли директорам правления Земского московского союза быть в зависимости от настроения немецкого командира на пограничной зоне при постоянных переездах границы Украины, также вполне понятно.

Дон и Кубань

Еще перед отъездом моим из Москвы люди, сведущие в вопросах кооперативного движения на юго-востоке России, предупредили меня, что Ростова мне не миновать; что Кубань сама по себе без Ростова ничего не представляет, ибо все кооперативные союзы тяготеют и сосредоточены именно в Ростове.

Знаменитый кооперативный союз «Докат» состоит именно из доно-кубано-терского союза потребительских обществ.

Поэтому я направился прежде всего в Ростов, чтобы там захватить самый узел всех кооперативных соединений на Северном Кавказе.

Действительность превзошла всякие ожидания.

Ростов оказался союзом союзов различных кооперативов, соединяющим в себе многие и многие миллионы рублей оборотов. Так, в упомянутый «Докат» входят следующие союзы Северного Кавказа:

1. Армавирский союз со 127 кооперативами с 2 млн рублей оборота.
2. Кубанский (Куб-Союз) со 125 кооперативами с 2 млн рублей.
3. Ставропольский (Трудовой Крестовский) – 150 кооперативов с 1 млн рублей.
4. Майкопский – 92 кооператива с 300 тыс. рублей.
5. Черноморский, Баталнашинский, Владикавказский и Пятигорский.

Кроме этих союзов района Северного Кавказа, представлявших для меня особый интерес по самой задаче моего обследования, в «Докат» входят многочисленные союзы других районов, Дона и Восточной Украины.

В район деятельности Ростовского отделения Московского народного банка входят следующие союзы кредитных товариществ: Верхне-Донской, Второй Донской, Донецкий, Новочеркасский, Пятигорский, Славяно-сербский, Ставропольский, Хоперский, Юго-восточный союз союзов, Южно-Кубанский, Кубанский, Терский, Южно-Донской и Таганрогский.

Уже этот голый перечень союзов, тяготеющих к Ростову, показывает, что центром всей кооперативной жизни данной области является именно Ростов. Сама жизнь указывает, где должно быть местопребывание уполномоченного московского Земского страхового союза.

При дальнейшем знакомстве с общественно-экономической жизнью края я убедился, что этот край является царством кооперации: лишенная земства общественная жизнь стремилась найти русло, по которому она могла бы проявить себя, свои требования, нужды и запросы, и она нашла это русло в широчайшем кооперативном движении.

– Да у вас здесь настоящая губернская земская управа, – обратился я к заведующему Страховым отделом Куб-Союза в Екатеринодаре, пораженный множеством отделов, служащих, просителей, плакатов этого крупного союза.

– Нет, побольше губернской управы, – спокойно и уверенно ответил мне мой собеседник.

И я в этом убедился в тот же день, не найдя во всем городе для себя комнаты и получив приют в гостинице Куб-Союза, который содержит и гостиницу, и ресторан исключительно для своих членов кооперативов. Какое земство могло бы позволить себе такую роскошь для своих земских гласных?

Это отсутствие земских учреждений в крае до известной степени предрешает и вопрос об отношении кооперативных союзов к Земскому страховому союзу: здесь кооперативная жизнь слишком окрепла, слишком твердо стала на ноги, чтобы интересоваться или нуждаться в помощи Земского союза.

И действительно, не могли же все кооперативы терпеливо и спокойно ожидать, пока Земский союз придет к ним со своими предложениями по страхованию их имуществ и товаров. Все эти имущества уже застрахованы в частных обществах, по договорам, и дело у них вполне налажено. Иначе оно и не могло быть, раз крупные союзы имеют даже свои особые страховые отделы, ведающие делами страхования.

И когда я пытался соблазнить «Докат» нашими скидками с тарифов частных обществ до 25 и 15 % комиссионных, то заведующий Страховым отделом мне ответил, что наши скидки запоздали, ибо частные общества конфиденциально скидывают им еще больше: 30 % с премии и 15 % комиссионные.

Тот же самый ответ получил я и в Куб-Союзе в Екатеринодаре, и в Ставропольском союзе: очевидно, частные общества хорошо осведомлены о действиях и предложениях Московского страхового союза, раз они успевают предупредить его намерения еще большими скидками со своих тарифов.

Когда страховое дело налажено, чтобы переменить страховое учреждение, нужен какой-то сильный интерес, более сильный, нежели одно сочувствие общественному начинанию Земского союза, особенно когда сочувствие-то это по весьма многим и сложным причинам не особенно заметно. Нужен какой-то толчок, какой-то интерес, хотя бы и материальный, чтобы решение это, сдвиг этот состоялся.

Быть может, необходимо было бы еще повысить процент скидки с тарифов частных обществ, хотя бы за счет комиссионных, скажем, до 20 %, оставив 5 % комиссионных. Ведь и кооперативное дело является делом общественности, и комиссионные здесь вообще можно было упразднить, предоставив все 45 % как скидку с тарифа в пользу самого кооператива.

Упомяну еще одно обстоятельство, которое сильно затрудняло дело Земского страхового союза на Дону и на Кубани: это собственное кооперативное страхование Центр-Союза³²⁴ в Москве. Хотя это страхование еще только организуется и, по-видимому, еще не открыто, тем не менее все кооперативы о нем осведомлены, его ждут, и, несомненно, при первой же возможности все перейдут в него. Здесь Земскому страховому союзу действительно было бы неэтично бороться с Центр-Союзом понижением трат, ибо Центр-Союз – такое же общественное учреждение, чуждое какой-либо коммерции, как и Земский союз. Приверженность некоторых кооперативных союзов к этому Центр-Союзу настолько велика, что они рассылают даже своим членам циркуляры, предлагающие воздерживаться от всяких страховых договоров, впредь до образования своего кооперативного страхования.

20 сентября я был принят главой кубанского краевого правительства господином Бычем³²⁵. Не скажу, чтобы жест этот носил «многомилостивый характер». Как и в доброе старое время, глава кубанского правительства, продержав нас часа два в приемной, или, вернее, в коридоре Екатеринодарских присутственных мест, допустил в свой кабинет одного лишь пре-

³²⁴ Центральный союз потребительских обществ – координирующий образ потребительской кооперации. Образовался в 1898 г.

³²⁵ Быч Лука Лаврентьевич (1870–1945) – казачий политик. В 1917–1918 гг. председатель кубанского правительства.

старелого полковника, к нам же, прочим смертным, соблаговолил выйти с ординарцем в общий зал на общую аудиенцию, причем ординарец предварительно нас профильтровал, удалил лишних, а остальные обязаны были стоять в шеренге, пока господин Быч объяснялся по порядку с очередным.

Даже при царском режиме я отвык от подобного приема просителей министрами, тем более являясь представителем и уполномоченным крупного общественного учреждения.

Дальнейшее еще более подчеркнуло высокомерие, чтобы не сказать больше, главы кубанского правительства к Земскому страховому союзу.

– С советской властью мы не вступаем ни в какие сношения! – заявил мне сразу же Быч.

– Но я являюсь представителем не советской власти, а Всероссийского земского страхового союза.

– России нет, она погибла. Есть лишь Большевия, которую мы не признаем, – был ответ.

Дальнейший разговор наш был бесполезен, ибо мы говорили на разных языках. Необходимо было подумать о переводчике, и я тотчас нашел его в лице председателя Государственной думы М. В. Родзянко, проживавшего в Екатеринодаре. Обсудив это возмутительное по своей абсурдности объяснение мое с господином Бычем, мы пришли к заключению, что М. В. Родзянко еще раз переговорит с главой правительства, если успеет, ибо дни владычества господина Быча сочтены. Тем временем мною была составлена памятная записка следующего содержания: «Отсутствие земства на Кубани всегда сказывалось отрицательно на правильном развитии общественной жизни края. Сказалось оно и на страховом деле в виде полного отсутствия земского страхования. Но общественная жизнь не терпит пустоты, и она пошла в обход запоздавшего закона о введении земства на Кубани, объединившего общественные силы в кооперативных учреждениях, начиная с местных организаций и кончая союзом их в Екатеринодаре и даже областным союзом в Ростове.

Эти мощные организации в значительной степени выполняли функции земских учреждений в области культурно-просветительных задач. В данное время они приступили уже и к организации страхового дела, угрожая будущему земству сокращением его страхового поля, имея готовые уже объединяющие организации, чуждые каких бы то ни было сепаратистических или узконациональных предрассудков, с центром всех союзных объединений в Москве.

Их не пугает большевистская Москва, ибо большинство деловых объединений чуждо политики. Сюда прежде всего относятся страховое дело, страховой капитал; они не могут быть ограничены своей колокольней, и даже война не уничтожила системы перестрахования рисков за границей и у вражеских стран.

Девиз «Америка для американцев»³²⁶ не может быть перефразирован: «Кубань для кубанцев», ибо Америка как страна, состоящая из великого множества федераций, действительно ни в ком не нуждается, тогда как Кубань без посторонней помощи прожить не может.

Укажу для <...>³²⁷ примера хотя бы на русские деньги, без которых Кубани не обойтись, как не обойтись ей и без Всероссийского государственного банка, регулирующего денежное обращение.

Совершенно в таком же положении находится и страховое дело, требующее не кубанского, а всероссийского масштаба. И это поняли и акционерные страховые общества, и кооперативные союзы. Вполне необходимо этой идеей проникнуться и краевому правительству и поспешить с ориентацией земского страхования, если только оно желает удержать это дело в своих руках».

Не моя вина, что записка эта часто принимает нравоучительно-прописной характер. Но когда приходится иметь дело с элементарными понятиями и разъяснять их сущность, то поне-

³²⁶ Этот лозунг был выдвинут в доктрине американского президента Дж. Монро 2 декабря 1823 г.

³²⁷ В рукописи неразборчиво.

воле впадаешь в прописной характер, лишь бы предмет был хорошо усвоен. Кто станет отрицать, что русскому человеку, хотя бы и главе правительства, утверждающему, что России нет, необходима прежде всего география в гимназическом объеме?

Совершенно иной прием встретил я у городского головы Екатеринодара господина Дицмана³²⁸: он прямо заявил мне, что охотно пойдет навстречу Земскому страховому союзу, и готов предоставить в распоряжение Союза городское страховое общество, и не прочь даже застраховать в Земском союзе все городские имущества, и просит для ознакомления выслать устав Союза и прочие материалы.

Для начала деятельности Земского страхового союза в Екатеринодаре больше чем достаточно иметь на своей стороне городского голову, не задающегося никакими превысренными целями о высоком предназначении Кубани.

После lamentации господина Быча тем более удивительно было слышать от городского головы, что на Кубани, в Екатеринодаре, в краевой столице, существует Юго-восточный комитет Всероссийского земского и городского объединения, председателем коего состоит бывший министр юстиции из Кабинета Керенского господин Малянтович³²⁹.

К сожалению, я не застал его дома, и, кажется, он вообще выехал из Екатеринодара в Киев.

Ставропольская губерния – единственная на Северном Кавказе, где имеются земства. Казалось бы, здесь проще всего учредить агентуру Земского страхового союза. Однако эта единственная земская губерния на Кавказе, вероятно, является и единственной во всей России, где земство вводилось принудительно, вопреки желанию населения.

Ставропольское земство одно из самых молодых учреждений за последние семь-восемь лет; оно не успело еще окрепнуть, как было распущено советской властью.

В настоящее время земство вновь вводится, но генерал Деникин, осведомленный об отношении населения к земским учреждениям, не торопится с возобновлением их деятельности. Вновь созвана лишь губернская земская управа, но пока без губернского Земского собрания, и притом в упрощенном, укороченном составе. Страховой отдел, например, совершенно отсутствует, и заведующий этим отделом в настоящее время работает в городской управе.

Уездные земства возобновляются еще более вяло и случайно: заявит состав управы о своем существовании генералу Деникину, оно призывается на службу; не заявит, обходятся и без него.

Вполне понятно, что при таком темпе возобновления деятельности Ставропольского земства рассчитывать на его широкую помощь операциям Земского страхового союза было бы рискованно.

Сам председатель губернской земской управы господин Кухтин³³⁰ смотрит на дело бодро и оптимистически, он надеется, что в ближайшие недели или месяцы земская жизнь вполне наладится, наладится и Страховой отдел управы, хотя уже не в прежнем, а в сокращенном составе. Сокращение коснется главным образом страховой агентуры, к чему уже было преступлено в июне, до переворота.

При ничтожной горимости Ставропольской губернии земская агентура сама себя съела: так, стоимость ее содержания достигала 90 тысяч рублей в год при пожарных выдачах в 15 тысяч рублей в год по всей губернии. Страховой земский капитал достигал весьма крупной суммы в 2,5 миллиона рублей. Теперь, впрочем, он растаял, будучи истрачен на общеземские потребности, так как поступлений совершенно не было.

³²⁸ Дицман Иван Николаевич (1872–?) – екатеринодарский городской голова в 1907–1912 гг., в 1918–1919 гг. Член Краевой рады Кубани.

³²⁹ Малянтович Павел Николаевич (1869–1940) – общественный и политический деятель, адвокат. В 1917 г. министр юстиции в правительстве А. Ф. Керенского.

³³⁰ Имеется в виду Кухтин Анатолий Матвеевич.

Председатель управы полагает, что трех или четырех агентов земского страхования будет совершенно достаточно для губернии и что на этих агентов вполне возможно будет возложить и производство операций за счет Земского страхового союза.

Но заведующий Страховым отделом вновь расхолаживает меня более пессимистическими соображениями, он полагает, что вообще рассчитывать на широкое страхование в селениях Ставропольской губернии нет оснований ввиду очень слабой их грамотности и по недоступности для агентуры частого посещения селений при ставропольских расстояниях, он сам, например, весьма затруднился бы принять на себя агентуру Московского союза, зная, какими расходами по поездкам она грозит.

К тому же и губерния теперь сильно рассеяна: местные помещики, как, например, тавричане, т. е. хуторяне, переселившиеся из Таврической губернии, понесли большие убытки, особенно по овцеводству. Местная, очень нежная овца, шленка, захудала, при долгом отсутствии заботливого ухода на нее напала короста, от которой она гибнет тысячами. То же можно сказать и о скотоводстве: быки и коровы поредены, скотоводство пало. Остается пшеница и подсолнух – главные продукты местного производства.

Но когда я проезжал эти пшеничные и подсолнечные поля, когда я видел стада рогатого скота, исчисляемого сотнями голов, я невольно убеждался, что заведующий Страховым отделом сгущает краски. Недаром же сами названия станиц указывают на их достаток: Изобилие или Торговая.

Стада подрастут, а короста в руках хорошего хозяина пропадет. А вот пшеничная мука или хлеб все же в Ставропольской губернии дешевле других, и сюда тянутся покупатели даже из соседних, урожайных губерний.

Кооперативная жизнь в Ставропольской губернии достаточно развита, хотя производительных кооперативов мало, все потребительные. Союз потребительных обществ, который я посетил, так же как и Союз-Банк, совершенно разочаровали меня тем, что они совсем не страхуют своих товаров, настолько их мало. Председателя правления мне видеть не удалось, настолько он занят. Его называют здесь продовольственным диктатором, так как он держит в своих руках все продовольственные дела города и губернии.

Сведущие люди предупреждали меня, что кооперативы всего Северного Кавказа связаны договором с Московским страховым обществом и что отдельные кооперативы и даже союз их не посмеет нарушить этого договора, и Земскому союзу необходимо обратиться в Ростов в Совет союзов кооперативов.

В Ростове же находятся и главный агент по кооперативному страхованию, и председатель правления Юго-Восточного кооперативного банка.

Итак, опять Ростов, без Ростова не обойтись.

Новороссийский порт совершенно пуст. Насколько город переполнен, на номер в гостинице надо записываться в очередь, настолько порт – пуст. Судов грузовых совершенно нет. Стоит знаменитый германский «Фебен», да одно грязное, невзрачное, до краев перегруженное греческое суденышко.

Офицер, приехавший из Сочи, сосед мой по номеру, рассказывал, что сообщение по морю поддерживается исключительно моторными лодками, поднимающими иногда до сорока человек. Сочи сидит голодный, без хлеба: фунт хлеба стоит 8–10 рублей, тогда как в Новороссийске не дороже 1 рубля.

Когда-то Новороссийск славился своими торговыми оборотами. Новороссийский элеватор, подающий зерно из вагонов прямо на корабли, ездили смотреть как чудо света. Огромнейший порт бывал полон судами, паровыми и парусными. Грустно было видеть его полное оскудение и запустение.

Помимо войны, вот уже четыре года закрывавшей выход из Черного моря, Новороссийск сильно пострадал от гражданского междоусобия и лишь три недели тому назад обрел, наконец, желанный покой.

При таких условиях о правильных торговых оборотах, о разумной экономической жизни не может быть и речи: люди только что вышли из подвалов после бомбардировок города, и им совсем не до торговли. В течение девяти месяцев общественная жизнь была совершенно приостановлена; городское управление распущено и лишь понемногу налаживается в ожидании новых выборов городских гласных. Я посетил городского голову (земства в Черноморской губернии не существует), но тот окончательно отклонил от себя какое бы то ни было участие в операциях Земского страхового союза, ссылаясь на недосуг и на кратковременность своего пребывания в должности. Он направил меня в городское Взаимное страховое общество. Это последнее, кажется, единственное, что осталось в городе неразделенным и работает успешно, не ограничивается одним Новороссийском, а имеет агентов в Анапе, в Ейске и других городах.

Все местные кооперативы страхуют у них свои товары без ограничения суммы. Это страховое общество умело наладить дело, его расширить, приобрести страхования, не то что городское страховое общество в Ставрополе, которое поразило меня своим бюрократизмом и прежде всего потребовало от меня подачи прошения, вероятно с гербовыми марками, и затем обещало это прошение обсудить, вынести решение и т. д.

В ожидании, пока можно будет приехать в Терскую область, где по случаю военных действий железнодорожное сообщение было прекращено, я направился на обследование Луганского кооперативного союза в город Луганск, а затем в Бердянск, рассчитывая переехать оттуда морем на Ейск и на Владикавказскую дорогу. Однако продолжающиеся бои заставили меня из Бердянска возвратиться в Киев, так что Терская область осталась мною необследованной.

В Луганске два кооперативных союза: один союз объединяет 240 потребительских обществ; другой – 45 кредитных товариществ. Все товары сами они страхуют в обществе «Якорь» и настолько с ним сроднились, что ни о какой перемене и не помышляют. Из процентных скидок, делаемых «Якорем», они образуют какой-то капитал, но какой именно, толком объяснить мне не сумели или не пожелали; и к Земскому страховому союзу обнаружили довольно отрицательное отношение, настолько отрицательное, что даже циркулярно предупредили своих сочленов в Земском союзе не страховать. Из дальнейших переговоров, однако, выяснилось, что такая нетерпимость мало на чем основана. Во всяком случае «Якорь» не принимает даже их транспортного страхования, и, следовательно, оно открыто для Земского союза.

Какие же выводы можно сделать из этой моей поездки и командировки?

Прежде всего необходимо признать, что былой ореол Великорусского земства значительно померк: страна слишком много пережила и перестрадала, чтобы не извериться в прежних идеалах и кумирах. И если прежде ссылка на общеземскую организацию гарантировала и доверие, и успех, то теперь каждая федерация, каждая губерния и даже каждый город стараются определить отграничения от общеимперских установлений, хотя бы и земских.

По отношению к тем областям и губерниям, где земства совсем не было, например на Кубани, дело обстоит еще хуже, ибо там не знают даже и прежнего ореола. Там земская жизнь совсем не развита, и понятие «земство» им так же чуждо, как понятие какого-либо французского департамента. Как это ни дико, но при введении земства в Ставропольской губернии дело доходило даже до полицейской силы и до «земских бунтов» на манер холерных бунтов.

При таких условиях рассчитывать на одно сочувствие земскому общественному началу в страховом деле не приходится. Необходимо позаботиться о чем-то более существенном; нужна синица в руки, чтобы привлечь население к земскому страхованию.

Мне думается, что кооперативам надо было бы предоставить 45 % скидки с тарифов без комиссионных.

Вторым существенным препятствием распространения земского страхования служит очень популярная идея о кооперативном страховом союзе и собственном кооперативном страховании. Эта идея может совершенно задушить земское страхование, особенно там, где кооперация развита широко, т. е. на Кубани и на Дону.

Я не знаю, возможно ли соглашение с Центро-Союзом в Москве, может быть, о взаимном перестраховании рисков или об иной форме содружества, памятуя известный афоризм, что худой мир лучше доброй ссоры. Особенно уместно было бы такое содружество в деле страхования жизни: именно кооперативы могут предоставить широчайшее поле для операций по страхованию жизни, ибо кооператоры исчисляются сотнями тысяч, если не миллионами. Чисто земское страховое поле здесь значительно уже: земские служащие скорее заинтересованы в пенсионной или эмеритальной кассе, нежели в страховой. А земские гласные и земские избиратели? Как, через какие органы подойти к ним, чтобы пробудить в них желание застраховать свою жизнь?

Организации страхования скота и хлеба от градобития также всего удобнее было бы провести в содружестве с кооперативами, ибо этим видом страхования, скорее всего, заинтересуются сельскохозяйственные производительные кооперативы.

Так намечается мне почва для соглашения с центральным кооперативным союзом: войти в обоюдный перестраховочный договор, имея различные объекты страхования.

Что касается, в частности, организации земского страхования на Северном Кавказе, то я уже говорил, что район этот необходимо расширить и на Донскую область, и на восточную часть Украины, примыкающую к Дону.

Главным пунктом, куда тяготеет вся экономическая и финансовая жизнь этого края, является Ростов. Поэтому с Ростова и необходимо начинать земскую страховую организацию, во что бы то ни стало стараясь войти в контакт с союзами кооперативов, владычествующими в этой области.

Необходимо лишь заранее знать, что победоносный лозунг Цезаря³³¹: *veni, vidi, vici* – здесь не подойдет. Наоборот, Земскому страховому союзу придется поработать, и много поработать, придется отвоевывать свое страховое поле шаг за шагом, прежде чем почувствовать под собой твердую почву.

Первого октября возвращаюсь в Киев. Моя комната уже занята другим жильцом. Помещаюсь в коридоре, за шкафами: не беда!

Гетман³³² и Лизогуб вернулись из Берлина. Надо попытаться устроиться на Украине. После долгих ожиданий Лизогуб наконец принял меня с рекомендательным письмом. Но ни от разговора моего, ни от письма – никакого впечатления. Надо действовать как-нибудь иначе. Обращаюсь к Варун-Секрету, обращаюсь к Курило (директор Департамента окладных сборов), к князю Голицыну³³³ (председатель Протофиса³³⁴), к Лерхе³³⁵ (товарищ министра финансов). Дело что-то не клеится: Курило отсылает к Варун-Секрету, князь Голицын не желает даже принять меня лично, а ведет со мной переговоры через своего чиновника и через него же высылает отказ (по-товарищески!). Лерхе не находит ничего лучшего, как посоветовать мне взять место податного инспектора где-либо в уезде. Как будто сам Лерхе получил какую-то особую привилегию на занятие высших должностей, и как будто это ничтожество чем-либо выделяется из толпы! Ничтожные люди!

³³¹ Цезарь Гай Юлий (Gaius Iulius Caesar) (100–44 гг. до н. э.) – древнеримский государственный деятель.

³³² Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – военный и политический деятель. В 1918 г. гетман Украины.

³³³ Имеется в виду князь Голицын Константин Александрович (1893–1931) – офицер Добровольческой армии.

³³⁴ «Протофис» – объединение промышленников, торговцев и финансистов Украины.

³³⁵ Лерхе Герман Германович (1868–1963) – общественный и политический деятель, статский советник (1905).

Решаю ни с чем возвратиться в Москву и выхлопываю все необходимые документы и от немецкой, и от советской власти.

Мне удается устроиться с санитарным поездом Красного Креста с Балашовым. День отъезда уже назначен. Но судьба решила иначе. При свидании Лерхе сообщает мне, что сегодня вечером состоится заседание всех находящихся в Киеве членов Государственной думы. Иду на это заседание. Прения – бесцветные и ничего не значащие, главную скрипку играет Павел Милуков, теперь уже Савл³³⁶. Встречаю многих знакомых. Пуришкевича едва лишь узнал по голосу, настолько он изменил свой вид, превратившись в какого-то моряка. Между другими встретил, уже выходя из собрания, Родичева; говорит, что только что приехал из Петербурга. Узнав о моем желании возвратиться в Москву, Родичев изумился и положительно не советовал ехать, чтобы не попасть в застенки. Он сам еле выбрался из Совдепии по чужому паспорту чуть ли не с переодеваниями.

Пришлось задуматься, что делать? С одной стороны, тоска о близких, а с другой – опасность ареста. К тому же и мои бесплодные поиски работы в Совдепии также памятливы: какая будет польза для семьи от моего возвращения. И эти вечные надежды на скорое падение советской власти. Лерхе, который всегда все знает, утверждает по достоверным сведениям, что меня арестуют, если я вернусь в Москву. От Ленина все станется. Решено. Остаюсь в Киеве.

Но ведь и в Киеве нужны деньги, а мои уже на исходе, я истратил их на поездки по поручениям Земского страхового союза, не взяв никакого аванса.

Опять отправляюсь к Варун-Секрету, где в качестве чиновника особых поручений встречаю князя Голицына, товарища моего сына по лицу. Может быть, и мой сын также бы устроился в Киеве, когда помыкнулся ехать со мной. В моих скитаниях в эмиграции мне всегда помогала судьба. Но была бы она столь же милостива и к моему сыну?

Варун-Секрет откликнулся на мою просьбу о месте.

– Не хотите ли поехать в Крым в качестве уполномоченного по устройству украинских беженцев?

– Конечно, хочу!

Меня откомандировали в распоряжение Беженецкого департамента к господину Старицкому, сыну знаменитого драматурга³³⁷, присяжному поверенному, перегруженному работой сверх меры: в департаменте Старицкого ожидали часами и редко дожидались.

Легко представить себе, что творилось в департаменте в такие редкие минуты. Понятно, что при таких условиях моя командировка в Крым сильно затянулась. Проходили недели. Я успел съездить в Житомир к своему приятелю А. М. Иванову, прогостил у него неделю. Командировки все не было. И лишь 1 ноября я получил, наконец, долгожданные бумаги и 3000 рублей аванса на поездку – первый мой заработок после выезда моего из Москвы.

Крым

Я выезжал из Киева в Крым уже под выстрелы начавшихся там беспорядков, сначала в университете, а затем и на улицах. Среди немецких войск на Украине также началось разложение после победы Антанты. Это было начало конца гетманщины. О выезде по железной дороге нечего было и думать: вокзал представлял собой осажденную крепость.

2 ноября рано утром я вновь выехал по Днепру на Екатеринослав в качестве украинского уполномоченного в Крым к правительству генерала Сулькевича³³⁸. По дороге мне поручено

³³⁶ Савл – имя апостола Павла. В данном случае имеется в виду идейное перевоплощение П. Н. Милукова.

³³⁷ Имеется в виду Старицкий Юрий Михайлович (1882–1936) – адвокат, общественный деятель, сын украинского драматурга Михаила Петровича Старицкого. Руководитель украинской организации «Просвіта». С декабря 1917 г. – директор Беженецкого департамента Министерства внутренних дел Украины. В 1919 г. выехал в Сочи, где стал членом местного Совета.

³³⁸ Сулькевич Матвей Александрович (1865–1920) – военачальник, генерал-лейтенант. В 1918 г. премьер-министр, министр внутренних и военных дел крымского краевого правительства.

было заехать в Елизаветград по поводу бедствий одного женского института. Однако ни о каких заездах не могло быть и речи, настолько на Украине, а в частности в Елизаветграде, было неспокойно.

Пока я доехал до Крыма, пока наш поезд задержан был на станции Александровск по распоряжению какого-то самостийного революционера, а немецкие власти, к великому моему изумлению, подчинялись этому распоряжению – настолько быстро шло разложение в немецких войсках – правительство генерала Сулькевича уже пало, и сам Сулькевич скрылся.

Приехали мы в Симферополь поздно ночью. Тщетно искали мы пристанища в какой-нибудь гостинице, все было переполнено. Целой группой бесприютных путешественников с женщинами и детьми скитались мы на долгуше по городу среди глухой ночи, освещенной холодным лунным светом. Наконец нас пустили в какую-то греческую кофейную, где мы и просидели всю ночь.

Утром мы прочитали в газетах о новом крымском правительстве с С. С. Крымом³³⁹ во главе и Н. Н. Богдановым³⁴⁰ в качестве министра внутренних дел. Это последнее назначение значительно упрощало мою задачу в Крыму, и я поспешил видеть Богданова. Он принял меня прямо по-родственному; с семьей Богдановых мы всегда были очень близки, и родная сестра Богданова Зоя воспитывалась даже у нас в доме в Кораблине. Очевидно, он забыл все наши партийные розни в Рязани по выборам в Государственную думу и этим доказал свой ум и доброе сердце. По поводу данного мне поручения он направил меня в губернскую земскую управу к председателю князю Оболенскому³⁴¹ и государственному контролеру Бобровскому³⁴².

Дело оказалось очень несложно, ибо всех украинских беженцев осталось в Крыму десятка два семей, и забота о них возложена была на земство.

Согласно словесному указанию директора департамента задачей моей командировки, помимо статистического обследования положения беженцев в Крыму, являлось, при посредстве начальника края генерала Сулькевича, всемерное задержание беженцев в Крыму, пока схлынет волна потока военнопленных из Австрии, захвативших на Украине все дороги, все вагоны, все переселенческие бараки и питательные пункты. Наиболее нуждающимся из беженцев мне рекомендовано было выделять небольшие пособия в 5–10 рублей.

Из дел Таврической губернской земской управы мною было выяснено, что количество украинских беженцев в Крыму невелико и что положение их обозначено заботами губернского земства по известному плану и сметам, так что всякие дополнительные подачки с моей стороны были бы излишни и вносили бы лишь рознь и зависть в среду беженцев. На 1918 год смета на 35 676 человек беженцев со всех мест теперь была исчислена в сумме около 2 миллионов рублей: за первую четверть года в сумме 471 517 рублей. Сюда входит и продовольственная помощь, и квартирная, и вещевая, и медицинская, и школьная, и др. Выполнение этой сметы на местах поручается заботам земских и городских управ в лице особых комитетов, и таких комитетов было образовано по губернии одиннадцать, а именно: Мелитопольский с городами Мелитополем и Геническим, Бердянский уездный и городской, Симферопольский уездный и городской, Перекопский, Днепровский и Ялтинский.

Наибольшее количество беженцев скопилось в степных уездах Таврической губернии – Мелитопольском, Бердянском, Днепровском – свыше 23 с половиной тысяч человек, но как раз эти уезды отошли от Крыма, входя в состав территории Украины.

³³⁹ Крым (наст. фам. Нейман) Соломон Самойлович (1867–1936) – общественный и политический деятель, статский советник (1916). В 1918–1919 гг. председатель крымского краевого правительства.

³⁴⁰ Богданов Николай Николаевич (1875–1930) – общественный и политический деятель. В 1918–1919 гг. – министр внутренних дел крымского краевого правительства.

³⁴¹ Оболенский Владимир Андреевич, князь (1869–1950) – общественный и политический деятель.

³⁴² Бобровский Петр Семенович (1880–1947) – общественный и политический деятель. Министр труда крымского краевого правительства.

Чтобы лучше можно было судить о том, насколько земство удовлетворяло нужды беженцев в Крыму, приведу образец сметы по Ялтинскому уезду на первую четверть 1918 года на 350 беженцев:

1. Продовольственная помощь на 175 человек по 6 рублей в месяц – 3150 рублей.
 2. Квартирная помощь на 175 человек по 6 рублей в месяц – 3150 рублей.
 3. Медицинская помощь на 350 человек: коечная – 198 рублей, амбулаторная – 198 рублей, доставка больных – 495 рублей, молоко больным – 450 рублей.
 4. Содержание школы – 338 рублей.
 5. На баню 175 человек по 20 копеек в месяц – 105 рублей.
 6. Вещевая помощь на 30 % призываемых – 265 рублей.
 7. Жалованье, разъезды и пр. – 645 рублей.
- Итого: 6334 рубля.

Беженцы эти поселены были в городе Алуште. Из списка беженцев видно, что украинцев было всего 54 человека из общего числа 350 человек. Выделять их из общей массы и снабжать подачкой по случаю приезда уполномоченного украинского правительства было бы высшей бестактностью как по отношению к их товарищам, так и по отношению к местным органам самоуправления: нужды беженцев сметой предусмотрены в определенном размере. Новая подачка как бы указывала, что заботы земства неполны и недостаточны. Нетрудно представить себе, как реагировали бы на это беженская масса и Таврическое земство: если наши заботы вас не удовлетворяют и вы вносите к ним дезорганизацию, то забирайте ваших беженцев и устраивайте их по-своему.

А между тем главная моя миссия от украинского правительства была как раз обратная: во что бы то ни стало задержать украинских беженцев в Крыму. И когда я изложил эту просьбу и крымскому правительству, и Таврическому земству, указав на мотивы этой просьбы, то она была принята беспрекословно, несмотря на то что беженцы обходятся земской кассе в миллионы рублей и что беженцам этим давно пора по домам, еще полгода тому назад, когда на Украине водворился порядок.

Вскоре Н. Н. Богданов увез меня в Ялту прямо в свою семью. С нами же в автомобиле ехала жена С. С. Крыма, красивая блондинка английского типа. Я не знал, кто именно эта дама, и несколько раз начинал расспрашивать Богданова о С. С. Крыме, что он из себя представляет. Богданов все старался замять разговор. Воображаю, как неловко он себя чувствовал. Мы привезли госпожу Крым в Массандру во дворец и уже на лошадях добрались до Ялты: была страшная темнота и можно было удивляться, как наш шофер не свалил нас где-нибудь в обрыв на шоссе. На лошадях было ехать покойнее.

Неожиданно у Богдановых я встретил Лего, одного из директоров Московского земского страхового союза, по поручению которого я и путешествовал в Киев и на Кубань. Лего – наш, рязанец, старинный земский деятель по страховому делу. Он застрял в Ялте и не мог возвратиться в Москву. Я передал ему свой отчет о поездке. Просил его оплатить мои расходы на 3000 рублей моей семье в Москве. Но, кажется, Лего так и не возвратился в Москву.

В декабре гетманщина на Украине пала, как только немцы вывели свои войска. Сам Паоло Скоропадский – какая роковая фамилия! – очутился в Ялте. Полномочия мои в Крыму пали сами собой. Надо было позаботиться о дальнейшей моей судьбе, так как и средства мои были на исходе.

В Ялте я получил телеграмму из Луганска, что Серафима Константиновна с Мусей приехали из Царского Села. Помню хорошо, что телеграмма эта так меня обрадовала, что я даже перекрестился: слава богу, теперь я уже не один на чужбине.

И опять замечательное предназначение судьбы: вскоре я бы уехал из Ялты опять на Дон, и тогда адрес мой и след мой пропали бы, и мы не смогли бы списаться. С тех пор, т. е. с декабря 1918 года, Серафима Константиновна с Мусей меня уже не оставляли и делили со мной все

мытарства эвакуации; можно сказать, ребенок вырос на моих руках и заменил мне далекую семью.

В Ялте же я встретил и Надю Соколову из Москвы, и она впервые рассказала мне и успокоила меня относительно моей семьи, что она на своей квартире в Москве живет пока благополучно.

Легко себе представить, как я рад был этой встрече. Впрочем, Надя с мужем вскоре же уехали из Ялты за границу.

Пользуясь хорошими отношениями с Богдановым, я просил его устроить меня куда-либо представителем от Крымского краевого правительства. В начале декабря он вызвал меня в Симферополь. Там же в это время находился и бывший министр финансов П. Л. Барк³⁴³ в качестве эксперта по финансовым вопросам при крымском правительстве. При его посредстве Богданов устроил мне командировку в Ростов для заключения займа в 100 миллионов рублей ростовских кредитных билетов для Крыма.

Одновременно крымское правительство поручило мне обследовать на Дону вопрос о продовольствии: не может ли донское правительство снабдить Крым семенами и хлебными запасами.

С этими двумя поручениями и с 3000 рублями аванса 14 декабря 1918 года я отправился из Симферополя в Ростов. Железнодорожное сообщение в Крыму было сильно расстроено; с большим трудом и с большими задержками дотянулись мы кое-как до Керчи, и то лишь на третьи сутки, на каком-то экстренном поезде, вытребованном по телеграфу очень настойчиво каким-то офицером, чуть ли не самозванцем.

Но выбраться из Керчи было нелегко, ибо никаких пароходов до Новороссийска не предвиделось.

Ни морское, ни военное начальство не могли нам в этом помочь. Даже моя магическая бумага, что я еду за деньгами для крымского правительства, а следовательно, и для всех служащих в Крыму, не оказывала действия, ибо само начальство было бессильно помочь нам.

В конце концов мы, пассажиры, собственными стараниями разыскали в порту старенький военный пароходик «Казбек», который шел в Новороссийск. Но затруднение было в погрузке угля: команда отказывалась его грузить, пока ей не выплатят жалованье. А платить было нечем. Пришлось сидеть у моря и ждать погоды. Первую ночь мы с инженером, начальником донских железных дорог, в распоряжении которого был собственный вагон, ночевали с большими удобствами в этом вагоне. Затем, понадеявшись на «Казбека», вагон отпустили обратно. Но «Казбек» и не думал уходить. Не желая ночевать на пароходе из-за морской качки, я начал разыскивать ночлег в городе. О гостинице нечего было и думать, мы уже давно отвыкли от такого комфорта. Я вспомнил, что страховые деятели очень рекомендовали мне агента общества «Саламандра» господина Корти, почтенного и уважаемого в городе человека. Обращаюсь к нему с просьбой ночлега. За вечерним чаем сошлись все вместе, оказались общие знакомые по Петербургу. Пробеседовали мирно весь вечер и условились, что я ночую у них в столовой. Хозяин собрался в клуб, я пошел его проводить, пройтись по городу; по дороге зашел в какое-то кафе или кабаре. Выпил кофе, послушал музыку, иду за моим знакомым в клуб, чтобы вместе возвратиться на ночевку. Его уже в клубе нет, ушел домой, не дождав меня. Отправляюсь к нему на квартиру; все темно; звоню, никто не открывает. Звоню, стучу – все напрасно. Ночной сторож принимает во мне участие, тоже звонит и стучит, и тоже напрасно. В Керчи в это время было беспокойно, и лишь накануне неподалеку вырезали целую семью. Вероятно, мой новый знакомый, посоветовавшись в клубе, перепугался принять в дом малоизвестного человека и предпочел отсидеться в квартире взаперти, нежели пустить меня ночевать.

³⁴³ Барк Петр Львович (1869–1937) – русский государственный деятель, действительный тайный советник (с 1915 г.). С 1914 г. министр финансов. С 1915 г. член Государственного совета.

Ночью пошел бродить по городу и случайно натолкнулся на ресторан, который уже запирался. Обращаюсь к хозяину и рассказываю ему про свое критическое положение. Хозяин, очевидно, был не из трусливых и разрешил мне переночевать в общем зале ресторана.

На следующую ночь мы вышли из Керчи на «Казбеке»: пассажиры сложились и заплатили за погрузку угля. Была вторая половина декабря, и я сильно опасался, что будет качать, так как совершенно не переношу качки. Как только мы вышли из пролива в открытое море, начало сильно качать. Я уже приготовился к страданиям, как стало постепенно стихать, и ночь прошла спокойно. Оказалось, что капитан парохода, старый морской волк, плававший и в Балтийском, и в Северном морях, боялся качки не меньше меня и боялся не за себя, а за свой ветхий «Казбек», машина которого настолько износилась и обветшала, что не выдержала бы большой волны; и он завернул обратно в бухту. А к утру волна улеглась, и мы благополучно дошли до Новороссийска при зимнем штиле – редкое явление. Погода стояла теплая и тихая, так что я ехал в летнем пальто. Даже по дороге из Ялты через яйлу я дрожал в этом пальто, прикрывшись лишь манти; более теплой одежды у меня и не было.

В Новороссийске мы с моим инженером пошли гулять по городу. Было 22 декабря, но солнце жгло немилосердно, и было жарко даже в летнем пиджаке. Но только лишь мы миновали туннель и очутились в открытом поле за горами, погода сразу изменилась, повеяло холодом, через окна засвистел ветер. Наутро мы в Ростове.

Опять на Дону и на Кубани

Распростившись с любезным моим спутником, прежде всего отправляюсь в Государственный банк насчет займа. Управляющий господин Гульбин³⁴⁴ очень любезен, и с ним уладить дело нетрудно. Видимо, он сам гордится своим детищем – новоиспеченной экспедицией государственных кредитных билетов. Действительно, по виду кредитки очень хороши, не хуже царских. Уговариваемся с ним, что он вышлет в Крым 100 миллионов рублей в четыре приема по 25 миллионов в месяц.

Остается уладить дело в Новочеркасске с донским правительством.

Припоминаю при этом рассказ Л. Ф. Давыдова³⁴⁵, директора кредитной канцелярии, как он перепугал известного заграничного банкира, обещав ему рассказать в газетах, как легко за завтраком или на прогулке, в коляске, с сигарой в зубах заключаются многомиллионные займы за границей.

Чтобы покончить с займом, решаю вечером ехать в Новочеркасск, где помещается донское правительство. На вокзале соображаю, что уже 23 декабря и что завтра сочельник: быть может, у правительства не будет приема. Решаю на несколько дней праздников проехать в Луганск к своим родным, где, кстати, прозондировать почву и о хлебных запасах.

В Луганск попадаю лишь на первый день Рождества. Гор-ы³⁴⁶ встречают радушно, и Серафима Константиновна тронута до слез. Однако наедине рассказывает мне, как неприветливо встретили ее и как ей было тяжело здесь жить. Она еле добралась до них из Царского Села, простудившись сама и простудив ребенка, свою внучку. По обыкновению, дорогой растеряла весь свой багаж, отправила его совсем по другому адресу, под Одессу, и теперь осталась в одном платье. Прошу ее на другой же день заплатить Гор-мам за стол. По-видимому, это их пристыдило, и они усиленным радушием старались загладить прежнюю горечь сестры.

Но Серафима Константиновна очень отходчива и готова по-родственному встретить Новый год.

³⁴⁴ Имеется в виду Р. Э. Гульбин, управляющий Ростовской конторой Государственного банка.

³⁴⁵ Давыдов Леонид Федорович (1866–1941) – предприниматель, финансист, камергер, действительный статский советник.

³⁴⁶ Так в оригинале, фамилию выяснить не удалось.

1919 год встречаем после спектакля в клубе с хорошим ужином. Однако вечер выдался какой-то нелепый: с одной стороны, оркестр исполняет «Боже, царя храни» и публика кричит «ура», а с другой – комендант объявляет нам, что мы все арестованы, ибо пропустили двенадцать часов ночи – предельный час возвращения домой по улицам, согласно его распоряжению. Мы в тревоге. Но хозяин гостиницы укрывает нас в номере, пока не затихает сутолока. Позже он дает нам в провозятые офицера, и по дороге мы узнаем от него, что большевики стоят под Луганском и возьмут его, как только немцы выйдут из города.

На другой же день мы с Серафимой Константиновной и Мусей поторопились уехать из Луганска в Новочеркасск. Гор-ы в какой-то нерешительности, но все же обещают догнать нас в Ростове.

Путешествия с багажом и с ребенком при нынешних условиях очень тяжелы: всю ночь мы просидели на вокзале, на полу, и к утру недосчитались кое-чего из багажа. Еле добрались до Новочеркасска, где опять беда – нет номеров в гостиницах; вообще нет никаких помещений, все переполнены. С большим трудом разыскиваю комнату в какой-то трущобе, в парадной зале какого-то мужика, типичного прасола, с икотой и с кучей ребят. Помещаемся в одной комнате.

По утрам хожу к министрам донского правительства, представляюсь атаману генералу Краснову³⁴⁷ и председателю Совета министров генералу Богаевскому³⁴⁸. Все очень внимательны и любезны, особенно министр финансов господин Корженевский³⁴⁹. Заключаем, наконец, договор о займе.

От Новочеркасска до Ростова каких-нибудь 50 верст, и прежде поезда-молнии пролетали тут в час; теперь тащимся по четыре-пять часов. Сообщение очень неудобное, а мне постоянно необходимы и Государственный банк, и другие учреждения в Ростове. Случайно узнаю, что 15 января в Екатеринодар приедут крымские министры. Донское правительство также туда приглашено, и я уговариваюсь с министром финансов Корженевским взять меня с собой в министерский вагон.

Тем временем из Луганска приехали Гор-ы, разыскали нас в Новочеркасске и уговорили переехать с ними в Ростов. Нам здесь так скверно и так неудобно, что мы охотно соглашаемся на этот переезд.

Итак, мы в Ростове, где-то на окраине города, близ Нахичевани, в гостинице «Метрополь», очень плохой, с клопами, с певичками. Ютимся кое-как.

Хорошо, что я заручился разрешением ехать и жить в министерском вагоне: в Екатеринбурге жить совершенно негде. Из Крыма приехали министры: С. С. Крым, Н. Н. Богданов и Бобровский. Туда же приехал и уполномоченный по продовольствию на Кубани господин Данилевский. Он в продовольственном деле – опытный человек, заготавливал продовольствие для армии в великую войну. Он сразу сообразил, что на Кубани с этим делом ничего не выйдет. По-видимому, он не сочувствовал и самому составу крымского правительства. Ссылаясь на свои личные дела, он решительно отказался оставаться уполномоченным Крыма на Кубани.

Моя миссия на Дону по совершению займа была закончена. Хлебных запасов на Дону никаких не оказалось, и донское правительство само было озабочено разысканием хлеба и фуража. На Дону мне никакого дела не оставалось.

Думаю, что по инициативе Н. Н. Богданова мне предложили занять место уполномоченного по продовольствию на Кубани, причем для продовольственных операций мне поручено было получить из ростовской конторы Государственного банка 5 миллионов рублей за счет крымского правительства. Вознаграждение было условлено в 3000 рублей в месяц.

³⁴⁷ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – военный деятель, генерал-лейтенант (с 1917 г.). Атаман Великого войска Донского (1918–1919).

³⁴⁸ Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) – русский военачальник, генерал-майор.

³⁴⁹ Корженевский Митрофан Васильевич (?–1926) – управляющий отделом финансов донского правительства (1919). В 1920 г. председатель донского правительства.

При моем назначении я тотчас вспомнил, что и Гор-в, скрывшийся с нами от большевиков из Луганска, остался без всяких средств, и я выговорил у крымского правительства право иметь помощника с содержанием в 1000 рублей, имея его в виду на эту должность.

К этому времени экономическое совещание крымских, донских и кубанских делегатов закончилось после бесплодных разговоров с представителями Доброармии. Мы могли возвратиться в Ростов. Я спешил поделиться вестями о назначении моем и Гор-а в Екатеринодар.

Серафима Константиновна по своему характеру приняла вести эти с большой экспрессией: она сердечно рада была и за меня, и за сестру, что мы устроены на место.

– Ну, это нас менее всего интересует, – холодно ответила ей сестра. – Мы не такие люди, чтобы пропасть!

К сожалению, этот ее ответ остался для меня неизвестным, иначе я не потащил бы их с собой в Екатеринодар, так как я отлично знал, что помощь этого «помощника» для меня бесполезна. Впоследствии выяснилось, насколько я ошибался в искренности этой четы: они все время помышляли об отпущенных мне крымских миллионах, и 1000 рублей жалованья совершенно не удовлетворяли их аппетитов.

Из Ростова мы выехали в семейном купе в скором поезде с большими удобствами. Но Екатеринодар встретил нас очень негостеприимно: мы скитались по улицам, не находя нигде пристанища; телеграмма моя в гостиницу Кубанского войскового собрания обозначении меня номером, никакого результата не имела. Серафима Константиновна с ребенком попыталась съездить в пригородную станицу Пашковскую, рассчитывая там найти комнату, но бесполезно. Лишь к вечеру нам удалось найти временный приют где-то на окраине города, близ реки Кубани, на грязнейшей улице, куда извозчики отказывались ехать, в квартире какого-то парходного капитана, донельзя переполненной жильцами, и то лишь благодаря случайному отъезду хозяина, так что хозяйка, очень добрая женщина, уступила свою спальню. Сам я помещился в кухне, на лежанке, среди тараканов.

Лишь через несколько дней нам удалось найти и реквизировать для нас два номера в отвратительнейшей гостинице, служившей притоном для ночных гуляк. Но мы были рады и такому помещению. Надо заметить, что казавшиеся в то время дорогими цены в Екатеринодаре сравнительно были очень невысоки: например, обед в ресторане – 5 рублей, хлеб белый – 1 рубль 50 копеек за фунт, молоко – 10 рублей бутылка и пр.

Все мои хлопоты по розыску продовольствия на Кубани разбивались на совершенном безучастии к нуждам Крыма как со стороны кубанского правительства, так и Доброармии.

Одна крупная ростовская хлебная фирма Варварина бралась доставить нам хлеб в Крым через Ахтыр на Азовском море. С этой фирмой мною было покончено дело. Но кубанское правительство запрещало мне вывоз хлеба, несмотря ни на какие доводы. Злые языки говорили, что я не с того крыльца начал хлопоты, нужно было идти с заднего крыльца; определенно даже указывалась цифра стоимости каждого вагона зерна за разрешение к вывозу. Не знаю, насколько слухи эти были верны, я их не проверял на практике и считал недопустимым такие приемы для представителя краевого правительства.

Министром продовольствия Доброармии³⁵⁰ был Маслов³⁵¹, а товарищем его – Салазкин³⁵², наш рызанец – все знакомые люди. И тем не менее дело не двигалось вперед: настолько

³⁵⁰ Имеется в виду Добровольческая армия.

³⁵¹ Маслов Сергей Николаевич (1866–?) – общественный и политический деятель, действительный статский советник. Член Особого совещания при А. И. Деникине, начальник Управления продовольствия. С 1919 г. – управляющий отделом продовольствия.

³⁵² Салазкин Аркадий Сергеевич (1870 – после 1918) – предприниматель, общественный и политический деятель. Депутат II и IV Государственной думы от Рязанской губернии. В 1910–1914 гг. касимовский городской голова. С 1915 г. член Прогрессивного блока.

дорожили тогда кубанским зерном и для армии, и для населения. Я обивал пороги министерств и кубанских, и Доброармии и везде встречал отказ.

Комбинации с товарообменом также не удавались, главным образом потому, что Крым, помимо вина, фруктов и сладостей, ничего не мог предложить в обмен на зерно. Позднее выяснилась возможность доставки из Керчи мануфактуры и из Новороссийска сельскохозяйственных машин и шпагата. На такой обмен Кубань, конечно, пошла бы, но меня уведомили об этом лишь под самый конец, когда крымское правительство доживало последние дни. Насколько небрежно и несерьезно относилось оно к моему поручению, достаточно указать, что министр продовольствия Стевен³⁵³, посетивший Екатеринодар, не сумел меня там разыскать, представителя своего правительства, и уехал, не повидавшись со мной.

Дав мне общее поручение по продовольствию, министерство давало, кроме того, отдельные поручения отдельным лицам, которые действовали помимо меня, на свой риск, и, ничего не добившись, уезжали обратно, ни разу со мной не повидавшись. Так случилось, например, с чиновником особых поручений Троицким, в распоряжении которого, как выяснилось впоследствии, и находилась партия мануфактуры в Керчи, предназначенная к обмену на зерно.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что благодаря этой бестолковщине мы и не добились никаких результатов. Можно предполагать, что и сама мануфактура в Керчи в конце концов попала в руки большевиков при занятии ими Крыма и при бегстве Крымского краевого правительства: по крайней мере она как в воду канула.

Не добившись в течение двух месяцев никаких результатов ни на Кубани, ни в районе Доброармии – Ставропольская и Черноморская губернии, – причем я надоедал своими просьбами и кубанскому атаману Филимонову³⁵⁴, и кубанским министрам, и генералу Драгомирову³⁵⁵, который ведал гражданской частью при главнокомандующем генерале Деникине, я решил сообщить крымскому правительству, что на получение хлеба с Кубани никаких надежд нет, а что прибегать к нелегальным способам вывоза хлеба я не желаю. Я именно так и формулировал свою телеграмму. Через некоторое время я получил ответ, что мои полномочия на Кубани оканчиваются. Я оказался опять не у дел, без всяких средств к жизни, если не считать каких-нибудь 3000 рублей сбережений, имея на руках совершенно беспомощных Серафиму Константиновну с внучкой.

Большевики в Крыму

Однако судьба меня хранила, и наступили события, которые все перевернули. Почти одновременно с телеграммой, освобождавшей меня от моих обязанностей, получено было известие из вторых рук, что представителем крымского правительства на Кубани назначается В. Ф. Кокошкин³⁵⁶, брат убитого большевиками-матросами Ф. Кокошкина. Это было хорошим ударом по моему самолюбию: я, живя уже на Кубани и работая для Крыма, не только не удостоился быть назначенным на эту должность, но меня не сочли нужным даже уведомить об этом.

Когда стало известным, что Кокошкин приехал в Екатеринодар, я послал к нему с визитом моего помощника, во-первых, чтобы выйти из неловкого положения двойственности крымского представительства на Кубани и, во-вторых, в интересах моего помощника, которому я посоветовал просить нового представителя оставить его у себя.

³⁵³ Стевен Александр Александрович – земский деятель. В 1918 г. министр продовольствия, торговли и промышленности, а также и. о. министра путей сообщения, почт, телеграфов и общественных работ.

³⁵⁴ Филимонов Александр Петрович (1866–1948) – военачальник. В 1917–1919 гг. атаман Кубанского казачьего войска. Сложил с себя обязанности из-за разногласий с А. И. Деникиным.

³⁵⁵ Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955) – военачальник, генерал от кавалерии. Заместитель председателя Особого совещания и помощник верховного руководителя Добровольческой армии. В 1918–1919 гг. председатель Особого совещания. В 1919 г. командующий войсками Киевской области. С 1920 г. генерал для поручений при П. Н. Врангеле.

³⁵⁶ Кокошкин Владимир Федорович (1874–1926) – общественный деятель, адвокат, брат Ф. Ф. Кокошкина.

Впоследствии оказалось, что Кокошкин, московский адвокат, прекраснейшей души человек, очень простой и очень прямой.

Но при этом обнаружилось все великолепие четы Гор-х: они решили, что моя песня спета, что со мной теперь не стоит церемониться и что их благополучие теперь в Кокошкине. К тому же, раздраженный приставаниями их о крымских миллионах, я решительно заявил, чтобы они эти мысли выкинули из головы. Это было последней каплей, и Гор-ы начали вымещать неудачу своих рухнувших планов на без того уже несчастных Серафиме Константиновне и ребенке, совершенно ни в чем не повинном, ибо Мусе было всего лишь пять лет и она приехала туда, куда ее привезли.

Мой помощник понимал свои обязанности очень своеобразно: ставил самовар, топил печи, подчас готовил обед. Каждое утро он считал себя обязанным часа два ходить по учреждениям, причем жена его, чрезвычайно ревнивая женщина, ждала его на улице. Выйдя свои часы, они отправлялись обедать, считая, что трудовой день окончен.

Высмотрев одну пустую сторожку около Соборной церкви, мне удалось ее реквизировать, и нам все завидовали, настолько там было уютно и хорошо.

В это время в Екатеринодаре свирепствовал сыпной тиф. Мы жили около собора, куда ежедневно шли похоронные процессии, но флигель был так изолирован, что опасность заразы была очень малая. В это время на квартире у Серафимы Константиновны заболел тифом ее хозяин, а затем и хозяйка. Конечно, я немедленно перевел ее с Мусей в мою комнату, хотя это меня очень стесняло. Этот переезд окончательно взбесил Гор-х, и они на словах собрались уехать, что, конечно, развязало бы мне руки. С сестрой своей они перестали разговаривать, как будто они были здесь хозяевами, а мы какими-то чужими, непрошеными гостями.

К этому времени подоспели еще и новые обстоятельства: в Екатеринодаре оказалось сразу три представителя крымского правительства по продовольствию – я, затем бывший министр Кабинета Керенского господин Юренев³⁵⁷ и некто Котович со специальными поручениями от крымской продовольственной управы. Четвертым был еще и мой помощник. Сочетание получалось курьезное: четыре представителя по продовольствию, и ни одного пуда зерна для Крыма.

Чтобы как-нибудь выйти из этого глупого положения, мы решили образовать коллегия, где я был назначен казначеем, ибо деньги-то 5 миллионов рублей были у меня, в моем распоряжении; Котович принял на себя заботы о розыске зерна, а Юренев – дипломатическую часть переговоров с правительством. Помощника своего я втиснул секретарем коллегии, причем оказалось, что он не умеет связать двух слов, и журналы пришлось составлять мне самому. Хорошо, что наша коллегия скоро распалась: на третьем заседании выяснилось, что крымское правительство пало и выехало за границу, а Крым занят большевиками. Появились беженцы из Крыма, которые сообщали противоречивые известия. Случайно встретил инженера С. Н. Чаева³⁵⁸, который дал точную информацию, что Богданов остался и на днях будет в Екатеринодаре.

Бежал из Ялты брат Серафимы Константиновны полковник Пискорский³⁵⁹ с дочерью; остановиться совершенно негде, пришлось поместиться на полу в комнате Гор-х.

³⁵⁷ Юренев Петр Петрович (1874–1943) – общественный и политический деятель. С 1915 г. член Главного комитета по снабжению армии. В 1917 г. товарищ московского городского головы. В июле – августе 1917 г. министр путей сообщения. Член Временного совета Российской республики. В 1918 г. возглавил Одесское отделение Всероссийского национального центра. В 1919 г. председатель Союза городов при Добровольческой армии.

³⁵⁸ Чаев Сергей Николаевич (1863–?) – инженер-путеец. С 1913 г. товарищ министра путей сообщения. Министр путей сообщения в правительстве Вооруженных сил Юга России.

³⁵⁹ Пискорский Николай Константинович (1872–1932) – офицер, полковник 11-го гусарского полка.

Тем временем последние все нагтели и начали прямо неприлично себя вести. Я решил им объявить, что помощь их мне больше не нужна: он окрысился как волк и озлобился еще больше.

Случилось полковнику Пискорскому заболеть на своем ложе на полу. Серафима Константиновна, его родная сестра, пошла помочь ему и дать лекарство. В это время возвращается Гор-в и дерзко заявляет, что он выгонит ее в шею, если она еще раз посмеет войти в их комнату. Серафима Константиновна со слезами удалилась. Узнав об этом, я вышел из себя и назвал его негодяем. И, к моему ужасу, я услышал в ответ такие ругательства, каких не слышал ни от кого во всю мою жизнь. Полковник Пискорский, больной, встал и ушел из дома неизвестно куда, пока не приютился в какой-то дворничкой.

Я понял, как опасно приближать к себе хамов. При встрече с Серафимой Константиновной на улице он вслух ее ругал и харкал прямо ей в ноги; сестра требовала отдать ей последнюю кофту и рубашку. Словом, жизнь в Екатеринодаре они нам отравили. С чисто еврейской проницательностью они сумели втереться в доверие к церковному старосте собора, совершенно, впрочем, глупому человеку, и тот потребовал, чтобы я освободил сторожку.

С великой радостью уехали, наконец, 15 мая мы в Анапу.

Н. Н. Богданов будет всегда памятен мне своим благородством, добротой и мягкостью характера. Такие люди очень редки. Я могу указать в своей жизни лишь А. С. Ермолова и князя Н. С. Волконского – также людей великой души и благородства. В моих воспоминаниях Н. Н. Богданов занимает место рядом с этими ныне уже покойниками. Как просто и как естественно оказывали они добро, как будто иначе и быть не может, как будто это самая обыденная вещь, за которую не стоит и благодарить.

Вопреки постановлениям крымского правительства по устранению меня и замене сначала Кокошкиным, затем Юрневым, Богданов, наоборот, остановил свой выбор на мне по ликвидации дел крымского правительства, отстранив всех остальных, не исключая и своих товарищей по Кабинету, господ Винберга³⁶⁰ и Обнинского. Он поручил мне удовлетворить содержанием за три месяца всех чиновников, эвакуированных из Крыма, обратив на этот предмет те 5 миллионов рублей, которые были в моем распоряжении на покупку зерна. Затем поручил мне принять отчеты от других крымских уполномоченных по их дежурным расходам и выдачам. Наконец, войти в соглашение с инженером Чаевым по вопросу обороны Крыма, и предоставил мне право отпустить на ликвидацию этого дела до 2 миллионов рублей.

В первые дни выдачи эвакуационного пособия Богданов сам принимал участие в этой операции, и надо было видеть, какие толпы ходили за ним и ловили его на улице, надеясь получить от него побольше. Особенно усердствовали попы, возвращавшиеся по нескольку раз и изобретавшие все новые и новые поводы полочки. Богданов несколько раз приезжал в Екатеринодар, и каждый раз его ждали толпы народа. Наш тихий церковный флигелек осаждали вереницы эвакуированных, и их положительно негде было приютить, они должны были стоять на улице и ждать очереди, сидя на крылечке, в то время как канцелярию мою занимала чета Гор-х, даром, без всякого на то права. Мою скромную комнату посетили тогда и генералы, и адмиралы, терпеливо ожидавшие очереди получить пособие.

Когда волна этих беженцев отхлынула, Богданов с семьей отправился в далекий путь, в Сибирь, через Каспийское море и Киргизские степи к адмиралу Колчаку. Я провожал его с тяжелым чувством и со слезами на глазах. Мы сердечно, искренно расцеловались, и поезд тронулся:

– Приезжайте в Сибирь, – крикнул он мне из окна вагона. – Я к тому времени успею там пустить корни!

³⁶⁰ Винберг Владимир Карлович (1836–1922) – общественный и политический деятель. Депутат IV Государственной думы от Таврической губернии.

Я чувствовал себя одиноко и сиротливо.

Из Анапы я решил периодически приезжать в Екатеринодар для выдачи эвакуационных пособий, мне бы уехать от невыносимых соседей.

Как и раньше, когда я посещал Анапу, первое впечатление – неважное: захолустный, пыльный городишко, донельзя переполненный, о гостинице нечего и мечтать. Хороших комнат также нет. Пришлось временно приютиться в пригороде в летней горнице простого казака. С большим трудом удалось наконец найти крохотную квартирку в две комнаты у бойкой казачки.

Все же мы здесь отдохнули от Екатеринодара. Всякой снеди – изобилие. По воскресеньям в Анапу казаки везут из окрестных станиц на базар всякую всячину, и хозяйки по дешевой цене запасаются всем на целую неделю: маслом, салом, свининой, птицей, овощами, фруктами, арбузами и пр. И все казалось нам тогда дорого: курица – 5 рублей, масло – 3 рубля, арбуз – 2 рубля. А через год платили в Ялте за курицу 5000 рублей, масло – 8000 рублей, дыню – 1500 рублей и т. д. Платили.

Мы пробыли в Анапе до половины сентября, четыре месяца, я ежемесячно ездил на несколько дней в Екатеринодар для выдачи запоздавших пособий. Мы пересменили в Анапе три квартиры, причем последние месяцы я жил в садовой беседке; очень хорошо жилось, благо погода была сухая, без дождей. А дожди для Анапы – мать: грязь такая становится непролазная, никакие калоши не помогут. Впрочем, это относится лишь к пригородам, самый же город вымошен, и если устроиться в городе, на высоком берегу, то можно круглый год прожить сносно. Море в Анапе восхитительное: чудный песчаный пляж, так называемый Золотой берег, как бы с россыпями золотого песка; есть и оживленный торговый берег у пристани на молу, где пароходы, и суда, и челны рыболовов, где сосредоточены все рестораны, магазины, купальни, наконец, так называемый высокий берег, крутой обрыв на скале с остатками древнейших турецких укреплений, где море шумит в своем грозном величии, там раскинут городской сад, оттуда можно любоваться заходом солнца за море.

При этом крайняя простота: дамы ходят в чувяках (турецкие туфли) на босу ногу, дешевизна продуктов, тишина заброшенного городка, полный отдых, чудное летнее пребывание у Черного моря в стране винограда и персиков.

– Будем жалеть об Анапе! – не раз говорил я своим, когда они торопили меня уехать.

И в Ялте потом на ее заплеванной набережной мы не раз вспоминали и жалели, что мы не можем уже попасть на Золотой берег милой Анапы. Иметь дачу на лето в Анапе – это блаженство. Никакие Ялты и Гурзуфы с их каменными берегами, с их модницами, с их дороговизной не сравнятся с прелестной, тихой, дешевой, ласкающей Анапой.

Опять в Крыму

В начале сентября 1919 года решаюсь перебраться в Крым, так как миссия моя на Кубани окончилась. Инженер Чаев вызывал меня в Ялту или в Севастополь для ликвидации расходов по обороне Крыма от большевиков.

Как известно, к этому времени большевики уже были изгнаны оттуда, и власть перешла в руки Добровольческой армии с генералом Слащевым³⁶¹ во главе. В моей памяти оставался еще прежний Крым, до войны, до революции, с его красавицей Ялтой.

Пятого сентября нам подали фургон, и мы уселись в него впятером, со всем багажом, и двинулись на долгих из Анапы в Тамань. Мы выбрали этот путь, чтобы избежать морского переезда из Новороссийска и всей этой сутолоки, пересадки, перегрузки, переночевки и дороговизны.

³⁶¹ Слащев-Крымский Яков Александрович (1885–1929) – вое начальник, генерал-лейтенант. Активный участник Белого движения. В 1919 г. защищал укрепления Перекопского перевала, благодаря чему не допустил взятия Красной армией Крыма.

Я заплатил тогда за три места в фургоне до Тамани 700 рублей, казалось, очень дорого. А после в Ялте платили извозчику от мола до города по 3000 рублей.

Дорога до Тамани – скучная, однообразная, плавная, с остановкой на полпути в станице, где ничего не достать. К ночи мы приехали и одолели эти 50 верст до Тамани. Я заранее уговорился с ямщиком за ту же плату у него переночевать и утром доставить нас на пароход. Ямщик – зажиточный казак, дом в несколько отделений, в чистых горницах с половиками, с пуховиками, с образами и лампадой мы и переночевали.

С вечера я долго любовался противоположным берегом с мигавшими через пролив огоньками Керчь – Емкале. Утром я успел осмотреть поселок: Тамань славилась дешевизной продуктов, и сюда приезжали из Керчи за покупками, а то и на все лето на дачу. Поселок – грязный и неустроенный. К полудню пришел пароход. Цены на все казались небывало высокими, например, обед из двух блюд – 15 рублей. Впрочем, я и жалованье получал в то время 3000 рублей в месяц для существования втроем.

Проезжая через пролив, мы видели на рейде большой пароход, отходящий в Ялту, – «Константинополь». Мы страстно стремились на него попасть. Куда мы так стремились? Он ушел, однако, ранее, нежели мы пристали к берегу.

К вечеру мы в Керчи. Опять хлопоты о жилище, опять трепание и метание по городу. Какая-то предприимчивая дама предложила нам на пристани комнату в ее квартире, если мы доведем туда ее багаж. Багаж мы довели, но комнаты не получили: занята. А может быть, вовсе и не была свободной? Кое-как попали в какую-то грязнейшую гостиницу, кишашую клопами. Очень скверная ночь. В довершение всего я заболел: в Керчи нет хорошей воды, а соленая, вроде морской, даже в чае. От этой воды у меня началась рвота, и лишь через несколько дней я поправился, догадавшись перейти на боржом из аптеки, когда понял причину болезни.

Живем в Керчи неделю, а пароходов все нет и не предвидится. Каждый день утром и вечером хожу справляться во все конторы: нет и нет. От нечего делать влезал даже на гору Митридат, не видать ли оттуда парохода?

Как-то захожу в Российское общество: идет пароход «Мария», показался на рейде. Опробовать бросаюсь на пристань. Действительно, через полчаса причаливает «Мария».

13 сентября вечером наконец-то отходим из Керчи и к утру прибываем в Феодосию. Ранее мне как-то не пришлось быть в Феодосии. Целый день стоянки парохода дал нам возможность ознакомиться с городом: пристань, торговая часть города, пляж, берег моря и набережная с особняками местных крестов ничего красивого не представляет – всю набережную пересекает железная дорога, отрезая ее от моря. Заходим к родным С. С. Крыма, не без труда разыскав его дачу, весьма скромную: никто не знает, где он находится и когда вернется.

Поздно вечером отходим в Ялту. На заре спешу войти на палубу и тащу с собой Мусю. Море совершенно спокойное, и прогулка наша удалась приятная. Минуем Ак-Даг с Гурзуфом; слева вырисовывается Ялта. Оставляем багаж на пароходе и направляемся к родным. По дороге встречаем Дагмару – падчерицу С. С. Крыма; они только что прибыли из-за границы и помещаются пока на пароходе. Я очень доволен такой удачей, можно тотчас сдать все крымские дела и деньги бывшему премьеру крымского правительства. Увы! Мне так и не удалось застать его ни разу ни на пароходе и нигде вообще в Ялте. А дня через три их пароход ушел, как говорили, в Феодосию.

Впоследствии, когда с С. С. Крымом произошел скандал на пароходе Русского общества, я понял, почему его так трудно было повидать в Ялте: ясно, что он никому не показывался, выжидал хода событий.

Нельзя сказать, чтобы семья родных нам обрадовалась; к тому же у них не было свободного помещения, и в тот же день я вновь перебрался к старым своим знакомым, но на этот раз они уже поместили меня не в кабинете, как ранее, а в девичьей, маленькой комнатке около самой входной двери. В этой девичьей я и прожил более года, там и болел. По изумительной

скарденности хозяйки, которая была с большими средствами, печи у нас всю зиму не топились ни разу. Зима в 1919 году выдалась в Ялте лютая, с большим снегом, который пролежал целый месяц.

Я грел свою комнатку большой лампой, благо еще можно было доставать керосин. С каждым днем скупость моей квартирной хозяйки все прогрессировала: сначала она отпустила дворника, затем отпустила и кухарку, и во всем большом доме, состоящем из восьми комнат, мы остались одни. Было довольно жутко, ибо Ялта хорошо знала богатство этого дома, как бы хозяйка ни прикидывалась нищей. Сначала она сама все убирала и ставила самовар. Затем ей надоело, и она задумала свалить эти дворнички обязанности на меня. К этому времени, однако, в ее большом и пустом доме комнаты начали занимать по реквизиции, и с этими новыми жильцами мне довелось уже лучше наладить свою жизнь. Очевидно, они меня не считали за дворника.

Я предполагал сдать все крымские дела или бывшему правительству, или губернскому земству, о чем и написал С. С. Крыму и князю Оболенскому. Однако оба они отказались принять от меня дела, указывая на Особое совещание в Ростове при генерале Деникине. Я решил тогда, отдохнув немного в Ялте, проехать в Ростов в поисках занятий, так как средств к жизни у меня не было никаких.

Я еще из Анапы обращался с письмами в Ростов к Кривошеину, Савичу, Н. Н. Львову и Салазкину.

Откликнулся только один Салазкин, по партии кадетов. Остальные промолчали: ведь они сами были устроены, чего же им было заботиться обо мне? Список моих друзей пополнился: удивительно отзывчивые люди софракционеры!

Прежде чем выехать в Ростов, я получил телеграмму от инженера Чаева, что он просит меня покончить расчеты по обороне Крыма. Но сам он все не приезжал. Прождав его до конца октября, я решил съездить в Симферополь к губернатору Татищеву³⁶², чтобы он образовал или назначил какую-либо комиссию, которая могла бы ликвидировать все эти счета.

Двадцать девятого октября я был принят губернатором, не скажу чтобы любезно. В том же самом доме, в том самом кабинете, где два месяца тому назад заседало краевое правительство, губернатор очень саркастически отнесся к самому наименованию «Крымское краевое правительство».

– Что это за правительство? Разве оно вправе было давать вам поручения? Просто деньги у вас надо отобрать, и мы сами с ними распорядимся!

Таковы были результаты моих переговоров с губернатором Татищевым.

А между тем в Крыму находились деньги, выпущенные краевым правительством, и, наверное, в кармане самого губернатора были такие кредитки за подписью крымского правительства, и он считал возможным ими пользоваться, не задаваясь вопросом, что это за правительство.

На другой день я выехал обратно в Ялту.

А все же в Ростов ехать не миновать, ибо в Ялте мне делать нечего и жить не на что. И вот назначен день отъезда. Накануне мы условились с Серафимой Константиновной, чтобы она уложила на ночь все вещи и что рано утром я приеду за ними и мы отправимся на пароходе «Киев».

По дороге к себе на дачу захожу в кафе выпить чашку кофе. Вдали сидит студент, который прислушивается к разговору за соседним столиком об условиях жизни в Ростове.

– Извините, что я вмешиваюсь в ваш разговор, – прерывает он их. – Но я только что из Ростова, и ваши сведения не совсем точны! – И он делает им свои указания.

³⁶² Татищев Никита Алексеевич (1879–1948) – общественный и государственный деятель. В 1916–1917 гг. московский губернатор. В 1919 г. по назначению А. И. Деникина занимал должность таврического губернатора.

Меня очень заинтересовало расспросить его о жизни в Ростове, и я к нему подсел.

– А вы хотите ехать завтра на «Киеве»? Не советую вам, ибо «Киев» сильно заражен сыпным тифом. Лучше подождать следующего парохода.

А наутро Серафима Константиновна уже связала весь багаж. Она спешит проститься с родными. Хозяйка ее уже предвкушает новых жильцов.

– Никуда мы не едем, надо распаковываться!

Другого парохода нам, однако, дожидаться не удалось, он запоздал недели на две. А за эти две недели Ростов пал и занят был большевиками. Разве это не веление судьбы? Все было приготовлено к отъезду, все уложено. И все-таки мы туда не уехали. И к счастью, ибо выбраться оттуда при всеобщей панике и не имея официального положения нам бы не удалось.

Однако на что же жить в Ялте? Узнаю, что здесь еще один мой софракционер, бывший московский городской голова Н. И. Гучков³⁶³ – уполномоченный Красного Креста по Южному берегу Крыма.

Обращаюсь к нему с просьбой какого-либо платного занятия. По обычаю, и этот софракционер относится к моей просьбе довольно холодно и просит подать мой краткий *curriculum vitae*³⁶⁴.

– Но вы же меня знаете, Николай Иванович, как члена Государственной думы!

– Знаю, но этого мало; надо что-либо более практическое.

И это говорит брат руководителя партии октябристов, где я работал не покладая рук и в Думе, и в печати, и во время предвыборной агитации. Очевидно, здесь ни на какую помощь нечего рассчитывать. Так оно и оказалось впоследствии.

Одна знакомая дама спрашивает меня, состою ли я в Отделе снабжения, где, по ее словам, работает вся знать из беженцев с графом Апраксиным³⁶⁵ во главе. Начинаю разузнавать, что это за Отдел снабжения. Не при городской ли или земской управе?

Замечу, что еще раньше господин Келлер, влиятельный в Ялте кадет и земский гласный, предлагал устроить меня в земство. Он же снабдил меня рекомендательными письмами в Ростов. А ведь он был мой противник по партии и совершенно меня не знал, а полагался на Н. Н. Богданова.

Оказалось, что Отдел снабжения находится при Комитете содействия Вооруженным силам Юга России, где председателем действительно состоит граф Апраксин, бывший таврический губернатор, а затем секретарь императрицы Александры Федоровны. В Ялте он, видно, лицо: председатель городской думы, редактор местной газеты.

К нему-то я и обратился с просьбой устроить меня в Комитет. И он откликнулся на мою просьбу, хотя вовсе не был моим софракционером и не знал меня. Оказывается, что в Комитете нашлись знакомые мне люди: Катуар³⁶⁶ из Москвы, Бардыгин³⁶⁷ из Егорьевска и тот же Н. И. Гучков. Опять иду к Гучкову и прошу, чтобы он меня рекомендовал. Обещает немедленно переговорить с графом Апраксиным.

– Вам, вероятно, говорил про меня Николай Иванович Гучков? – спрашиваю графа при первом моем знакомстве.

– Нет, ничего не говорил! Да это не важно, ибо он у нас никакого влияния не имеет. Лучше постарайтесь склонить на свою сторону Катуара, – отвечает мне граф Апраксин.

Вскоре же я был избран заместителем Катуара, а когда он уехал в Париж, я занял его место заведующего финансами Комитета.

³⁶³ Гучков Николай Иванович (1860–1935) – общественный и политический деятель, брат А. И. Гучкова.

³⁶⁴ Жизнеописание, биография (*лат.*).

³⁶⁵ Апраксин Петр Николаевич, граф (1876–1962) – государственный деятель, действительный статский советник (1915). В 1920 г. таврический губернатор, председатель ялтинской городской думы.

³⁶⁶ Вероятно, имеется в виду Лев Львович Катуар (1864–1922).

³⁶⁷ Имеется в виду Петр Никифорович Бардыгин, брат М. Н. Бардыгина.

Процедура избрания в Комитет довольно сложная, требующая санкции Областного комитета в Новороссийске. Если бы не поручения крымского правительства, откуда я продолжал получать свои 3000 рублей жалованья, то жить нам втроем было бы совершенно не на что. И лишь в ноябре меня избирают членом Комитета, но пока без всякого содержания, так как все места в правлении заняты. Как-то перед заседанием сижу с нашим рязанским П. Н. Бардыгиным и печалюсь ему, что трудно жить безо всяких средств. Он проявил большую отзывчивость, чем очень меня тронул: он немедленно внес заявление в правление, что отказывается от должности заместителя заведующего финансами, имея в виду передать мне эту должность. В том же заседании меня и выбирают на эту вакансию. Таким образом, я уже получаю 100 рублей суточных от Комитета.

В начале декабря Катуар уехал из Ялты в Париж, и я вступил в его должность, так что материально я более или менее удовлетворен. Но морально не вполне, ибо председатель граф Апраксин вначале относился ко мне как-то странно, несколько третируя меня на заседаниях, давал мне какие-то нелепые поручения, например, проверить на месте расход контрразведки по нашим ассигновкам. На одном из заседаний наш милейший контролер генерал Стремоухов³⁶⁸ наконец не выдержал и заявил, что председатель не вправе давать мне такие поручения, ибо финансовая комиссия и ее заведующий является высшими органами управления Комитета. Я очень благодарен генералу. Впоследствии мы с ним очень сошлись, и он тепло относился ко мне во время моей болезни, когда меня все покинули в моей девичьей, и только он с сыном Митей и мой секретарь по Комитету Рофе, владелец известного пансионата в Ялте «Вилла Елена», меня навещали. А добрый Рофе даже собственноручно приносил мне обеды из своего дома.

Инженер Чаев все еще не ехал в Крым.

Говорят, сидел уже на пароходе, чтобы ехать в Ялту, но был экстренно вызван генералом Деникиным по служебным делам.

Тщетно прождав Чаева весь декабрь, я решаю наконец сдать все отчеты генералу Шиллингу³⁶⁹ в Одессе, по главному командованию. Перевожу туда оставшиеся у меня на руках суммы, что-то около двух миллионов рублей. Не судьба. Одесса эвакуируется, и вновь приходится вернуть деньги в Ялту.

Лишь в феврале наконец Чаев приезжает в Крым, но не в Ялту, а в Феодосию. По служебным своим обязанностям я никак не мог уехать из Ялты, поэтому высылаю ему деньги по его требованию в Феодосию для ликвидации расходов по обороне Крыма.

Впрочем, вскоре Чаев и сам приезжает в Ялту, он уже на ходу за границу. У него с компанией капиталистов зафрахтован большой пароход, нагруженный табаком, который они везут в Лондон. С большим трудом уговариваю Чаева, чтобы он взял на этот пароход и нас троих. Пароход довольно грязный, помещения для пассажиров устроены где-то в трюме. Не беда. Крым охвачен такой паникой, что недавно в трюме отвратительного грузового итальянского парохода уехали крупные богачи из Ялты: Златопольский, Яблоков, Бардыгины и др. Мне особенно было жаль, что уехал Бардыгин с женой, с которыми за это время я очень сошелся: она – бывшая балерина московского Большого театра³⁷⁰, очень молоденькая, прелестное и нежное создание, обожает своего мужа. Он также в ней души не чает. Я часто посещал их обыкновенно вечером за чаепитием, часто оставался и ночевать в пустой комнате их брата, бывшего в постоянных разъездах. Я был всегда рад переночевать в хорошо натопленной комнате после своей холодной комнатухи. Часто ночевал я и в Комитете, лишь бы быть в тепле.

³⁶⁸ Стремоухов Николай Петрович (1861–1938) – военачальник, генерал-лейтенант. В 1918–1920 гг. председатель контрольной комиссии Комитета содействия Вооруженным силам Юга России.

³⁶⁹ Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) – военачальник, генерал-лейтенант. В 1919 г. главноначальствующий Новороссийской области.

³⁷⁰ Имеется в виду Мария Карловна Невельская (1903–1971) – балерина Большого театра.

Вскоре после нашего приезда в Ялту начались собрания и совещания по поводу эвакуации: возлагались почему-то большие надежды на англичан. Но англичане уже сыты заботами о беженцах из Ростова, Харькова, Новороссийска, Одессы, Кубани, поэтому к просьбам Крыма они относятся довольно холодно, находя, что из Крыма эвакуироваться еще не время.

Впрочем, они присылали в Ялту два раза большие пароходы. Но пароходы эти уходили совершенно не заполненные, отчасти вследствие слабой информации крымского населения, а отчасти и ввиду неопределенного положения как в Крыму, так и за границей. Слухи слишком противоречивые: одни говорят, что англичане относятся к беженцам хорошо, другие – что очень плохо. Кому верить?

Приходил в Ялту прекрасный английский пароход «Рио-Нейро», но простоял лишь несколько часов, и с ним могли уехать только избранные. Принимали на пароход только по спискам, составленным нашим посольством в Константинополе.

Помню, что очень завидовали уезжавшим, завидовали комфорту парохода, где с раннего утра уже был сервирован стол с фруктами, винами и цветами; завидовали их безопасности и тем культурным условиям жизни, куда они едут от нашей грязи, холода и темноты, ибо Ялта не имела ни угля, ни дров, ни нефти; квартиры стояли нетопленые, электричество горело лишь в некоторые редкие дни, а улицы никогда не освещались. Взять ванну или пойти в баню стоило 800 рублей.

Я пытался устроиться с этим пароходом, но тщетно. Англичане, дававшие разрешение на выезд и ставившие визу, не хотели меня и слушать. А начальник Ялтинского гарнизона, обладавший в то время диктаторскими полномочиями, отправивший с этим пароходом свою семью, не захотел меня принять.

После нам передавали, что наша зависть была преждевременна и совсем неосновательна: англичане, продержав русских беженцев известный срок, предложили им возвратиться в Крым или устраиваться в Константинополе как хотят. Говорят, что многие русские сильно бедствовали в Константинополе, в том числе и семья начальника гарнизона, которой мы так завидовали.

С самого Рождества и до мая я все время не переставал хлопотать о выезде за границу. Я уже говорил о попытке моей уехать с пароходом Чаева; эта попытка была уже близка к осуществлению, если бы не одно обстоятельство: на пароходе заболела сначала девочка, затем и взрослая, были показания на тиф. При той грязи, которая была на пароходе, я не рискнул ехать с ребенком в столь дальний путь.

Не было почти ни одного парохода за границу, с которым я не вел бы переговоров об отъезде, но все не удавалось: то плата была непосильная, например полфунта с человека, т. е. по 5 рублей – до Константинополя; а на наши деньги выходило 300 000 рублей; то пароход был переполнен, то отходил внезапно, без всякого предупреждения.

Одновременно шли хлопоты и по начальству: самая выборка паспортов и заграничные визы отнимали массу времени, денег и тревог. У меня, например, были выхлопотаны визы: французская, греческая, сербская и польская. Потом оказалось, что эти визы ничего не стоят и что в Константинополе этих виз не принимают.

Образовалась даже небольшая группа, хлопотавшая о выезде в Польшу через Румынию по Дунаю. Группа эта в первую голову выдвинула меня как члена Государственной думы и всемирного любимца и певца Собинова³⁷¹, застрявшего в Ялте. Однако имена наши не подействовали, Румыния отказала.

Вообще вся масса наших беженцев, отправлявшихся на свой риск и страх, застревала в Константинополе, и дальше их никуда не пропускали. Жизнь в Константинополе на наши

³⁷¹ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – оперный певец. С 1897 г. солист Большого театра. В 1920–1921 гг. проживал в Крыму.

деньги стоила безумно дорого. Очевидцы, побывавшие там, передавали, что номер в гостинице стоит 2 лиры, или на наши деньги 60 000 рублей; обед – полторы лиры и т. д. Какими колоссальными средствами надо было обладать, чтобы жить в Константинополе!

Последняя моя попытка к отъезду за границу была в мае 1920 года. Так же, как и в Ростове, все было готово, документы получены, вещи уложены; оставалось сесть на извозчика и ехать на пристань. И опять судьба удержала. В это время Серафима Константиновна с Мусей жили в Ливадии, где по реквизиции им отвели хорошую комнату с водой, с электричеством. Но меня все точил червь, почему мы не едем за границу пока лето, пока тепло, пока море спокойно? Я наметил себе Польшу, или Ригу, или Финляндию. По дороге можно было попытаться счастья и в Сербии.

Наконец, все хлопоты по выезду окончены и день отъезда назначен. Билет до Варны у меня в кармане. Опять, как и перед отъездом в Ростов, я накануне условился с Серафимой Константиновной, что приеду за ними рано утром, чтобы все было уложено, чтобы не задерживать извозчиков. Накануне состоялось заседание правления, где я со всеми распрощался, выслушав приветствия, и пожелания, и благодарность; и даже расцеловался с коллегами. Багаж уложен. Все готово.

Поздно вечером отправляюсь попрощаться с Оловянишниковым, известным московским фабрикантом, нашим членом правления. Он пошел меня провожать и сообщил мне дорогой такие неизвестные еще мне сведения, что этот наш прощальный разговор решил все: я понял, что при нынешних обстоятельствах уезжать было бы нелепо. Я не спал всю ночь, продумав над этим вопросом. И тем не менее по инерции я продолжал готовиться к отъезду, я спешил на биржу нанять извозчиков. И, как нарочно, во всей Ялте – ни одного извозчика: объявлена забастовка. Иду в Ливадию пешком, там меня уже ждут готовые к отъезду. Дорогой еще и еще раз обдумываю свое решение и еще раз прихожу к убеждению в его правильности: за границу при данных условиях ехать положительно невозможно. И если бы мы в то время все-таки уехали, это было бы такой ошибкой, в которой я много раз бы раскаялся. Еще раз Провидение нас охранило.

Мы вторично остались в Ялте в самый последний момент, когда все уже было приготовлено к отъезду. Еще по дороге из Ливадии в Ялту с нами встретился граф Апраксин на автомобиле по дороге в Севастополь к генералу Врангелю.

– Счастливого пути! – кричит он мне, когда я уже решил остаться.

Но как объяснить в правлении мое внезапное решение остаться? Хочу свалить все на Серафиму Константиновну и Мусю, что они не могут ехать.

В Комитете несколько удивлены и как бы разочарованы. Так всегда случается после прощальных проводов, если отъезд почему-либо не состоялся. Опять вступаю в свою должность в Комитете, и на этот раз уже более прочно, ибо граф Апраксин в постоянном отсутствии, а я его замещаю.

Впоследствии все сведения из-за границы единогласно утверждали, что положение русских беженцев там очень плохое: кто застрял и бедствует в Константинополе; кто слоняется без дела на острове. В конце лета появились и обратные эмигранты: наш член правления Милованов с семьей. Встретил также в Ялте господина Пестржецкого³⁷², бывшего сановника в царском правительстве; совсем обтертый, исхудавший. Возвратился из Сербии, где жилось очень несладко. Бывший сановник существовал там с женой тем, что варил мыло в котелке на плите.

– А льготный обмен русских рублей? – спрашиваю его.

³⁷² Пестржецкий Дмитрий Илларионович (1867–1922) – государственный деятель, тайный советник, профессор Петроградского университета.

– Накануне отмены русские злоупотребляют им. Да и не прожить на 400 динаров в месяц, которые сербское правительство выдает русским беженцам в качестве пособия, принимают в обмен 1000 рублей, в то время как обычная цена теперь за 1000 рублей – два динара.

В это же время были получены мною ответные письма из Парижа от Маклакова, Катугара, графа Коковцова. Все в один голос твердят одно: не ездите, русским здесь живется очень плохо. Граф Коковцов для иллюстрации прибавляет, что он никак не может устроить даже своих близких родственников, которые сидят в Париже без дела, например сенатор Оом³⁷³.

Опять надвигаются осень и зима в Ялте. Прошлую зиму пережили кое-как, с грехом пополам, в холоде, без дров, без теплой одежды. Слава богу, не заболели. А теперь? Все подорожало: куб дров стоит один миллион рублей, сносные штилеты стоят 300 000 рублей. За очень плохие брюки я заплатил 45 000 рублей, а за подметки 50 000 рублей. Как мы проживем и как оденемся втроем?

Пробовал устроиться в Севастополе. Где там! Ни Кривошеин, ни Савич даже не считают нужным соблюдать вежливость и отвечать на письма.

В начале октября в Севастополе состоялось экономическое совещание с финансистами, приехавшими из-за границы. Были Барк, Гурко, Иванов³⁷⁴ и др. Граф Коковцов, старый матерый волк, не поехал. Я также выражал желание участвовать на этом съезде, но меня не пригласили, а пригласили таких «финансистов», как граф Апраксин, Семичев³⁷⁵, Савич. Пришлось ограничиться тем, что напечатал свой серьезный доклад для совещания в маленькой ялтинской газетке «Ялтинский вепрь».

Странная партия – октябристы: ни малейшей солидарности. Просто случайный конгломерат помещиков и купцов, объединенных имущественным цензом. При малейшем дуновении вся партия рассыпалась. Каждый сам за себя.

Жизнь в Ялте все дорожает под влиянием финансовых мер министра Бернацкого³⁷⁶. По моему предложению наше жалованье в Комитете автоматически повышается параллельно повышению курса на золото и в октябре достигает уже 90 000 рублей в месяц; но его не хватает нам, ибо один мясной обед стоит уже 3000 рублей.

Очень зло высмеял наше правление большой зубоскал ялтинский городской голова Иванов: он передал в виде рассказа, как он вернулся из заседания домой и начал хвастаться перед женой, что теперь он будет получать жалованье золотом. Жена была в восторге. Но когда выяснилось, что жалованья этого всего будет 5 рублей в месяц, то она прямо прогнала его из дому за такую дерзкую шутку.

А между тем оно именно так и было, и наши 100 000 рублей врангелевских «колокольчиков», как их тогда называли, именно и равнялись 5 рублям золотых.

Пробовал немного спекулировать и вошел скромным пайщиком в винное предприятие Мальцова³⁷⁷ в Симеизе вместе с другими компаньонами: графом Апраксиным, генералом Стремоуховым и пр.

На фронте очень непрочны; после мира с поляками большевики бросили свои войска на Крым: добить Врангеля.

Когда все это кончится и когда, наконец, я увижу своих детей, о которых так скучаю? За все время получил от них только одно письмо: пока все здоровы.

³⁷³ Оом Федор Федорович (1863–1945) – государственный деятель, тайный советник, сенатор.

³⁷⁴ Имеется в виду ялтинский городской голова И. И. Иванов.

³⁷⁵ Семичев Петр Владимирович (1871–1943) – финансист, общественный деятель. Член правления Тульского земельного банка.

³⁷⁶ Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) – экономист, государственный деятель, С июля 1917 г. товарищ министра торговли и промышленности. В сентябре – октябре 1917 г. министр финансов. В 1918–1920 гг. начальник управления финансов Вооруженных сил Юга России.

³⁷⁷ Мальцов Иван Сергеевич (1847–1920) – предприниматель, генерал от инфантерии.

Ялта. 9 октября 1920 года

Глава IV

Эвакуация Крыма. За границей

Ялта. 30 октября 1920 года

Как это могло случиться? Давно ли нас уверяли, что Крым – «неприступная крепость». И эта крепость пала в течение недели? Я думаю, что гости и участники экономического совещания в Севастополе не успели еще добраться восвояси, как телеграф принес известие, что Крым пал. Благо, что они еще успели выехать не в порядке эвакуации, иначе получился бы полный скандал. Недаром искусившийся граф Коковцов отклонил от себя честь участвовать в этом союзе финансистов.

Говорят, что председатель этого союза премьер-министр правительства Врангеля А. В. Кривошеин первый сел на корабль и «открыл» эвакуацию, согласно давнишнего своего уговора с генералом Врангелем.

Я не знаю, принесло ли бы участие Кривошеина в эвакуации несчастных крымских беженцев какую-либо пользу, но я не могу себе представить более бестолковых распоряжений, как этого «безглавого» правительства. Впрочем, ни о каком порядке не могло быть и речи, раз военные власти действовали по своему усмотрению, не считаясь ни с какими распоряжениями правительства генерала Врангеля.

Какого труда и каких хлопот стоило населению Ялты получить разрешение на эвакуацию и пропуск на мол, где приготовлен был пароход «Крым» – огромный транспорт, который мог вместить все население Ялты, всех желавших укрыться от мести большевиков.

Пропуск получен. Назначен день и час погрузки на пароход: 30 октября восемь часов утра. Едва ли кто спокойно спал эту тревожную ночь, когда, по слухам, большевики настигли уже нашу конницу в Алуште, в сорока верстах от Ялты.

Чуть свет, с первыми лучами теплого крымского солнца потянулись возы, тележки и носильщики к молу. Цены за погрузку достигли неслыханных размеров; чувствовалась какая-то агония врангелевских денег: два мальчика лет по двенадцать содрали с меня 40 000 рублей за то, что перетасили мои вещи с одного места на молу на другое. Знакомый рабочий из Ливадии выпросил у меня мешок муки (70 000 рублей) за то, что привез эти вещи на ручной тележке от квартиры до мола.

Когда вся отъезжавшая публика собралась уже на молу, ожидая посадки, было объявлено, что на пароход «Крым» она грузиться не может, так как пароход этот реквизирован (т. е. захвачен?) прискакавшими квартирными отступающей конницы генерала Барбовича³⁷⁸. Гражданской публике было объявлено, что она может размещаться по другим пароходам, уже переполненным, а именно: товарный итальянский пароход, затем старенький пароходишко, зафрахтованный князем Гагариным, погрузивший его знакомых; и, наконец, французский военный крейсер, стоявший на рейде среди бухты, куда, однако, допускали лишь по особому разрешению французских властей. Лодочники за перевоз на этот пароход за полчаса работы брали миллион рублей.

Я не мог заплатить этого миллиона, ибо у меня его не было; не мог получить и разрешение от французов. Но, к моему удивлению, на крейсере уже оказались граф Апраксин и генерал Стремоухов и даже Ростковский³⁷⁹, наш служащий в Комитете, при мне заплативший лодочнику миллион. Как попали мои любезные сослуживцы на этот запретный крейсер и почему забыли обо мне, брошенном на молу с ребенком? А между тем как уговаривались дружно держаться друг за друга и быть вместе во время эвакуации! Истинные друзья познаются в несча-

³⁷⁸ Барбович Иван Гаврилович (1874–1947) – военачальник, генерал-лейтенант. С 1918 г. в Добровольческой армии.

³⁷⁹ Ростковский Георгий Николаевич (1872–1931) – военачальник, генерал-майор.

стве. Как мало оказалось этих истинных друзей. Даже бухгалтер наш, Тверитинов, в конце концов притащил ко мне мешок с бухгалтерскими книгами и документами, а сам благополучно скрылся, погрузившись с женой на пароход для больных и раненых «Георгий». Наши родственники в качестве военных (?!) погрузились все-таки на пароход «Крым» всей семьей, куда нам, смертным, вход был запрещен.

Ночь уже надвигалась. Приходилось ночевать на молу под открытым небом. Нельзя было отлучиться от последнего своего достояния – багажа и рискованно было вообще удаляться с мола от пароходов. Так и улеглись на собственном багаже, укрывшись бараными шкурами, выброшенными с какого-то парохода, кажется, с большого «Георгия».

Ночь была свежая, моросил дождь, дул сильный ветер. Но Муся, укрывшись около бабушки, проспала до утра без просыпу, и все время нашей нудной эвакуации она так спала, завернутая во что попало, как кулечек. Как кулечек и сваливалась на палубу, не просыпаясь. Бог хранил ребенка.

Почти всю ночь я проходил по молу. На молу ночевало много народу, и это придавало мужества: вот городской голова Иванов на своих сундуках, вот князь Щербатов³⁸⁰ на своих мешках с мукой, направлявшийся в Сербию, как будто там нуждались в этой муке!

К утру все пароходы ушли, кроме «Крыма». Но на «Крым» нас не пускали ни под каким видом, как я ни хлопотал. Утром с «Крыма» показался полковник З. и остановился с нами на два слова по дороге в город за хлебом. В этот день хлеб в городе продавался только офицерским чинам, и если бы полковник З. не уступил нам из своего пая полхлеба, то нам пришлось бы очень плохо без еды: следующие три дня нас только и выручали этот хлеб и сало, захваченное мною на дорогу из Комитета.

В душе поднималось чувство протеста и негодования: как конница, военная сила, которая призвана защищать и охранять население от неприятеля, сама первая удирает с поля битвы, оставляя без всякой помощи беззащитное, безоружное население! Конница эта, грозная сила, снабженная оружием, пушками, бронированными автомобилями, удирает как заяц и, пользуясь нашей беззащитностью, отнимает у нас предоставленный нам пароход только потому, что сила на ее стороне.

Положение наше становилось все тревожнее: все эти уверения, что за нами придут еще какие-то пароходы, что они уже идут, казались баснями, успокаивающими, усыпляющими нашу тревогу. В таком же положении, как мы, остались на молу и Челищев³⁸¹ с большой семьей, и братья-двойники Чебышевы-Дмитриевы, и много других. Было тревожно на душе и до горечи обидно: так вот к чему привел меня Комитет содействия Русской армии генерала Врангеля: с одной стороны, генерал Барбович, представитель этой армии, отбивший у нас пароход, назначенный для нашей эвакуации; с другой – товарищи сослуживцы, проскочившие какими-то неведомыми путями на иностранный пароход и бросившие меня на молу со всем казенным имуществом. Впрочем, наш казначей забрал с собой все казенные деньги – куда девалась вся их заботливость об этом имуществе, о судьбе Комитета, о его средствах, все их слова и уверения, чтобы Комитет держался дружно? Если бы предвидеть такое вероломство, то лучше бы остаться в Крыму, заблаговременно выехав из Ялты в другое место, как сделал Собинов, переехавший в Балаклаву.

Тяжелые мысли, тяжелые ожидания, тяжелая ночь. Не дай Бог переживать такие минуты!

Около полудня вдруг пронесся слух и пронизал всех каким-то электрическим током: идет пароход! Все ближе. Можно уже различить, что это «Константин». Еще минуты тревожного ожидания, не переполнен ли этот пароход? Наконец, «Константин» подходит. Нет, он совер-

³⁸⁰ Щербатов Николай Борисович, князь (1868–1943) – общественный и политический деятель, действительный статский советник (1913). В 1915 г. министр внутренних дел.

³⁸¹ Челищев Петр Федорович (18989–1957) – художник, основатели мистического сюрреализма. Служил картографом в армии А. И. Деникина.

шенно свободен, и на борту у него французская стража – сенегальцы. Трудно передать то чувство облегчения, радости и сознания, что опасность миновала, которое принес с собой этот пароход.

Добряк и толстяк полковник Лисунов, помощник коменданта города Ялты, проходит среди рядов взволнованной публики и успокаивает всех, что ни один человек не будет оставлен на молу, что пароход не двинется, пока все не будут на него посажены. Слезы радости невольно выступают на глазах. Осеняешь себя крестом с глубоким благоговением.

Идут часы. День уже клонится к концу, на дворе уже вечер, а посадка все продолжается, и народу на молу все еще много, как будто и не убавляется. И все идут какие-то военные части; больные и раненые из лазаретов, кадеты из корпусов, таможенные чины, комендатура и т. д. Опять военные впереди гражданских. Убийственная сила привычки, как в очередях за хлебом, так и покидая поля сражения.

На мол въезжают все новые и новые партии бронированных автомобилей, новеньких, с иголки. Автомобили становятся в ряд у самого моря, как бы в ожидании новых хозяев. А вдали уже слышится какой-то гул: может быть, это конница Барбовича? Насколько в ней сохранилась дисциплина и не сбросит ли она всех нас в море, если ей понадобится еще и этот пароход «Константин»? А толпа перед пароходом все не редет и плотным кольцом не пропускает никого. На пароходе виднеются уже наиболее юркие и расторопные: вот городской голова Иванов, вот генерал Петров с семьей, да еще с какой!

Эвакуация нашего парохода попала в грубые руки местной комендатуры. Эти дикобразы вообразили себя боевыми героями, а нас всех подвластными пленными. Особенно отличались своей грубостью господ ротмистры. Эти герои тыла забыли, как за канцелярскими столами они скрывались от боя на фронте, они забыли, что вся эта эвакуация сама по себе позорна для военных, не оказавшихся на высоте положения и сдавших даже столь неприступную крепость, как Крым. Они изощряли свою грубость и жестокость над беззащитными жителями, попавшими в эту крымскую ловушку. Они кричали на публику, боязливо жавшуюся к мосткам, и поминутно поднимали трап, грозя совершенно прекратить посадку на пароход, сами, между прочим, находились уже на борту в полной безопасности. Этим они лишь усиливали панику среди мирных жителей, испуганных перспективой близкой встречи с большевиками. Они не позволяли брать с собой багаж – последние жалкие остатки имущества несчастных беженцев, а впоследствии оказалось, что трюм пуст, и что пароход не может выйти в море из опасности перевернуться вверх килем. И вот трюм нагружают невыделанными овечьими шкурами, брошенными на берегу, между тем как там же, на молу остаются в пользу большевиков драгоценные грузы готового белья, материи и чемоданы отдельных пассажиров.

Я сам еле-еле попал на трап, несмотря на свое звание товарища председателя Комитета содействия русской армии, и то лишь благодаря заступничеству городского головы Иванова, держа лишь ручной багаж. Я думал, что вещи наши на молу пропадут и мы выедем совсем нищими. В те тревожные минуты о багаже очень мало думалось. Но мальчишки-носильщики как-то проскользнули на пароход, разыскали нас и взялись за 80 000 рублей втащить наши вещи. И втащили, ухитряясь как-то лавировать между сплошной стеной обезумевшей от страха толпы.

– Нет ли у вас займы? – обратился я к Н. С. Мальцову³⁸², стоявшему неподалеку от меня. – Мне не хватает заплатить носильщикам.

– Вам сколько нужно?

– Да тысяч сто!

– Пожалуйста. – И эти сто тысяч передаются, как раньше ссужался один рубль.

³⁸² Мальцов Николай Сергеевич (1849–1939) – предприниматель, основатель Симеизской обсерватории.

Одна доставка вещей на пароход мне стоила около двухсот тысяч рублей. В то время сумма эта все же казалась чрезмерной, жалованья-то я получал ведь всего 90 000 рублей в месяц. Потом мы уже начали привыкать к новым деньгам за границей, где врангелевские деньги расценивались, например, в Греции – по полдрахмы, т. е. 19 копеек за 10 000 рублей. Турецкие торговцы на фелюгах, постоянно окружавшие наш пароход в Константинополе (кардаши), не без шика завертывали халву в тысячные врангелевские билеты-колокольчики и подавали сверток на палубу, подчеркивая тем ничтожность русских денег. Они их и не брали.

Наконец погрузка «Константина» окончена. Поздно вечером мы готовимся отойти на рейд и там ожидать событий. По пароходу в это время проносится весть, что кочегары и команда потихоньку убегают с парохода и что их осталась только половина. Отдают распоряжение к каждому кочегару приставить по одному сенегальцу и по одному юнкеру.

Снимаемся с якоря уже в темноте. Располагаемся на палубе под открытым небом прямо на полу. Ротмистр требует из публики рабочих в трюм рассортировать багаж. Замечу здесь, что с самого нашего вступления на трап парохода всякие общественные различия сразу утратились, мы все превратились в безличных беженцев, над которыми мудрили и мудрствовали господа ротмистры из комендатуры. Нелепо, например, было требовать, чтобы мы спускались в трюм перетаскивать тюки багажа, в то время как палуба была запружена здоровенными молодыми солдатами.

Спускаюсь в трюм и все время тревожусь, чтобы на пароходе не сделали нападения из конницы Барбовича. В трюме работы никакой нет, багажа очень мало, и он уже разобран по местам. Какой-то молодой офицер с фронта рассказывает окружающим подробности отступления с Крымского перешейка. Подробности изумительные. Оказывается, красная конница Буденного³⁸³ перешла по морю яко по суше, ибо Сиваш³⁸⁴ действительно был сух. Бывали такие явления, что ветер отгонял всю воду Сиваша от берега к морю. Это совпало как раз с морозами, которые сковали вязкое дно Сиваша и дали возможность Буденному пройти в тыл наших войск на перешейке, не замочив ноги. Неожиданное появление Красной конницы в тылу произвело смятение и панику в наших войсках, и «неприступный Крым» был сдан в течение нескольких дней.

– Какое же мы дерьмо! – сказал мне С. Н. Чаев, встретившись со мной на пароходе.

Я промолчал. Если такие явления на Сиваше бывают, то их надо было предвидеть. Где же пресловутая неприступность Крыма? И почему за два дня, ровно за два дня до эвакуации официальное сообщение гласило, что враг откинут, прижат к морю и все обстоит благополучно?

Когда мы выходили на рейд, он светился уже огнями ранее вышедших судов. А навстречу нам в Ялту шел еще пароход «Русь» за оставшимися беженцами, так что уехали все, кто хотел; и все тревоги и вся паника, которые мы пережили перед пароходом «Константин», была напрасной. Наш пароход, однако, на рейде не остановился, а проследовал прямо в Константинополь. Погода была свежая. Качало. Я весь день пролежал без движения и без жизни.

2 ноября. Константинополь

Рано утром 2 ноября, через полтора суток, мы пришли в Константинополь. Все пережитые тревоги улеглись, как и качка. Можно было спокойно любоваться видами Босфора, Ильдиз-Киоска³⁸⁵, Святой Софии³⁸⁶, Золотого Рога³⁸⁷, Стамбула. На нашем пароходе оказался

³⁸³ Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник. С ноября 1919 г. командовал 1-й Конной армией.

³⁸⁴ Сиваш – залив на западе Азовского моря, отделяющий Крымский полуостров от материка.

³⁸⁵ Имеется в виду дворец в Стамбуле, резиденция султанов Османской империи.

³⁸⁶ Имеется в виду собор Святой Софии в Стамбуле.

³⁸⁷ Речь идет о проливе, впадающем в пролив Босфор.

князь Путятин³⁸⁸, вице-адмирал, человек бывалый и знакомый с Константинополем. Он давал объяснения окружавшей нас дивной панорамы. Действительно, картина оригинальная и невиданная. И тем не менее посетить эти места меня нисколько не прельщало, как ранее, так и теперь. Да и настроение было несоответствующее: с нетерпением ожидали, что вот-вот нас высадят где-либо на островах или в Сан-Стефано.

Но дни проходили, а мы все стояли на одном месте, на рейде в гавани Мода на Мраморном море. На наше счастье, погода все время стояла тихая и теплая и никакой качки не было. Понемногу наладилось продовольствие, но первые три дня нам пришлось поголодать, ибо, кроме кипятка, на пароходе ничего нельзя было достать. Около парохода с утра до ночи причаливали лодки кардашей с белым хлебом, сардинами и разными турецкими сладостями. Но цены были очень высокие, к которым мы еще не привыкли, и мысль невольно возвращалась к крымским ценам и к крымским деньгам. Мне пришлось купить у кардашей два белых хлеба за «катеньку», за сто царских рублей. В переводе на врангелевские деньги это стоило несколько десятков тысяч рублей. При всей казавшейся дороговизне мы все же платили в Ялте не дороже 500 рублей за фунт белого хлеба.

Раньше всего на пароходе наладилось кормление детей горячей похлебкой из мясных консервов, реже кашей из конденсированного молока. Горячее участие и большую опытность здесь проявил господин Кувака, который в Ялте казался таким никчемным. Дети, получавшие горячую пищу на пароходе, были обязаны исключительно ему, а не тем горлодерам, которые издевались над публикой при посадке, а затем прекомфортабельно расположились по отдельным каютам со своими домочадцами, бросив нас на палубе под дождем и ветром.

Наблюдая эту распущенную банду, начинаешь понимать, почему Врангель проиграл кампанию. Он не мог ее не проиграть, имея в своем распоряжении таких исполнителей. Не прошло и двух-трех дней со времени нашего бегства из Ялты, как военная молодежь начала устраивать на палубе концерты самых неприличных песен вроде: «Испорчен мой мотор».

Не говоря уже про тот диссонанс, который вносило это разухабистое пение в наше подавленное настроение, в ту грусть, которая, казалось бы, прежде всех должна была коснуться именно военных, бросивших поле сражения. Наш пароход был полон детей, которые должны были выслушивать эту оргию неприличных концертов. И лишь по нашему настоянию начальство прекратило это безобразие.

Постепенно ночи становились все холоднее, и Серафима Константиновна с Мусей, опять-таки при содействии все того же доброго Куваки, перебрались вниз, в каюту второго класса, на место семьи князя Щербатова, который выбрался со всей своей огромной семьей, прислугой и с огромным багажом в Константинополь, рассчитывая оттуда проехать в Сербию «пахать землю и разводить свиней».

На такой шаг, имея в кармане каких-нибудь 200 лир, а на руках Серафиму Константиновну с Мусей, я никак не мог решиться, хотя Серафима Константиновна очень этого добивалась.

Пришлось и мне позаботиться о более теплом ночлеге, о каком нечего было и думать, когда другие спали прямо на полу в коридоре или на лестнице на ступеньках, вставая при каждом проходившем.

Наш добрейший толстяк Лисунов предлагал мне каюту на кубрике, где были сложены матрасы. Но служитель предупредил, что эти матрасы кишат вшами, и я предпочел вернуться на палубу. Вероятно, по этой причине эти каюты на кубрике и были свободны. Более нахальные захватывали себе целые диваны, и какой-то прапорщик не стеснялся разваливаться на диване, тогда как седой полковник спал у него в ногах на полу. Наконец, нашел и я себе местечко в тепле, в кают-компании, на полу, в проходе к лестнице, причем всю ночь через меня шагали

³⁸⁸ Путятин Николай Сергеевич, князь (1862–1927) – контр-адмирал.

все, кому нужно было спуститься вниз, в клозет. Но сон брал свое, и я спал даже на этом проходе, подложив под себя бурку. Скверно было соседство одного полковника, старичка с фронта, который чесался не переставая и был обсыпан вшами, ловил их впотьмах наугад и который как раз оказался моим соседом на полу. Как ни сторонился и ни остерегался я этого вшивого соседа, сон не разбирает опасности, и, очевидно, старый полковник успел-таки наградить меня несколькими, которые так долго потом отравляли мне жизнь, вызвав болезнь кожи.

Когда вспоминаешь теперь нашу жизнь на «Константине», то удивляешься выносливости и приспособляемости человека: вылежав ночь на своем логовище, идешь бывало к борту на палубе умываться, зачерпнув воду в чайниках прямо из моря; и дамы, и дети, все совершали так свой туалет. С тем же чайником идешь в очередь к крану за кипятком. Чаепитие где-нибудь в углу на лавочке, с салом, с сухим хлебом, на который жадно косятся те, кто не имеет даже сухого хлеба. Из-за этого сала я чуть не нарвался на скандал, когда какой-то солдат на палубе пожелал быть участником нашей скромной троицы, а умный ротмистр вполне одобрил это его желание: пусть каждый делится своими запасами. Интересно было бы знать, на сколько минут хватило бы тогда этих моих запасов, которыми мы втроем кормились три дня. Интересно было бы заглянуть в каюту коменданта, какие у него там были запасы?

Мы простояли на рейде Мраморного моря почти две недели, по 13 ноября, каждый день ожидая высадки на берег или отплытия в какую-либо другую страну, готовую нас принять. Но в том-то и беда, что такой страны не оказывалось. Отношение к нам англичан выразилось вполне определенно с самого момента ухода их военных судов из Крыма, тотчас после поражения армии Врангеля: англичане умыли руки в судьбе армии Врангеля, говоря, что они предупреждали не затевать этой крымской авантюры, их не послушали; сами в том виноваты, сами пусть и разбираются в последствиях своей ошибки.

Французы были явно ошеломлены этой катастрофой «неприступного Крыма», они настолько ее не ожидали, что несколько дней не могли наладить в Константинополе наше продовольствие, хотя пекарни, мука и консервы были у них готовы еще со времени великой войны; французские власти растерялись, когда с Босфора потянулась длинная флотилия крымских судов с армией и беженцами. Вероятно, со времени войны гавань Мода не видела такого количества судов, столпившихся целым городом с десятками тысяч голодного населения.

Во всяком случае, французы, идя до поры до времени на помощь продовольствием, никак не хотели высаживать русских беженцев на свою территорию и искали приют русским среди малых государств Балканского полуострова, в Сербии, Болгарии, Греции, Румынии, Турции. Но эти малые государства еще более были напуганы таким скоплением русских беженцев и также упирались.

Этим и объясняется наше долгое стояние в гавани Мода в Константинополе. От нечего делать на пароходе составлялись какие-то комитеты, какие-то списки желающих ехать в ту или иную страну. Собирались сходки, говорились речи, ссорились из-за продовольствия, из-за той милостыни, которую нам давали французы. А в промежутках пили чай и варили похлебку из консервов. Маленькой Мусе посчастливилось: ее полюбил помощник капитана парохода и приглашал ее покормить в его каюте мясом и сладостями. Помня о своих детях в России, он ее ласкал и давал ей игрушки.

Наконец, 13 ноября – радостная весть: мы все, невзирая ни на какие списки, где некоторые выражали желание ехать в Париж, другие – в Лондон, а третьи – в Нью-Йорк, направляемся тотчас в Румынию, в Констанцу, где ждет нас ласковый прием королевы³⁸⁹.

³⁸⁹ Румынская королева по своей матери, великой княжне Марии Александровне, доводилась двоюродной сестрой Николаю II.

Адмирал князь Путятин разыграл, как боевая лошадь при звуках трубы. Благодаря морганатическому браку своего племянника с одной из великих княжон³⁹⁰ он считал себя родней всему царствующему дому Романовых, а в том числе и родственником румынской королевы. Вероятно, по этому родству он и назначен был на этот рейс комендантом парохода «Константин», ибо генерал Глобачев³⁹¹ со своей свитой ротмистров благополучно выкатился на берег Константинополя в чайнии каких-то теплых мест. Князь Путятин тотчас занял каюту первого класса, пригласил к себе в помощники графа Толстого³⁹², бывшего петербургского вице-губернатора, и под этой обновленной командой мы двинулись в ту же ночь в Констанцу.

«Под сводами Констанцского собора»...

14 ноября мы уже в Констанце. Мы настолько уверены в радушном приеме, что заранее отправляем благодарственную телеграмму королеве³⁹³, благодаря ее лишь за гостеприимство румынского народа.

Однако мы стоим у пристани уже несколько часов, а нас что-то никто не встречает. Приезжал на моторе какой-то черномазый человек, оказавшийся мелким чиновником, и опять уехал. Никого. Наши вожди князь Путятин и граф Толстой не выдерживают и отправляются в город. Что они там делали и как их там встречали – неизвестно. Но вернулись они очень раскрасневшиеся, и Путятин прямо улегся спать. В чем же дело? Румынские власти, дескать, офрагированы³⁹⁴ нашим «неожиданным» прибытием и ждут инструкций. Ждем мы их день, другой. Князь Путятин ежедневно съезжает на берег «по делу» и ежедневно возвращается смущенный и красный, как клюковка. Наконец румынские власти появляются: все обстоит великолепно; в первую очередь снимают с парохода женщин и детей, и для них уже готов летний отель на штранде³⁹⁵, сейчас пустой.

Среди радостных восклицаний слышится на пароходе и ропот: как же жен разлучат с мужьями? Мы на это не согласны. Князь успокаивает этих «парных». Между тем время не ждет, близко вечер, а высадки все нет. Наутро новая перемена. Пришло распоряжение из Бухареста: отправить всех в Тульчу³⁹⁶. Где это Тульча? В гирлах³⁹⁷ Дуная, недалеко от Галаца³⁹⁸. Но мы не желаем в Тульчу, мы хотим в Констанцу, в отель на штранде!

Пока мы волновались, а князь Путятин постепенно краснел на берегу, капитан парохода решил своей властью, что в Тульчу он не пойдет, ему не хватит угля на обратный рейс; в Тульче же грузиться нельзя, ибо пароход останавливается на рейде. К тому же в тех местах небезопасно и от большевиков из России.

Еще ночь волнений, тревог и ожиданий. Еще какие-то проекты телеграммы румынской королеве, родственнице князя Путятина³⁹⁹. И еще новое распоряжение румынских властей, на этот раз уже более решительное: оставить румынские воды.

³⁹⁰ Князь Сергей Михайлович Путятин был женат на великой княжне Марии Павловне, двоюродной сестре Николая II. (Королева-консорт Мария Эдинбургская была дочерью великой княжны Марии Александровны, дочери императора Александра II.)

³⁹¹ Глобачев Константин Иванович (1870–1941) – полицейский деятель, генерал-майор.

³⁹² Толстой Мстислав Николаевич, граф (1880–1950) – государственный деятель. Брат писателя А. Н. Толстого. В 1915–1917 гг. петроградский вице-губернатор.

³⁹³ Мария Александра Виктория (1875–1938) – английская принцесса, дочь принца Альфреда Эдинбургского, жена румынского короля Фердинанда I, с 1914 г. королева-консорт.

³⁹⁴ Так в тексте.

³⁹⁵ Strand – пляж (нем.).

³⁹⁶ Тульча – город в Румынии, в области Добруджа.

³⁹⁷ Гирло – рукав или проток в дельте крупной реки.

³⁹⁸ Галац – порт в Румынии, в устье Дуная.

³⁹⁹ Имеется в виду родство принцессы Марии Эдинбургской с династией Романовых.

Вот тебе и отель на штранде! Вот тебе и телеграмма великой королеве, забывшей своего родственника!

Почему все это произошло, не знаю и судить не берусь. Вероятно, по бестолковости властей, распорядившихся эвакуацией. Во всяком случае, 20 ноября мы вновь бросили якорь все там же, в гавани Мода на рейде Мраморного моря.

Среди русской администрации царила полная бестолочь; достаточно сказать, что власти наши не только не были немало смущены нашей праздной, глупой, ненужной поездкой в Констанцу, поездкой, которая лишь компрометировала русское имя и русскую власть, но наш веселый комендант получил еще нагоняй, как он осмелился уйти в Констанцу, не забрав с собой с одного парохода еще 1800 беженцев. Глупее трудно что-либо придумать.

Опять гавань Мода, опять Константинополь, опять неопределенное будущее. Нервы не выдерживают и требуют какого-то исхода. Решаюсь слезть с парохода и посетить Константинополь, нельзя ли устроиться там? Лодочник берет по одной лире с человека: 100 000 рублей на наши деньги. Все равно еду. Меняю на набережной в Константинополе тысячу марок, получаю 18 с половиной лир. Чтобы понять, как это мало, достаточно сказать, что за обед в дешевом (sic) русском ресторане я заплатил 70 пиастров, т. е. 70 000 рублей, парикмахеру за бритье – 35 пиастров; одно пирожное стоит 5 пиастров. Вспоминая ялтинские цены, которые так ужасали нас своей дороговизной, поражаешься их дешевизне: в Ялте можно было пообедать за 3000 рублей, парикмахер брал 500 рублей, а пирожное стоило 300 рублей.

Ясно, что цены Константинополя нам не по карману: надолго ли хватит нам здесь моих 200 лир? Константинополь не произвел на меня никакого впечатления. Конечно, очень приятно было расправить отекавшие члены, почиститься, помыться и погулять по улицам большого города после долгого сидения на пароходе. Но город, как это ни странно, напомнил мне нашу Москву: такой же грязный, бестолково шумный, кривой и некультурный. Вот наша Ильинка – Галата⁴⁰⁰, вот Тверская – Пера⁴⁰¹, вот Замоскворечье и Болотная набережная у моста, а вот и наши знаменитые кривые и безымянные переулки с отчаянными тротуарами и тупиками.

Конечно, я имел слишком мало времени и денег, чтобы хорошо познакомиться с городом, я не был в Стамбуле и не видел его храмы, дворцы и базары. Но европейская власть города – ниже всякой критики, заполнена оборванными русскими, вид которых приводит в ужас.

Вероятно, в другое время меня поразил бы вид Золотого Рога, разделяющего широким проливом европейскую часть города от Стамбула и напоминающего своей ширию и мощью нашу Неву. Вероятно, я побывал бы и по ту сторону Босфора, на Адриатском берегу, в Скутари⁴⁰². Но теперь до тошноты сытый морем в самых разнообразных его видах, оттенках и освещениях, я больше интересовался сушей, чем водой. На душе было тяжело, не до туризма.

Надо было порадовать чем-нибудь Мусю с бабушкой, которые с нетерпением ждали меня на корабле. Купил им сластей, вина, одеколону целый литр, ибо на пароходе они заросли в грязи, и для Муси куклу за 1 лиру. Однако лиры тают быстро, надо спешить на пароход.

Еле разыскал на Пера магазин московского товарищества – Милованова, Ростовского и других своих сослуживцев из Ялты. Как и следовало ожидать, Ростовский сразу накрылся хвостом: моя хата с краю, ничего не знаю. Милованов – более внимателен и сказал мне, что если я внесу пай в 200 лир, то могу быть принят в их товарищество компаньоном, но с неопределенным дивидендом, может быть, и до 40 % в месяц. Как было в Ялте. Здесь они открыли такой же магазин случайных вещей на комиссию и сами все стали за прилавок.

⁴⁰⁰ Галата – район в европейской части Стамбула.

⁴⁰¹ Имеется в виду район Бейоглу в европейской части Стамбула, который до начала XX в. назывался Пера.

⁴⁰² Имеется в виду Ускюдар, район в азиатской части Стамбула.

Неужели и мне становиться за прилавок? Надо подумать. А где-то не переставая слышатся глухие пушечные выстрелы, напоминающие, что Кемаль-паша⁴⁰³ существует и где-то близко.

Великая радость была на пароходе, когда я привез свои подарки: эта поездка оживила не только меня, но и ребенка, которого некому побаловать и который давно мечтает о такой кукле с локонами и мигающими глазами.

Чтобы покончить с Константинополем, скажу, что я был там еще раз, разыскал там при посредстве Чаева Н. Н. Богданова в Земском союзе. Но прежнего Богданова уже не было: быть может, после потери единственного сына его прежняя энергия упала; быть может, он сильно озабочен был судьбой своих родных, которых он должен был вывезти из Крыма и где-нибудь устроить. До Колчака он не успел доехать и вернулся обратно, попав в эвакуацию.

Надежда моя, что мне поможет Земский союз в изыскании занятий, пала. Надо было надеяться только на себя, как мне дружески посоветовал всегда бодрый Чаев.

Не простояли мы и трех дней в гавани, как пришло распоряжение пересадить всех пассажиров с «Константина» на «Херсон» – огромный транспорт, донельзя переполненный и людьми, и вшами. Наша женщина-врач заявила, что на «Херсоне», как ей известно, были случаи тифозных заболеваний и что переселение туда новых пассажиров небезопасно. Публика на «Константине» встревожилась и возмутилась. Появилась какая-то комиссия, которая отправилась на «Херсон» для осмотра и переговоров.

Между тем «Константин» уже причалил к «Херсону», и публика, один за другим, начала перебираться и переносить вещи, чтобы занять лучшие места. Комиссия вернулась с успокоительным известием, что на «Херсоне» все обстоит благополучно и что нам отведена самая верхняя палуба, совершенно свободная от пассажиров. Светило и грело солнце, и мы заняли места на палубе под открытым небом 22 ноября (5 декабря нового стиля), т. е. глубокой зимой.

На «Херсоне» нам пришлось пробыть шесть дней, и как ни пригревало солнышко днем, ночи были очень холодные и спать на палубе было почти невозможно, особенно когда моросил дождик или дул сильный ветер. Я окончательно не мог спать на воздухе в ночном холоде и каждую ночь часов с десяти я спускался вниз, где проходили паровые трубы, и грелся около них, заняв место в очереди за утренним кипятком, который раздавали часов с шести или семи утра. Всю ночь напролет я проводил на ногах. Впоследствии ко мне присоединились какие-то генералы и офицеры, так что образовался тесный кружок у кипятка. Иногда среди ночи мы отправлялись греться у паровика, где обращал на себя внимание в роли простого машиниста бывший командующий армией генерал Эверт⁴⁰⁴: в высоких сапогах, в рабочей блузе похаживал он между своими машинами, вероятно, так же, как он похаживал и на своем высоком посту среди боя.

Все коридоры были завалены спящими телами. Здесь по ночам происходили и торжища, где офицеры продавали туркам-кардашам последнюю свою шинель, френч или сапоги, прямо-таки за ничто, например, шинель английскую, новую, за лиру. На пароходе развилось страшное воровство, поэтому и цены были так сбиты, поэтому и торг происходил ночью, поэтому и кардаши озирались, как затравленные. При мне однажды ночью по палубе пронесся стрелой молодой военный, а за ним в погоню кричали: «Держите вора!» Мой сосед на палубе схватил его за шиворот. Оказалось, он шарил ночью в каюте в темноте, собирая все, что попадет под руку. Какая-то дама случайно проснулась и подняла крик, а вор опрометью бросился вон, бросая по дороге все украденное. Задержанный, он был отправлен под арест.

⁴⁰³ Ататюрк (Atatürk) Кемаль Мустафа (1881–1938) – турецкий государственный деятель. С 1921 г. Верховный главнокомандующий.

⁴⁰⁴ А. В. Еропкин ошибается. А. Е. Эверт окончил свои дни в Смоленске. Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926) – военный деятель, генерал от инфантерии (1911). С начала Первой мировой войны командующий 4-й армией. С 1915 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. В 1917 г. уволен со службы.

Как я ни остерегался, но вши меня сильно беспокоили, не помогало и обтирание дезинфекционной жидкостью, взятой мною на дорогу, тем более что обтирание это было очень неудобно производить, приходилось проделывать его в клозете, спешно, кое-как, ибо всегда ждала очередь, даже ночью. К тому же и клозеты кишели вшами, где их ловили и бросали прямо на пол.

Наконец, и я не выдержал без сна. Я чувствовал, что сердце замирает и что я близок к обмороку. По совету одного знакомого москвича спустился в трюм, в самую преисподнюю, наскоро приспособленный для жилья.

– А что, тут нет вшей? – спрашиваю у обитателей, поселившихся там раньше меня и успевших уже организовать там хор и оркестр балалаек.

– Сколько угодно! – отвечают.

Выбираю себе местечко на какой-то железной печке, заброшенной в углу, и кое-как прижимаюсь на ночлег. Не тут-то было: чувствую зуд в теле. Это ужасное чувство, когда по вам что-то ползет, вы протягиваете руку и даже в потемках, наугад, ощупываете насекомое – крупную отъевшуюся вошь. Но сон берет свое; просыпаюсь уже под утро, значительно подкрепленный даже этим спаньем на старой чугунке. Удивительно, как нас берегла судьба и как мы не заболели тифом среди этих мириадом вшей. Никогда не забуду этого кошмара. А больные тифом в лазарете все же были.

Двадцать восьмого ноября нам наконец подали пароход «Оскар» для желающих следовать в Грецию, в Салоники. В Греции проживала вдовствующая королева Ольга⁴⁰⁵, которую князь Путятин так же, вероятно, считал своей родственницей; по крайней мере он сильно хлопотал, чтобы в Салоники попала публика самая отборная. Поэтому та тысяча человек, которая туда предназначалась, была рассортирована на группы по пятьдесят человек, чтобы легче было навести справки о всех участниках этих групп. Такая фильтрация в конце концов ни к чему не привела, и в Салоники с нами прибыло немало негодяев. Совершенно случайно, благодаря низости генерала П., я должен был уйти из мною же организованной так называемой сенаторской группы, хотя настоящими сенаторами там и не пахло; был лишь один сенатор, да и тот маргариновый, деникинский. По моей рекомендации в группу эту был принят генерал П. По моей же рекомендации он был избран и старшиной этой группы. В благодарность за это он не поместил меня в списки лиц, выезжающих в Салоники, почему-то невзлюбив резвую Мусю: она не хотела считаться с его тюками, которые составляли его культ, его кумир, цель его жизни. К несчастью, на «Константине» мы помещались как раз рядом.

Пришлось мне искать другую группу, и князь Путятин записал меня в свою сиятельную группу, там, где «князь и граф», по выражению одной нашей пассажирки.

Благодаря этому неожиданному перемещению, нам удалось выехать на «Оскаре», тогда как сенаторская группа осталась на «Херсоне» ждать следующего парохода.

Неудача князя Путятина в Констанце решила его судьбу: на «Оскаре» комендантом был назначен уже не он, а генерал Томилов⁴⁰⁶ – человек очень мягкий и бесхарактерный, находившийся всецело под влиянием своей супруги. Этим и воспользовался князь Путятин, чтобы разделить со слабым комендантом свою минувшую власть. И это ему удалось не только в жизни, на пароходе, но и в лагерях в Салониках.

«Оскар» был маленький, старенький товарный пароходик, с трудом вместивший в свои два трюма 500 пассажиров. Трюмы были совершенно не приспособлены для людей: просто была приставлена деревянная лесенка и зажжена лампочка – вот и все. Люди размещались на дне трюма прямо вповалку на полу, но и при этом пассажиры должны были брать места с

⁴⁰⁵ Ольга Константиновна (1851–1926) – дочь великого князя Константина Николаевича, жена греческого короля Георга, регентша в Греции в 1920 г.

⁴⁰⁶ Томилов Петр Андреевич (1870–1948) – военачальник, генерал-лейтенант (1917).

боя, стараясь укрыться от непогоды. Заглянув в трюм, я предпочел остаться на палубе и расположился на скамеечке около спуска в кают-компанию. Сидя на своей лавочке, я заметил, что в кают-компании что-то слишком шумно и весело и что туда беспрестанно что-то носят на подносах. Оказывается, капитан пароходишка, маленький человечек из одесских греков, которому, конечно, импонировали титулы, не только уступил «князю, графу и генералу» свою каюту, но еще считал за честь кормить и поить всю дорогу эту компанию к крайнему удовольствию: трапеза там следовала за трапезой, выпивка за выпивкой. Капитан был в восторге: наконец-то и он среди высшего общества; не беда, что самому приходится ютиться под капитанским мостиком.

Сиятельные чувствовали себя как дома и не стеснялись обращать каюту капитана даже в клозет по мере надобности. Князь Путятин ходил как клюковка.

Когда я увидел, что кают-компания обратилась в какое-то пассажирское отделение для званых, то я попросил капитана приютить у себя и Серафиму Константиновну с ребенком. Капитан охотно разрешил, если позволит место на полу: там помещался уже граф Толстой, и Серафиме Константиновне с ребенком пришлось расположиться с ним рядышком, тогда как на диванах спали мать-комендантша с подругой и великолепный князь Путятин, даже и не подумавший уступить свое место даме с ребенком. Впоследствии от холода и мне пришлось спуститься в эту каюту и спать у лестницы в коридоре на полу. Лучше и не вспоминать об этом спанье! Но нам и здесь завидовали трюмные пассажиры; вероятно, им импонировало «где князь и граф». И понемногу они начали перебираться к нам из трюма, так что последнюю ночь я уже не мог провести даже на своем собачьем месте.

Другие из этой же сиятельной группы распорядились еще проще: они распаковали наши вещи на палубе, легли на них и укрылись нашими одеялами. А наутро очень удивились, что мы недовольны: ведь вы уже позволили нам воспользоваться вашими местами? Ох, эта сиятельная группа!

И как разочарован был капитан, когда после ее отъезда на берег он вошел в свою донельзя запакошенную каюту, не получив даже кивка головы или княжеского «спасибо». И лишь одни пустые бутылки на столе и под столом напоминали ему былое.

При отъезде сиятельная группа учинила с нами окончательное свинство, не поместив нас в первую группу, а лишь во вторую. Между тем у нас на руках был ребенок и дожидаться темной ночи нам совсем было неподходяще. Никакие мои просьбы не помогли: наш генерал был непреклонен. Вполне понятно, с каким чувством ко всей этой компании я съезжал на берег в Салониках. На рейде этой гавани мы простояли четыре дня, якобы по требованию греческих властей. Но скорее, я думаю, что у самих французов ничего не было готово. Пароходы со вшами так опостытели нам за месяц, что мы все рвались на берег, и с жадностью глядели на улицы и дома, и искренно завидовали долетавшим до нас звонкам трамвая.

Мы как во сне проследовали знаменитые Дарданеллы после тихого Мраморного моря, и лишь качка Эгейского моря заставила нас себя почувствовать. Эти последние четыре дня у Салоник, в виду города, особенно нас раздражали: да уж выпустят ли нас когда-нибудь на берег?

Обещания французского консула *monsieur Bieg* были так заманчивы: подумайте, после бани нас повезут на автомобилях в оборудованные французские военные госпитали с прислугой, с готовым столом, с электричеством. Воображение рисовало нам высокие чистые палаты, с табльдотом⁴⁰⁷, с выдрессированной прислугой, с прогулками к морю.

Боже, как далека была от всего этого действительность!

Наконец-то бесконечные четыре дня прошли. Чтобы мы не очень тосковали, нас развлекали выдачей нам галет, мыла, кофе, консервов. Запасы все росли, их некуда было убирать.

⁴⁰⁷ Табльдот (*фр.* table d'hôte – хозяйский стол) – меню с единой комплексной ценой в гостиницах, ресторанах и т. д.

Пришла наконец и наша вторая очередь. К пароходу был подан плот с буксиром, весь мокрый, неустойчивый. Кое-как перебираемся туда с вещами. Последнее прости морю, «Оскар», доброму капитану, разочаровавшемуся в высшем обществе.

Милый капитан! Не все сиятельные – такие хамы. Есть и лучше.

Салоники

Наконец-то берег! После месяца скитаний по морю без пристанища. Наконец-то давножданная баня, давно желанная дезинфекция, убивающая всех насекомых! На дворе еще светло и можно еще разобраться в вещах своего истрепанного багажа. А вот и французский консул; он приехал нас встретить и сказать нам, что все готово к нашему приему и чтобы мы не беспокоились о своих вещах; он ручается, что все будет цело. Чего же лучше! Можно, следовательно, без всякой опаски передать все вещи в дезинфекцию, а самим отправляться в баню. С наслаждением снимаю с себя все и передаю для дезинфекции. Баня состоит из горячего душа: в тепле тело особенно зудит. Но что это? В душе ни капли воды. Черномазый банщик что-то нам кричит по-гречески. Что же, будет вода или нет? Минут через десять – пятнадцать вода наконец появляется. Но нам уже неистово стучат из следующей очереди, потерявшей всякое терпение. Наскоро моемся и выходим в холодный предбанник без дверей и без крыши (в декабре!). Все наши вещи свалены в кучу; ищите каждый свое. Молодые офицеры разобрались быстрее других. «Вши ползают, как и были!» – кричат они. Не может быть, как же дезинфекция? Но они оказались правы: вероятно, никакой дезинфекции и не делали. Выхожу на улицу. Ночь, темнота. Что же наши вещи? Говорят, что все вещи находятся наверху, на горе, где нас ждут автомобили. Поднимаюсь наверх: прямо на земле без всякой охраны набросаны вещи, куча вещей. Темно. Разыскать свои вещи невозможно. Никаких автомобилей нет, и будут ли, узнать не у кого. Холодно. Ветрено. Неизвестно, где и как провести ночь: неужели в поле, под открытым небом, после горячего душа? Вдали показываются два огненных глаза и слышится характерный звук автомобиля. Слава богу! Подкатывает четырехместный автомобиль с каким-то греческим чином, не то таможенным, не то санитарным. Чин очень внимателен и услужлив и распоряжается, чтобы его шофер немедленно возвращался в город за нашими автомобилями. Опять часы ожидания в поле. Иду на огонек: какая-то сторожка с греческими чиновниками. Прошу разрешения обогреться. В Салониках все хорошо понимают по-французски. На греков сильнейшее впечатление произвело прибытие стольких русских «генералов», особенно нашего коменданта генерала Томилова на костылях, как будто и в самом деле пострадавшего героя. А все дело было лишь в том, что, усаживаясь на пароход «Оскар», генерал Томилов оступился и вытянул связки на ногу. Теперь на костылях, доставленных ему на пароходе французами, он выглядит невесть каким ветераном.

Наконец-то с грохотом и шумом подкатывают и наши грузовые автомобили. Распоряжается посадкой молодой генерал из стаи известного Шкуро⁴⁰⁸. Из каких-то скрытых антипатий этот генерал все не допускает меня до посадки. Наконец, без всякого разрешения с трудом взмашиваюсь в один из грузовиков в полной темноте. Едем куда-то далеко, как оказалось потом, за город, версты за три, в лагерь, пустые после войны. Останавливаемся где-то в темноте; какой-то голос хриплого француза призывает нас следовать за ним и как можно скорее, иначе он бросит все и всех и уйдет спать, ибо уже час ночи. Ветер, холод, темнота. Подходим к какому-то темному длинному зданию. При свете огарка мы входим в барак с бетонным полом; в разбитые окна рвется ветер; ряды коек, покрытых старыми солдатскими одеялами. Здесь нам предстоит ночевать.

⁴⁰⁸ Шкуро Андрей Григорьевич (1886–1947) – военачальник, кубанский казак, генерал-лейтенант. (Говоря о Шкуро как «генерале из стаи», автор, очевидно, делает отсылку на то, что казацкие подразделения имели полуофициальное название «вольчья сотня».)

А где же оборудованный французский госпиталь, обещанный нам французским консулом monsieur Bier? Молоденький казацкий генеральчик возмущается, почему нас не встречают с чаем? Отправляется куда-то разыскивать этот несуществующий чай, но скоро возвращается и покорно укладывается на солдатскую койку.

А ветер все ревет: мы как раз попали в Nord-Ost⁴⁰⁹. К утру ветер еще усилился, нельзя держаться на ногах. Унылая картина: ряд желтых бараков с черепичными крышами и кругом – ни деревца. Пустыня. От города мы в трех верстах, с половины пути соединены с городом трамваем.

Помещаемся в бараках целыми семьями, по 20–30 человек. Помещения ужасные, с каминными печами, с выбитыми окнами. Койки стоят рядами; грязные матрасы и валики вместо подушек; белья – никакого, одни лишь грязные шерстяные одеяла, оставленные неизвестно от каких больных.

И французский консул monsieur Bier имел развязность назвать эти логовища хорошо оборудованным госпиталем?

Французский и русский консулы (г. Щербина⁴¹⁰) посещают нас ежедневно. Я вижу, что наши генералы и генеральчики расхватывают из-под носа одиночные комнатки. На помощь нашей комендатуры рассчитывать совершенно невозможно. Я решаюсь лично обратиться к русскому консулу и просить его содействия, чтобы и мне, бывшему депутату, дали помещение не хуже, чем бывшим генералам. В тот же день вечером инженер Кулаков, которому было поручено размещение публики по баракам, предложил мне, не хочу ли я занять отдельную комнату в бараке, населенном исключительно военными? Конечно, хочу. Комната оказалась хорошей, светлой, с огромным окном на солнце и притом у самой входной двери. Когда я ее осматривал, то мне показалось, что и другая комната, напротив, записана на мое же имя. Но в ней торчала уже чья-то перепуганная голова, и даже две головы: полковника Барана и его сожительницы, которые самовольно захватили эту мою комнату и, видимо, опасались, чтобы их не выгнали. Потом они осмелели и обнаглели. Я рад был и одной комнатке, лишь бы избавиться от общего барака, где для меня была жизнь совершенно невыносима. Впоследствии мы поставили у себя железную печку, и наша комната была одной из лучших, если не считать комендатуры.

Греки постарались как можно скорее загородить все наши бараки колючей изгородью и поставить у ворот свою стражу, назначив нам карантин в три недели, очевидно, сами не надеясь на свою дезинфекцию. Мы прибыли в лагерь 3 декабря, следовательно, карантин наш оканчивался 24 декабря. Как раз в Рождественский сочельник. Время уходило на рубку дров для печи, на стояние в очередях за обедом, ужином и кипятком. Некоторое время посвящалось гулянью, т. е. толчению на одном месте, так как все пространство, отведенное для нас, было очень невелико, примерно около трех десятин, где и помещались бараки для 500 человек.

Нам француз monsieur Bier умел-таки пустить пыль в глаза: он сам обошел все бараки и везде заявил, что с завтрашнего дня мы будем получать французский стол, т. е. два горячих кушанья и фрукты два раза в день. После нашей месячной голодовки мы готовы были кричать ему «ура». Да кажется, где-то и кричали.

Что же оказалось впоследствии? Француз сдал наш прокорм с подряда салоникским евреям по восемь франков с человека в день. Чтобы понять, какой куртаж возможен при этой цене, достаточно сказать, что впоследствии греки кормили нас за шесть франков, а когда дело перешло в наши руки, а поваром нашим был граф Святополк-Мирский⁴¹¹ (скромный человек, который не пошел в сиятельную группу), то расходы сократились до трех драхм на человека при более питательном столе.

⁴⁰⁹ То есть северо-восточный ветер.

⁴¹⁰ Имеется в виду консул в Салониках В. С. Щербина.

⁴¹¹ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, князь (1890–1939) – русский литературовед.

Французы действительно кормили нас два раза в день своим неизменным рагу из овощей и давали по паре мандаринов или апельсинов, которыми салоникская гавань была завалена. Но они совершенно не признавали нашей привычки к чаю и то поили нас дочерна прокипяченным чаем из котлов, то давали нам некипяченую воду в 60 градусов. И ничто не помогало: ни жалобы, ни просьбы.

Таким же блефом оказалось и заявление французского консула, что он ручается за целостность наших вещей. Действительно, их привезли с поля и выбросили в пакгаузе, но в каком виде! Все вещи из узлов были вытряхнуты в общую кучу, и каждый рылся в ней, наступая грязными ногами и разыскивая свое. Масса вещей пропала. Все было запачкано и измято. Я был доволен, что разыскал свою корзину в целом виде и поставил ее в сторону в том же пакгаузе. Но в ту же ночь корзина была взломана и оттуда украдены все лучшие и более дорогие вещи. Я обратился к французскому консулу, ибо он ручался за целостность вещей. Но он даже мне не ответил.

Двадцать первого декабря, ровно через две недели после нашего приезда, французы объявили нам, что через два дня наше продовольствие будет прекращено за исчерпанием кредита. Это неожиданное заявление было тем более бессовестным, что наш карантин еще не был снят, а по слухам, должен быть продолжен еще на три недели ввиду одного случая заболевания оспой.

Одни только французы способны на такие поступки: зачем же они шиковали своими 8 франками в день, когда можно было платить за то же 3 франка и продлить кредиты на наше житие еще на месяц?

Состояние нашего лагеря было очень удрученное: что день грядущий нам готовит? Французский консул вертелся как юла, а русский был сам гол как мышь.

И в эти критические минуты к нам в лагерь приехал представитель американского Красного Креста капитан Стенни. Он успокоил нас, чтобы мы не тревожились, что американский Красный Крест не бросит нас голодных. Здесь-то и были определены эти четыре, а затем три франка в день на человека, причем при этой половинной цене питание наше даже улучшилось. Нервы наши были настолько напряжены, что у многих на глазах блестели слезы и рука творила крестное знамение. Надо понять психологию беженца, брошенного на чужбине за карантинной решеткой!

До 25 декабря кое-как протянули французские запасы, а с Рождества, с самого первого дня, мы поступили на иждивение американского Красного Креста, и в этот великий праздник он не оставил нас голодными.

Греческие угрозы продлить наш карантин не состоялись, и 24 декабря, на сочельник, мы были выпущены на свободу. Я тотчас поехал в Салоники. Накануне нам предоставили баню с горячим душем – первая баня после знаменитой дезинфекции. В какой тесноте и грязи мы жили, без бани, без мытья белья, которое лишь прополаскивалось в холодной воде и сушилось на солнце.

Странное чувство испытывал я, направляясь в первый раз в Салоники после двухмесячного сидения на пароходе и в карантине: как будто выпущен из какого-то острога на свободу.

Салоники издали кажутся гораздо лучше: бледный город, который доселе не может обстроиться после войны, даже на главной улице и на набережной. Бухта и набережная – восхитительны. Но сам город – мелких торговцев: все и всем торгуют, все по мелочам, нет широкого размаха, нет настоящих магазинов, складов, ресторанов, кафе. Все мелкое. Грек или турок часами сидит над своей чашечкой кофе со стаканом воды. Его магазин занимает три квадратных аршина, и он доволен, если заработает за день 5–10 драхм на обед из фасоли и на чашку кофе.

К нам, русским беженцам, греки были совершенно безучастны и никогда ничем не проявили своего сочувствия, напротив, всячески старались хоть что-то сорвать с нас. Строго

говоря, греки давали нам лишь право дышать их воздухом, да и то малярийным: продовольствие наше было французское, а затем американское; лагеря были французские. Впрочем, нашим военным греки разрешили пользоваться трамваем по пониженному тарифу, 10 лепт вместо 25. Но и эту льготу они вскоре отменили.

Наоборот, всякие препоны греки ставить великие мастера: это по их настоянию мы просидели три недели в карантине без всякой надобности и рисковали просидеть еще три недели, если бы не вмешались французский и русский консулы; это они издали правила, что за каждую сломанную доску в бараке мы рискуем быть переведенными в армейский лагерь – ужасные бараки без крыш и без дверей, где скопились тысячи беженцев-греков из Карсской области⁴¹², где люди умирали десятками ежедневно от самых ужасных болезней, вплоть до чумы.

Когда мне понадобилось запломбировать зуб, то грек-доктор, узнав, кто я, долго причмокивал языком в знак сочувствия; но это не помешало ему содрать с меня за пломбу десять драхм и скверно запломбировать.

Каждый раз при размене денег меня старались обсчитать. А когда мне понадобилось ехать в Афины, то греки в виде особой милости уступили мне на стоимости билета третьего класса, в трюме, из тридцати драхм – пять.

Перед Рождеством наша походная церковка в лагерях не была еще приспособлена и приходилось к обеду ходить пешком в город, в русский госпиталь имени Святого Дмитрия Солунского, где была крошечная русская церковка. После наша церковь в лагерях была нашим утешением, простотой своей напоминая мне дальнейшее детство в деревне: такой же маленький иконостас, такой же простенький совсем деревенский батюшка, такой же дикий хор, кто в лес, кто по дрова. Нигде я так усердно не молился, как в этой импровизированной церкви в Салоникских лагерях.

Жизнь наша в Салониках текла чрезвычайно однообразно, дни походили один на другой и потому шли быстро. Несмотря на все старания, я никак не мог достать платных занятий: я пробовал наняться красить автомобили, где, между прочим, работал Гофштеттер⁴¹³ из «Нового времени»; пилить дрова на лесопильню – везде отказ. Пробовал торговать готовым платьем и купил для этого десяток гимнастеров и штанов, но мне давали за них дешевле, чем я сам заплатил. Сунулся я было с ними в Гевгелы – сербская пограничная станция, – но едва оттуда унес ноги со своей «контрабандой».

При таких условиях все мысли, все надежды сосредотачивались на Сербии – этом благословенном, казалось, рае.

Серафима Константиновна также пробовала работать, и более успешно, чем я: сначала давала уроки музыки, затем ходила по городу в качестве переводчицы на французский язык при уполномоченном от женева Крестного Креста – поэте Мазуркевиче⁴¹⁴. Она очень уставала, но все же зарабатывала до 25 драхм в день. Впрочем, Мазуркевич скоро куда-то скрылся искать новых доверчивых людей, новых жертвований на Красный Крест. Под конец она носила и продавала на улицах вафли и зарабатывала при удаче до 19 драхм в вечер.

Другие наши дамы из лагеря устроились кельнершами и после ночной работы приносили иногда и по 50 драхм. Но какой ценой они их добывали? Мужчинам было труднее: инженеры устроились быстро и получали по 25 драхм в день. Другие должны были браться за физическую работу, нанимались сторожами, грузчиками, землекопами и благодарили судьбу за 10 драхм в день на своих харчах, причем обедать приходилось поздно вечером по возвращении в лагерь.

⁴¹² Имеется в виду юго-западная часть Закавказья.

⁴¹³ Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860–1951) – журналист. Сотрудничал с журналом «Русское богатство», газетами «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время».

⁴¹⁴ Вероятно, имеется в виду поэт Владимир Александрович Мазуркевич (1871–1942).

Люди заметно опускались, нравы падали; так, например, один генерал привлекался у нас к суду чести за укрывательство краденого и еле выкарабкался из этого суда благодаря особой милости судей. Племянник его был известный в лагерях хулиган и воришка. Наш визави полковник Баран был привлечен мною к суду чести за то, что он обругал Серафиму Константиновну трехэтажными словами только за то, что она отворила дверь на улицу из нашего коридора. Суд чести ограничился выговором и даже не вызвал меня в суд на разбирательство.

Да и чего было ожидать от такого суда генералов, когда один из них, старшина нашего барака, прямо сказал Серафиме Константиновне, что всех членов Государственной думы надо вешать за то, что генералы теперь терпят такую жизнь.

В Сербию, в Сербию!

Я начал хлопоты о визе еще в конце декабря, подав просьбу через русского консула. Я надеялся на свое имя и на свои знакомства в Белграде. Я ждал скорого ответа, но его все не было. Через месяц я повторил прошение и, кроме того, через военного агента в Белграде послал просьбы: регенту Александру⁴¹⁵, Пашичу, в Державную комиссию, в посольство и Челнокову⁴¹⁶.

Челноков и Богданов написали мне, что разрешение скоро будет, и я успокоился. Одновременно узнал из газет о русской Учредилке 33-х в русском Парламентском комитете в Париже⁴¹⁷. Тотчас отправился к французскому консулу хлопотать о визе. Но он даже не принял меня, а через секретаря ответил, что он телеграфирует в Париж, если я доставлю ему на телеграмму 60 франков. Меня коробило от подобного обращения с бывшим русским депутатом, но впоследствии мы привыкли и к худшему. Пришлось ограничиться письмом в Париж. Когда-то будет на него ответ? Ответа так и не было.

А нравы у нас все падают: почти каждую ночь пьянство и картеж. Дошли до такой наглости, что начали топить печи лишним хлебом, в то время как в Галлиполи⁴¹⁸ русская армия голодала⁴¹⁹.

В Сербию, в Сербию!

Однако – конец февраля, а ответа все нет. Решаюсь ехать в Афины за визой к сербскому послу.

Афины

Как раз на Масленицу выезжаю в Афины. Попаду на карнавал. Ехать на греческом пароходе в третьем классе – что-то русское, хуже эвакуации. К нам погрузили быков. Первую ночь я провел на ящиках под дождем, на вторую ночь спустился в трюм, куда текли испражнения быков. Спать надо было прямо на полу, опять рискуя набраться вшей.

По дороге целый день простояли в Вало – прелестный городок с чудной набережной. 25 февраля, а солнце греет, как летом; я в летнем пальто, и то жарко, прямо хоть купайся в море.

В Афинах мы как раз попали в день помолвки княжны с румынским наследником. Все улицы запружены народом и разукрашены. Еле пробрались в русский госпиталь. Опять – бараки, койки и распущенное русское офицерство. В бараках мне дали ночлег и отвели койку рядом с неким Матвеевым, московским корреспондентом, приехавшим в Афины искать дура-

⁴¹⁵ Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) – с 1921 г. король сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. король Югославии.

⁴¹⁶ Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – общественный и политический деятель. Депутат II Государственной думы и ее секретарь, депутат III и IV Думы. В ноябре 1914 – марте 1917 г. московский городской голова. Со 2 по 6 марта 1917 г. – комиссар Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой.

⁴¹⁷ Имеется в виду совещание 33 членов Учредительного собрания в Париже в 1921 г. В нем приняли участие левые кадеты и правые эсеры, готовые к политическому сближению, что соответствовало «новой тактике» П. Н. Милюкова, рассчитывавшего на союз с социалистическими партиями.

⁴¹⁸ Имеется в виду турецкий город Гелиболу в европейской части Турции, исторически именовавшийся Галлиполи.

⁴¹⁹ В 1920–1923 гг. в Галлиполи располагались части армии П. Н. Врангеля.

ков, которые бы дали ему денег издавать русскую газету. Конечно, таких дураков он не нашел и вернулся в Салоникский лагерь.

К сожалению, в Афинах, вопреки совету нашего консула Щербины, я не стал беспокоить madame Демидову⁴²⁰, жену русского посла⁴²¹, а сначала обратился к секретарю посольства; он обещал мне все устроить и без madame Демидовой – и ничего не устроил, а лишь зря продержал мой паспорт.

Пришлось лично отправиться к сербскому послу. Оказалось, что секретарь уже был у него по моему делу, и теперь добиться вторичного приема по тому же делу было уже трудно. Впрочем, через секретаря посол обещал мне телеграфировать о моей визе в Белград и не спрашивал с меня на расходы за телеграмму.

Сосед мой по койке, Матвеев, повествует, что бывший здесь до меня камергер Г. получил все: и визу, и деньги на дорогу. Правда, секретарь ее высочества королевы Ольги откровенно нам высказал, что камергер Г. прилип к нему как банный лист. Бесспорно, что в этой ходячей метафоре секретарь ее высочества брал на себя роль гораздо худшую, нежели банного листа. Но все же действовать так «по-банному» я не мог.

В конце концов я решил махнуть рукой и на Афины, и на посланников и возвратиться вспять без всяких результатов, тем более что жизнь в Афинах все же требовала расходов и обошлась мне около 200 драхм на дорогу и на продовольствие.

Знаменитый афинский Акрополь, который помещается на высокой скале вне города, не произвел на меня большого впечатления. Вы видите перед собой груды мрамора среди нескольких уцелевших колоннад, и вы лишь догадываетесь, лишь мысленно воспроизводите величественную картину далекого прошлого. При этом северный ветер гудит и рвет на вас одежду; вы тщетно стараетесь укрыться от его порывов, ледяющих кровь. Недоумеваешь, как могли при такой температуре выносить этот холод древние греки в их сандалиях и туниках, когда тут в самую пору надеть тулуп?

Гораздо большее впечатление производит вид Афин с птичьего полета, с самой вершины горы под городом, где помещается крошечный, точно игрушечный, монастырь с тремя братиями.

По случаю праздника помолвки в королевской семье монастырь этот был каждый вечер очень красиво иллюминирован и из города имел очаровательный вид какой-то сияющей горы. Вообще весь город в эти праздничные дни, совпавшие с карнавалом, утопал в огнях иллюминации, и некоторые главные улицы казались какими-то огненными галереями.

Но дневные украшения города какими-то бумажками искусственных цветов совсем некрасивы, и лишь досадуешь, зачем висят все эти бумажки и портят вид красивых проспектов?

С высоты птичьего полета хорошо видно, как широко раскинулись Афины с их прекрасными проспектами, не уступающими нашему Невскому. Среди города виднеется большой парк – Королевский. А затем какие-то колоссальные парники со сверкающими на солнце рамами. Что это за парники? Я спустился к ним и убедился, что это – реставрированный мраморный форум под открытым небом, рассчитанный на сто тысяч зрителей, где когда-то происходили и сейчас происходят Олимпийские игры.

Этот мраморный амфитеатр чрезвычайно красив и грандиозен. Но и здесь мешал северный ветер: мрамор застыл, и удивляешься, как можно сесть на такие ледяные скамейки? Сейчас среди этой мраморной громады люди бродят, как мухи, издали даже нельзя узнать знакомого, что со мной и случилось: я не узнал своего спутника по пароходу, который приехал в

⁴²⁰ Демидова (урожд. Воронцова-Дашкова) Софья Илларионовна (1870–1953) – дочь заместителя на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова, жена дипломата Э. П. Демидова.

⁴²¹ Демидов Элим Павлович, князь Сан-Дonato (1868–1943) – дипломат. В 1912–1917 гг. посланник в Греции. В 1920 г. представлял правительство П. Н. Врангеля в Греции.

Афины искать места, и был убежден, что за два месяца лагерного сидения в Салониках он прекрасно изучил французский язык, в доказательство чего тотчас же прочел мне на вывеске: «monsieur le «Генерал»».

Близ форума находится древняя колоннада, одна из колонн упала и рассыпалась на части. С удивлением вижу, что части эти ничем не были скреплены, и держались эти мраморные глыбы одна на другой лишь своей огромной тяжестью.

Я уже упоминал, что в Афины я попал на Масленицу, в самый разгар карнавала. Такой карнавал мне пришлось видеть в первый раз, и не знаю, может быть, холод тому причиной, но как-то не замечается особой радости и веселья в толпе. Костюмы и маски смешались с обычной толпой и теряются в ней; больше юная, зеленая молодежь, идут группами, толпами; по дороге покупают конфеты, которые продаются тут же, на улицах целыми мешками. Вот и весь карнавал. Говорят, что теперь не время для карнавала: война с кемалистами⁴²² забрала всю молодежь.

Возвращаюсь в Салоники ни с чем. Опять Пирей. Этот переезд из Афин в Пирей по электрической железной дороге очень напоминает переезд из Петербурга в Царское Село: та же фабричная труба, огороды, пустыри; такие же вагончики, такая же нарядная публика, такой же короткий срок переезда, 20–25 минут.

Возвращаемся из Афин втроем: я, Матвеев и маленький пьяненький Василий, вечно румяный, улыбающийся, волокита, который даже за несколько дней пребывания в Афинах успел завязать несколько интрижек; тот самый гуляка, который ночью после пирушки, вернувшись в барак, перебудил и насмешил всех, уверяя, что у него вылезают кишки, и умоляя положить на кровать отдельно его голову и ноги, о туловище он мало заботился, вероятно, полагая, что без кишок туловище все равно ничего не стоит.

Перед самым нашим отъездом из Афин распущенное офицерство устроило Матвееву шутовские проводы, с кошачьим концертом, с самыми неприличными песнями и издевательством. Между тем за все время пребывания в бараках Матвеев старался занимать скучающее общество рассказами из чудодейственного мира йогов; около него постоянно по вечерам собиралась толпа слушателей и производились какие-то опыты. Хотя я и ранее заметил, что слушатели из-за потехи и от скуки его высмеивали, но все же я никак не ожидал, что можно настолько одуреть от скуки, чтобы потерять всякую меру приличия. Матвеев при всем своем философском настроении, видимо, был поражен и сконфужен такой незаслуженной обидой. Одуревшие шалопаи пробовали было и меня втянуть в свои шутовские эксперименты, но скоро убедились, что около меня не разгуляешься, и быстро отстали. До какого цинизма доходили шутки этой якобы большой компании, содержащейся в госпитале! Не могу не вспомнить отвратительной сцены, когда один из наиболее развращенных офицеров, не стесняясь присутствием посторонних, среди ночи изображал в лицах и в соответствующих интонациях восторги супружеской любви. Трудно представить себе большую распущенность.

Он же являлся и заправилкой, и регентом кошачьего концерта, заданного бедному Матвееву за его його, причем весь сарказм был построен на неприличном созвучии слова «йог».

На обратном пути из Афин мы попали в жестокую бурю и, несмотря на сильные страдания от качки, я не мог не смеяться, видя, как наш волокита без кишок перепугался и неотвязно приставал к капитану, не потонет ли пароход? Море бросало наш небольшой пароход, как скорлупку, но до гибели парохода было еще очень далеко, об этом никто и не думал, а тем менее капитан.

Матвеев держал себя в другом духе: он старался казаться бывалым и все пережившим на своем веку человеком; видимо, он также не на шутку перепугался и сильно страдал от морской болезни. Но наутро, когда мы пристали на несколько часов в Вало, он старался уверить

⁴²² Имеется в виду война с Турцией.

нас, что он беспечно спал без просыпа, даже и не заметил бури. Всю ночь мы простояли на якоре, ожидая рассвет. Но Матвеев, «бывалый морской волк», уверял нас, что мы несемся на всех порах, хотя даже для малопривычного уха было ясно, что винт не работает, а работает лишь электрическое освещение.

Утром в открытом море буря еще усилилась. На этот раз мы уже не спускались в трюм, а выискали себе местечко на носу парохода среди бочек вина, ежились от холода, забиваясь под какой-то старый тент, но зато пользовались свежим воздухом и сравнительной чистотой палубы. Все же чувствовалось, что мы какие-то ненастоящие пассажиры: те сидят и лежат в каютах на диванах, им по звонку подают кофе, воду и все, что они потребуют. А мы – беженцы, русские парни, которым ради Христа отвели местечко среди бочек и прочего груза. Наконец-то необъятная Салоникская гавань, шторм и здесь развел большую волну. А тут еще глупейшие порядки останавливаться на рейды, ни в каком случае не причаливая к молу. На лодке волнение еще сильнее чувствуется. Но наш румяный ловелас уже забыл свой испуг в ожидании близкой гибели корабля; он уже перемигивается с какой-то греческой девицей.

Поездка в Афины стоила мне около 200 драхм, достаточно измучила меня и не дала ровно никаких результатов. По возвращении я узнал, что камергер Г. с семьей уже поспешно выехал в Сербию: вот что значит уметь прилипнуть как банный лист.

Надо придумать что-нибудь другое, чтобы выбраться из Салоник. Решаю послать министру Пашичу подробную телеграмму и периодически посылать такие телеграммы, пока не добьюсь разрешения. Надо подумать также и о том, чтобы на дороге пополнить свои затраты. Еще в пути на корабле Серафима Константиновна познакомилась с неким Ткачуком, который оказывал ей с ребенком некоторые услуги, уступил свою полушку, подарил ребенку меховую безрукавку, доставал кое-что съестное и пр.

Человек бывалый и практичный, Ткачук и в Салониках не растерялся, подобрал компанию и начал торговлю по перепродаже на окрестных базарах оставшихся на складах гимнастеров и рейтуз. По-видимому, дело у них шло бойко, ибо компаньоны не стеснялись в расходах и сильно покучивали в городе, особенно известный уже нам ловелас. Я хотел также войти в их компанию, внеся пай, о чем и переговорил с Ткачуком. Результаты, однако, получились неожиданные: в компанию меня не приняли, вероятно, опасаясь моего контроля над их расходами по ресторанам. Но аппетиты компании на мой пай уже разгорелись, и Ткачук со своим другом тотчас заказали себе новые костюмы – заветная их мечта с самого первого момента высадки в Салониках. Вся эта комбинация мне очень не понравилась, тем более что переговоры эти совпали с пробной операцией Серафимы Константиновны, которая дала им свои 150 драхм на срок. Срок прошел, а деньги не возвращались. Серафима Константиновна же из себя выходила от такой неаккуратности, а Ткачук спокойно уверял ее, что он вышлет ей деньги в Сербию.

Мой отказ чрезвычайно разобидел Ткачука: пришлось отменить заказы костюмов; я же оказался виновным, как смел я столь долго не прийти на помощь компании, которая так нуждалась в деньгах? Сама судьба сохранила мне мои гроши, которые вскоре же потребовались на переезд в Сербию, и без которых я навеки застрял бы в Салониках.

Пытаюсь на свой риск произвести пробу перепродажи гимнастеров. Случайно набрел на склад дешевых гимнастеров и панталон. Купил на пробу десять комплектов и решил поехать с ними в Гевгелы – пограничная станция с Сербией. Кстати, хотел узнать там и посмотреть, нельзя ли на лето перебраться туда из Салоник, если до лета не придет виза в Сербию, а в Салониках будут очень доводить жара и комары. Таково было наше тяготение к Сербии. Запакуют товар в мешок и ташу его на вокзал, отстоящий версты за четыре, ибо извозчики очень дороги.

Рано утром выезжаю с поездом в Гевгелы. Все идет благополучно. Но перед самой станцией я замечаю какое-то суетливое движение в вагоне: кто откупоривает и отпивает вино, кто надевает новые ботинки и новую фуражку, а старые прячет. В чем дело? Оказывается, мы уже

за границей, в Сербии, ибо Гевгелы на сербской территории. Как мне быть с моим товаром? Оплачивать его таможенной пошлиной? Но где же тогда мои барыши? Да и паспорт мой без сербской визы совершенно не годится для сербских властей, и я рискую быть арестованным, а товар мой – конфискованным. Первый блин комом: беда, коль пироги начнет печь сапожник.

Сербские власти очень любезны: они позволяют мне погулять по Гевгелам и пообедать там в ресторане и даже предлагают дать телеграмму в Белград о моей визе. Складываю свой товар в уголок в таможене нераспакованным, как подлежащий обратному вывозу.

В ресторане (гастиона) нахожу сытный сербский обед с «агнуем», куриный суп, вино. Однако хлеб хуже салоницкого, серый, плохо смолотый и недешевый, а на динары даже дорогой: за греческую драхму дают два динара.

Самое селение Гевгелы – безотрадное, ни кустика, бесконечная, пыльная улица с поврежденными бомбардировкой домами. Жить тут на даче невесело. И Вардар, который преследует всех своими камышами и своими комарами. И в Гевгелах та же малярия, как и в Салониках, как и по всему течению Вардара, по всей этой низине Македонии.

Пользуюсь случаем и посылаю министру Пашичу телеграмму по дешевому тарифу: в восемь раз дешевле греческого. Вечером забираю свой тюк и возвращаюсь в Салоники. Здесь опять беда: мой тюк не пускает уже греческая таможня как контрабанду. Еле улаживаю дело и опять тащу обратно свой товар, что теперь я буду с ним делать? Записываю в расход 48 рублей на поездку в Гевгелы.

Пытался продать этот товар в окрестностях. Греки внимательно его осматривали, щупали, смотрели на свет, примеряли и, наконец, предлагали ровно вдвое дешевле, чем я сам заплатил.

А солнечный припек в Салониках все усиливается, по вечерам появились и комары над сырыми местами. Наши бараки опоясаны были сточными канавами, в которых грязная вода застаивалась и загнивала. Зимой, когда окна не открывались, это еще было с полбеды, но теперь зловоние давало себя чувствовать. Воображение рисовало грозные признаки малярии, а заброшенное кладбище невдалеке, на пригорке, напоминало, как жестоко расправляется эта беспощадная болезнь с приезжими иностранцами. Случайно мне пришлось прихворнуть легкой инфекцией, и ужас охватывает: неужели малярия? Несмотря на сетку в окне, комары все-таки проникают в комнату и жужжат по ночам. Как только мне несколько полегчало, тотчас собрался на вокзал к утреннему поезду на Белград, чтобы с кем-нибудь из пассажиров послать телеграмму Пашичу. Случай мне помог, и я как раз попал на серба, отправлявшегося прямо в Белград: он любезно согласился подать мою телеграмму в Белграде и даже обещал попросить свою «тату» лично побывать у Пашича с моей просьбой.

Я был вне себя от радости, искренно его поблагодарил и повернулся, чтобы уйти. Не успел отойти и нескольких шагов, он меня вновь окликнул. Возвращаюсь к окну вагона, он мне протягивает обратно мои 10 динаров, данных ему на телеграмму: «Я заплачу свои!» – говорит он. Конечно, я отказался. Боже мой! Неужели мы дошли уже до подаяний?

На все мои телеграммы я не получил ответа.

Приближалась Пасха – 18 апреля. На Страстной я хотел говеть. С каким усердием посещал я нашу скромную лагерную церковку: для нее был приспособлен один из барачков, разделенный пополам. В одной половине – церковь, в другой – мастерская дамских нарядов.

Эти бумажные иконы, эти паникадила из проволоки, бедное одеяние священника, хор, старающийся что-то изобразить и с грехом пополам вытягивающий лишь обычные песнопения, madame Кулакова в роли регента, тщетно старающаяся дать тон, все это дышало такой искренностью и непосредственностью, что навевало какую-то грусть и располагало к искренней молитве.

Я стоял за обедней, начавший говеть. В это время в церковь входит комендант генерал Томилов и прямо направляется ко мне: «Сейчас я получил известие, вам пришла сербская

виза!» Какое совпадение и как далек был я от мысли о визе именно теперь, молясь за этой литургией: «Слава тебе, Боже наш, слава тебе!»

Теперь, когда виза уже в кармане, мы решаем, что можно и не спешить, ибо виза имеет пятнадцатидневный срок: было бы страшно пускаться в путь на Пасху, лучше провести Великий праздник на насиженном месте.

К Пасхе в нашем лагере начались уже приготовления. Кулинарными поползновениями особенно отличались две генеральши. Лучше было поставлено дело князем Урусовым с женой, которые давно уже организовали у себя в комнате завтраки за одну драхму. К Пасхе им отвели для их столовой большое помещение. Дня за два до Пасхи всем раздали большие запасы какао, кофе, сахару и т. д., а также куличи и яйца. Говорили, что подарки эти прислал американский Красный Крест, оказалось, однако, что это – экономия от своего же хозяйства, которым заведовал князь Святополк-Мирский.

Разговение вышло на славу: наши повара прямо отличились, сумели изжарить на жаровне 500 котлет – верх роскоши для нашего стола! Французы и греки готовили нам обед в походных солдатских котлах и могли кормить только вареным; печь и жарить было невозможно.

Заутреню под Светлое воскресенье мы слушали под открытым небом: было ясно и тепло, и церковка была переполнена. Старались по возможности обставить службу торжественнее и бенгальских огней и ракет не жалели.

Вот и Пасха. До какой степени человек приспособляется к обстоятельствам: лампада перед иконами – бумажными картинками на утлой картонке, чистая салфетка на столике, где поставлены десяток красных яиц, кусок пасхи и кулич, чашка затхлого какао – так великолепно против обычной скудости!

Хотел посидеть на солнце на бревнышках. Грустно. Где теперь все мои близкие? Имеют ли хоть кусок черного хлеба? И негодование закипает в груди: к чему, во имя чего мы все терпим эти лишения? Кому стало лучше, что все мы рассыпались по свету, что русская интеллигенция – цвет нации, которой и держалось государство, изгнана из родины, скитается и бедствует по чужим углам, питаясь из милости. А там, в России, остались наши разоренные гнезда, разграбленные, заброшенные, никому не нужные.

А тот, чьими руками была опустошена и опозорена Россия, также сидит голодный и не может понять, что все это опустошение, все обнищание дали им революция и грабеж, приведшие в Святой Кремль жида и мерзавца!⁴²³

Когда генерал Томилов в церкви объявил мне радостную весть, что мне пришла виза в Сербию, у меня тогда же мелькнула мысль: неужели мне одному? Все равно один я уехать не могу и не могу бросить Серафиму Константиновну с ребенком на произвол судьбы, на чужбине, в смертоносном лагере.

Догадка моя подтвердилась: виза пришла мне одному. Опять тревога и хлопоты; опять телеграммы Пашичу, Челнокову, сербскому послу в Афинах. Тревога, однако, оказалась напрасной: очевидно, посольство в Афинах что-либо напутало с визой, и через несколько дней получена была виза и для них.

Пасха прошла. Можно уезжать из Салоник. В это время Серафиме Константиновне пришла мысль попросить в американском Красном Кресте, нельзя ли получить какое-либо пособие на дорогу. Американский представитель в Салониках капитан Стенни, редкой души человек, пошел ей навстречу, сначала все разузнав и осмотрев все на месте у нас в лагерях.

Неожиданные препятствия встретились со стороны своих же, русских человеконенавистников: русские начали издеваться и высмеивать Серафиму Константиновну, говоря, что они в таком случае просят доброго капитана отвезти их прямо в их имение в Казанскую губернию.

⁴²³ Вероятно, имеется в виду Л. Д. Троцкий.

Однако капитан Стенни оказался гораздо добрее и учнее этих переводчиц и сам лично привез Серафиме Константиновне в ее комнатку 50 драхм до Гевгел и 400 динар овдо Белграда. К дню отъезда прислал автомобиль, который и отвез нас со всем багажом на вокзал. А это было большим подспорьем: сколько взяли бы с нас подвода и фиакр и сколько они протащились бы до вокзала?

Давно известно, что друзья узнаются в горе. Пока мы были забиты в угол Салоникского лагеря, пока на все наши письма и телеграммы мы не получали никакого ответа, пока я не находил нигде работы, нас никто знать не хотел. Но чуть счастье нам улыбнулось, нашу хибарку посетили все. Особый фурор среди этой публики произвело посещение нас капитаном Стенни на автомобиле с американским флажком. Но нам было уже не до окружающих: день и час отъезда уже были назначены. Первого мая в шесть часов утра за нами подкатил американский автомобиль. Прощайте, Салоники, где мы протомились пять месяцев. Прощай, наша коморка с ялтинской печуркой. Прощайте, Гектор и Дружок, верные псы, единственные наши друзья из всего барака.

Через полчаса мы уже на вокзале. Мы на свободе. Но теперь уже каждый наш шаг должен быть оплачен. Один лишь наш шофер, из русских офицеров, ни в каком случае не захотел взять с нас плату. Но носильщик сразу обобрал, взял 10 драхм, буквально за три шага перенес наши вещи в вагон.

Усаживаемся в вагон. С нами какие-то македонцы, крестьяне, достаточно приличные, но и достаточно грязные. Едем медленно; на каждой станции стоим без конца. Природа самая унылая – болотистая низина, прославленная малярией. Она почти пуста, поселки очень редки, кое-где мелькает палатка или барак; это – новые поселенцы, беженцы-греки с Кавказа. Много ли их выживет? Греческое правительство дает им землю, немного денег на обзаведение. Русским оно и в этом отказало.

Дотащились до Гевгел. Пересадка, перегрузка, осмотр багажа. Мне уже здесь все известно после моей неудачной операции с товаром. Находятся даже знакомые среди сербских властей, которые меня узнали и пожимают мне руку.

Сербия!

Сербия

Давно жданная Сербия!

Однако по-сербски мы не понимаем ни слова. Впервые узнали, что «воз» – значит поезд. Таможенный осмотр самый поверхностный. До воза еще далеко. Идем в ближайший ресторан обедать на открытом воздухе. От неожиданности, когда нам подали жареную курицу⁴²⁴ (по-сербски это неприличное слово, надо сказать: кокошка), восторг Серафимы Константиновны неопишум: курица после полугодового голодания!

Надо привыкать за все платить, платить и за обеды 30 динаров.

Имея в виду ночные переезды, беру билеты второго класса прямо до Белграда. Старый Бечей⁴²⁵, куда мы направляемся и где живут родные Серафимы Константиновны, генерал Барковский⁴²⁶ с семьей, кассиру неизвестен. А между тем это большой город, станция железной дороги в провинции Бачке, бывшая Венгрия. За два с половиной билета плачу 378 динаров, да за багаж 105 динаров, да носильщики, так что американских денег уже не хватило. Приходится приниматься за свои последние, заветные 2000 динаров, которые давно отложены на переезд в Сербию. Эти 2000 динаров дали нам возможность не только доехать до Сербии, но и прожить

⁴²⁴ Слово «курац» по-сербски обозначает мужской половой орган.

⁴²⁵ Бечей – город в Сербии, в краю Воеводина.

⁴²⁶ Барковский Андрей Андреевич (1863–?) – генерал-майор. Участник Белого движения.

там до приискания заработка почти три с половиной месяца, когда я впервые получил жалованье из сербской казны.

Поздно вечером приезжаем в Скопие (Ускюб). Дорогой мы познакомились с семьей офицера-хорвата, очень любезной и внимательной к нам как русским беженцам. Они увлекают нас с собой ночевать в гостиницу, так как по здешним порядкам поезда между собой не согласованы; наш поезд на Нише идет только утром, а на вокзале ночевать не дозволяется. Идем в гостиницу с багажом. Но рано вставать неохота, и мы решаем остаться до вечера, чтобы как следует выспаться, осмотреть город, раз номер все равно оплачен за сутки. Надоело во всем себе отказывать: к черту экономию! Ужинаем, пьем кофе, обедаем, идем в кондитерскую есть мороженое. Какая расточительность – мороженое! В России до революции оно стоило 25 копеек! И каждый день обедать и ужинать не считалось роскошью и расточительностью. Изменились времена. Кутить так кутить: иду в парикмахерскую бриться!

Скопие – плохой турецкий город, грязный, с изрытой мостовой, с рекой Вардар, с которой мы наконец-то простимся, а то все время ехали и крутились около Вардара.

Заезд в Скопие стоил нам сто динаров, и этого расхода не было бы, если бы поезда были согласованы. Зато познакомились с городом.

Вечером выезжаем в Ниш и проводим ночь в ужаснейших вагонах, грязных, с провалившимися диванами, с клопами. Соседи – греческий доктор, хорошо знает Россию, говорит по-русски. Угощает нас сливовицей – нечто вроде нашей наливки из слив – и дает путевые советы, оказавшиеся, впрочем, никуда не годными. Удивительно, как еще плохо знают новую Сербию. Позже мы даже в Белграде не могли добиться толку, как нам ехать в Старый Бечей, и поехали с самым неудобным поездом, тогда как из Белграда в Бечей идет хороший пароход по Дунаю и по Тиссе. Этого нам никто не сказал.

Рано утром мы в Нише. Опять пересадка, опять поезда не совпадают, и ближайший на Белград идет только вечером. Неужели опять в гостиницу? С разрешения хозяина буфета складываем наш багаж в уголке, пьем кофе и отправляемся осматривать город. Идти довольно далеко. В конце города протекает небольшая речка, и по берегу разбит садик. Встречается много русских, и все разговоры вертятся около недостатков и нужды, которую испытывают русские беженцы.

Неужели и здесь нам суждена нищета, в этой стране, которая казалась нам обетованной?

Город ничего интересного не представляет и напоминает наши губернские захолустные города. Возвращаемся на вокзал и вечеромдвигаемся на Белград. Порядки здесь удивительные: подают вагон третьего класса, грязный, с деревянными скамейками, но на дверях написано: «I класс». Вагон совершенно пустой, тогда как во втором классе с мягкими диванами нет места.

Ну, так и быть, сядем в этот, так называемый первый класс. Усаживаемся. Не тут-то было: кондуктор просит нас перейти во второй класс, ибо эти руины неприкосновенны. Приманиваемся. Теснота. Пассажиры никакого внимания не оказывают, хотя бы ради ребенка; наоборот, относятся свысока и с насмешкой, очевидно, русские уже успели надоесть.

Местность, которую проезжаем, гористая, красивая, много туннелей, мосты – самые головокружительные. Под утро мы в Белграде.

Первое, с чем мы здесь познакомились, – жандармы: «Ваши паспорта!» Паспорта наши отобрали еще дорогой до Белграда. Теперь идем их вырывать, ибо без паспорта нельзя дальше двинуться. Встречает нас русский офицер, прикомандированный специально в помощь русским беженцам-путешественникам. Записывает фамилии и через десять минут возвращается.

– Ваших паспортов нет!

– Как нет? Где же они?

– Вероятно, в Индии!

–?!

Впоследствии оказалось, что это станция носит такое название.

– Но мне надо сейчас же ехать дальше, в Старый Бечей, как же я поеду?

– Не знаю, обратитесь к военному агенту в Белграде.

Как неприятно после тяжелой бессонной ночи таскаться по жаре в незнакомом городе и по незнакомым учреждениям, не зная языка.

Военный агент очень любезен, тотчас дает листок «Объява», заменяющий паспорт. Однако с этой объявой ехать нельзя, а надо идти в Управу града для подписи.

Где эта Стара управа града? На королевском рынке, а этот рынок на противоположном конце города. Вскакиваю на первый трамвай и еду наудачу.

У дверей этой Старой управы – целый хвост ожидающих с такими же объявлениями. Наконец, и моя очередь. Сербский чиновник сердито просматривает мою бумажку и сердито ее подписывает.

Время далеко за полдень. Надо спешить на вокзал накормить своих. Усталый и измученный, возвращаюсь. Иду мимо комнаты, где выдавались паспорта. Дай-ка зайду. Русского офицера уже нет, одни сербские чиновники. Прошу их посмотреть, нет ли моего паспорта?

– Вот он, получите!

Боже мой, зачем же я мучился все утро с какой-то объявой и в чем же выразилась «помощь» русского офицера?

Попасть из Белграда в Старый Бечей – целая история. Начать с того, что никто не знает, где этот Старый Бечей, и каждый советует свое на непонятном языке. Кассирша безмолвствует. Что тут будешь делать? Говорят, что поезд идет в пять часов вечера, но с пересадкой в Новом Саду. Без пересадки поезд уже ушел, пока мы тщетно узнавали о поездах и каждый советовал свое.

Хочу использовать эти несколько часов, чтобы повидать и поблагодарить за получение визы Челнокова и Богданова. Челноков живет совсем близко, но его нет в Белграде. Иду разыскивать Богданова в незнакомом городе. Он очень приветлив и уверяет, что я во всяком случае найду заработок в Сербии, да и Земский союз выдаст мне ссуду на сельское хозяйство и на виноградники. Словом, окрыляет меня надеждой. У него же живет брат его, бывший саратовский прокурор, который ждет назначения на должность какого-то помощника комиссара и сомневается, брать ли ему это место?

Отправляемся в дальний путь бодрыми и уверенными в будущем. Часа через три – Новый Сад. Опять пересадка. Опять ночевка. Опять гостиница. Это в трех часах пути от Бечея. По дороге в гостиницу нас перехватывают какие-то старухи и уверяют, что у них прекрасно переночевать: чисто, спокойно, не то что в гостинице, и очень близко. Соблазняемся их уговорами и попадаем в какие-то хибарки, причем тут же в одной комнате спит и сын хозяйки. Мы протестуем, хозяйка злится. Сколько же стоит: 20 динаров, и требует плату вперед. Даю ей сто динаров, у нее нет сдачи и идти менять не желает. Я усталый, с дороги, тащусь сам. Возвращаюсь, а на дворе целая свара: хозяйки перегрызлись, у кого мы будем ночевать. Наконец нас уступают каким-то «сиротам», которые ведут себя нахально, совсем не по-сиротски: не позволяют нам закрыть дверь, чтобы мы чего не украли; тушат у меня перед самым носом свечу, чтобы много не горела, и т. д. Утром будят нас в семь часов и требуют тотчас освободить «собу» (комнату), тогда как поезд наш идет в полдень. Из-за чего связались мы с этими фуриями, а не остановились в гостинице?

Наконец-то Старый Бечей. Около вокзала – молодой парк, и от него длинная улица, вся асфальтированная; чистенькие, одноэтажные дома. Идем медленно и долго, извозчики не по карману. Чистая площадь, две готические церкви с часами, православная и католическая для мадьяр. Две гостиницы, нам удастся найти номер за 10 динаров. Идем разыскивать Русский дом, где, говорят, можно и пообедать.

В Бечее имеются серные источники и хорошие недорогие ванны. Общий бассейн за 1 динар. Обеды в Русском доме также очень дешевые – по 2 динара. Это уже исключительно благодаря стараниям генерала Барковского – председателя здешней русской колонии, сумевшего организовать дело и привлечь симпатии и пожертвования местных жителей – и сербов, и мадьяр.

Гостиница очень чистая и приличная, внизу в саду ресторан, где по вечерам играет музыка, которая, впрочем, мешает нам спать. Вполне благоустроенный курорт, если бы только у нас в кармане было побольше денег. Мой маленький запасец быстро тает, остается лишь 1000 динаров, хотя мы ограничиваемся самым необходимым (это примерно около 30 золотых рублей).

В половине мая вновь отправляюсь в Белград, на этот раз уже на пароходе по Тиссе и по Дунаю. Билет третьего класса стоит всего 16 динаров. Всего пути около 5 часов. Берега по Тиссе – унылые, низменные, однообразные, и лишь при входе в Дунай картина меняется: величественная река и крутой правый берег с частыми селениями.

В Белграде поневоле жмешься к своим знакомым, так как никого не знаешь. Плечусь опять к Богдановым и нанимаю около них угол за 12 динаров в сутки. Богданов не совсем здоров. Очень приветлив по обыкновению, дает некоторые советы и обещания дать Мусе пособие в 250 динаров.

На другой же день отправляюсь в поиски места и прежде всего в русское посольство. Там, во дворе, в бывших службах и даже в бане и прачечной разместилась так называемая «чрезвычайка», т. е. не божеские учреждения.

Есть еще полурусское учреждение «Државна комиссия» под предводительством Любы Ивановича. Туда входят наши русские: Штрандман⁴²⁷, Челноков, Плетнев⁴²⁸, Палеолог⁴²⁹. Эти учреждения между собой не ладят, а у хлопцев чубы трещат.

Сначала пытаю счастье у С. Н. Смирнова⁴³⁰, бывшего секретаря ее высочества Елены Петровны⁴³¹, сестры регента Александра. Смирнов производит впечатление быстрого, дельного и обходительного человека. Он направляет меня в Отдел труда, где встречаю корректного господина с очень знакомым лицом. Оказывается, он из Государственной канцелярии в Петербурге, где я его, очевидно, и встречал. Он советует мне, во-первых, не уезжать из Белграда, пока я не добьюсь места, и, во-вторых, попытать счастья у министра правды⁴³² – русофила, окончившего русский университет. Он дает русским места.

Однако министр сейчас в Загребе на съезде. Посижу у моря, подожду погоды. А деньги все плывут. Случайно встречаю на улице профессора Локоть⁴³³, советует повидаться с председателем Общества славянской взаимности Смольяниновым⁴³⁴.

Не наш ли он, рязанский?

⁴²⁷ Штрандман Василий Николаевич (1873–1963) – дипломат. В 1917 г. советник миссии в Афинах. В 1919 г. представлял правительство А. В. Колчака в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

⁴²⁸ Плетнев Ростислав Владимирович (1903–1985) – литературовед, публицист.

⁴²⁹ Палеолог Сергей Николаевич (1877–1933) – дипломат. В 1914–1917 гг. вице-директор Департамента общих дел МВД. В 1920 г. П. Н. Врангель назначил Палеолога уполномоченным по делам русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

⁴³⁰ Смирнов Сергей Николаевич (1877–1958) – инженер, археолог. Секретарь княгини Елены Петровны (урожд. Карагеоргиевич).

⁴³¹ Елена Петровна (1884–1962) – дочь сербского короля Петра I Карагеоргиевича, жена князя императорской крови Иоанна Константиновича. В 1918 г. решением Президиума ВЦИК была передана норвежскому посольству. Выехала из Советской России.

⁴³² Имеется в виду Министерство юстиции.

⁴³³ Локоть Тимофей Васильевич (1869–1942) – общественный и политический деятель. Депутат I Государственной думы от Черниговской губернии. Впоследствии придерживался крайне правых взглядов.

⁴³⁴ Смольянинов Владимир Николаевич (1864–1942) – государственный деятель, действительный статский советник, гофмейстер. С 1915 г. сенатор.

В назначенный день и час отправляюсь к Смольянинову. Выходит маленький горбатый господин с решительными манерами и голосом. Оказывается, действительно рязанский, из спасских помещиков, бывший попечитель Рижского учебного округа.

– Откровенно вам скажу, мне уже русские надоели. Но своему земляку надо помочь. Приходите через час.

Пользуюсь этим часом и захожу напротив, через улицу, к Д. И. Никифорову⁴³⁵, бывшему директору Кредитной канцелярии после Л. Ф. Давыдова. Он причислен к Министерству финансов на 1000 динаров жалованья в месяц, и ему отведены по реквизиции две комнаты в какой-то торговой школе. Встречает меня любезно, но далеко не радостно, рассказывает, что в Министерстве финансов ему никакого дела не дают, работу его игнорируют, так что он даже перестал ходить в министерство. Или просят у него совета, как сделать динар полноценной монетой?

– Если бы я обладал таким талисманом, – говорит Никифоров, – то не сидел бы здесь в Торговой школе в Белграде.

В общем, визит довольно безотрадный.

Возвращаюсь к Смольянинову, у него уже сидит какой-то полный господин – Павлович, бывший воспитатель регента, следовательно, лицо, довольно влиятельное в Сербии. У него уже готово для меня письмо к министру финансов. Кроме того, Смольянинов дает мне визитную карточку к Максимовичу, якобы своему человеку в Министерстве финансов. На следующий день пытаюсь быть у министра. Тщетно: он на седнице⁴³⁶. Вместо министра принимает его секретарь. Надо сказать, сколько раз я ни пытался попасть к министру, он всегда был на седнице и всегда принимал его секретарь. Передаю письмо Павловича секретарю, оно так и кануло в вечность. Когда после я хотел справиться, что же последовало по этому письму, то оказалось, что оно потерялось.

Столь же неудачно было и мое посещение Максимовича, он венский «профессор», как себя рекомендовал, т. е. попросту учитель в Белграде, приятель некоего Дучича, директора департамента Министерства финансов. Дучич этот также неуловим: то он на ревизии, то на седнице, то на бани, т. е. в курорте. То мне сказали в его кабинете, что им нужны работники, то не нужны. В конце концов прошение мое попало в архив в связи с непредставлением марок. Впоследствии я убедился, что оно также попало бы туда и с марками.

А министра правды все нет. Захожу как-то к Челнокову. Если бы я встретил его где-нибудь на улице, я бы его не узнал: вместо брюнета с проседью и с окладистой бородой передо мной совершенно седой как лунь, бритый старик, румяный, с лицом пастора.

Принял он меня весьма холодно, не отрываясь от шахмат и спеша в какое-то заседание. Когда я заикнулся о помощнике комиссара, то он раздраженно ответил:

– Это уже пусть господа Палеологи устраивают на эти места!

И при этом ссылка на этого несчастного графа Бобринского, которым все уши прожужжали, и которому дали в заведование целое герцогство в 60 000 гектаров, и которого золотая молодежь наша там обворовала.

Наконец-то министр правды вернулся из Загреба. Прием очень ранний, в восемь часов утра. Но зато министр действительно принимает сам и не скрывается на седницах. Записываюсь одним из первых. Однако сначала принимают сербов, затем генералов. Наконец моя очередь. Министр принимает стоя, это очень хороший способ, чтобы посетители не задержива-

⁴³⁵ Никифоров Дмитрий Иванович (1866–1966) – государственный деятель. С 1914 г. директор Кредитной канцелярии Министерства финансов. С 1916 г. сенатор. В 1918 г. министр финансов крымского краевого правительства. Член Особого совещания при А. И. Деникине. В 1919 г. по делам финансов в Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Курской губерниях. С сентября 1919 г. управляющий Государственным банком и начальник кредитной части Управления финансов.

⁴³⁶ То есть на заседании.

лись. Он хорошо говорит по-русски. На мою просьбу о комиссарстве министр показывает мне кипу бумаг: это все просьбы о комиссарстве.

– Хотите попасть в эту кипу? Лучше берите какое-либо другое место, а прошение о комиссарстве ожидайте своим чередом.

Очень резонно. Остается лишь поблагодарить. Министр звонит. Приходит курьер.

– Проводите этого господина к начальнику Николичу, чтобы дать ему место.

И все. Идем к начальнику Николичу, его как раз нет в кабинете. Курьер просит меня обождать, а сам уходит. Через некоторое время возвращается Николич. Я пытаюсь с ним объяснить, но он по-русски не понимает. Вызывают переводчика, тот требует курьера.

– Что сказал вам министр?

– Дать место этому господину.

Почерк пера и рукопожатие. Выходим из кабинета. Переводчик наш, русский, господин Романов, говорит мне:

– Ну, все сделано, дня через два все будет готово. Куда вы желаете?

– В Старый Бечей.

Входим с ним в канцелярию, целый скандал: как, опять назначение к Воеводину⁴³⁷? Там уже русских чиновников больше, чем сербов.

Если бы я мог предвидеть последовавшее, как охотно отказался бы я от Старого Бечея.

Какую же должность мне дают? Помощник официала в сербском суде, или помощник секретаря в уездный суд, оклады жалований 700 рублей.

Признаюсь, такой быстроте назначения я не поверил и решил пока вернуться в Бечей, оставив в министерстве свой адрес. Это была ошибка. Я вернулся в Белград через неделю, и оказалось, что назначение мое действительно состоялось через два дня: 1 июня уже последовал декрет. Ошибка моя была в том, что у сербов жалование полагается не со дня назначения, а со дня присяги.

Я смог вернуться в Бечей только в половине этого месяца и опять сделал ошибку, не взяв с собой предписания на имя суда. Его пришлось обождать до 20-го.

Так что я проморгал свое жалование на все три недели.

Чтобы не терять времени в Белграде, вновь пытаюсь попасть к министру финансов, и опять тщетно: министр на седнице. Максимович со своим Дучичем что-то вертятся. Не попробовать ли добиться письма от какого-либо депутата? Лично у меня никого нет знакомых, но через других получаю письма к депутатам Симоновичу и Васичу – второстепенные депутаты. Однако и их поймать нелегко: адрес их в Скупщине неизвестен, и надо ждать, когда они придут на заседание.

Сербская Народная Скупщина помещается во временном здании, по расположению комнат очень напоминающем русскую Государственную думу в миниатюре. Симонович – адвокат в Загребе и приезжает в Белград только на заседания Скупщины. Васич – социал-демократ, я его так и не поймал, и на письмо он ничего не ответил. С Симоновичем – удачнее: после томительно долгого ожидания в коридоре Скупщины он наконец вынес целую пачку писем, одно из них для меня, но не на имя министра правды, как я просил, имея в виду место комиссара, а на имя его товарища господина Кречковича.

Кстати захожу на заседание Скупщины: гул, разговоры, понять речь оратора очень трудно. Говорит министр правды. Ему возражает какой-то левый, что-то о Топчидаре (парк и казенное имение около Белграда), надо полагать, очень ядовито, ибо с мест все время слышатся реплики и крики. Наконец он закончил, идет на место. В это время кто-то с правой скамьи ему что-то крикнул, вероятно, очень обидное, ибо он живо оборачивается и моментально дает ему пощечину.

⁴³⁷ Имеется в виду край Воеводина.

– Mais pourquoi il fait cela?⁴³⁸ – спрашиваю одного из выходящих депутатов.

– Ah! C'est le paysan!⁴³⁹ – бросает он мне с пренебрежительным жестом.

Больше мне в Белграде делать нечего. Возвращаюсь в Бечей с декретом в кармане. Наутро являюсь на службу к председателю суда господину Войновичу. В Сербии все адвокаты – доктора права; в Сербии – изобилие ученых степеней, все доктора и профессора.

Меня встречает сидя плотный, румяный, седой старик; сесть не приглашает и руки не подает.

Как депутат Государственной думы я не раз представлялся государю императору величайшей Российской империи, и он всегда протягивал мне руку.

Кто же такой Войнович, хотя бы и доктор? Неужели его положение выше русского царя?

По сербскому обыкновению, Войнович предлагает мне «чекать», т. е. подождать, пока к нему придут мои бумаги из Белграда.

Чекаю (по-сербски: чекам) несколько дней. Наконец прошу генерала Барковского сходить со мной к недостижимому в своем величии председателю Бечейского уездного суда. Опять встречает нас сидя; Барковскому подает руку, а мне нет: совсем воспитанный человек, сразу видно, что из хорошего общества. А еще, говорят, заполучил венгерский баронский титул, которым теперь, конечно, не пользуется в Сербском королевстве.

Уходя, генерал Барковский также не подал ему руки. Спасибо. Настоящее воспитание-то сказалось.

Наконец 20 июня бумага о моем назначении «дошла» до Бечея; это с 1 июня, когда до Бечея от Белграда всего семь часов пути по железной дороге.

Впоследствии, впрочем, бывало и похуже. Приношу перед председателем, как перед иконой, клятву. Теперь я уже сербский чиновник, но без сербского языка: декрет дает мне годовой срок на изучение этого языка.

За мной следом на верхний этаж суда поднимается из Уголовного отделения судья Эмиль Райкович. Он приглашает меня с собой, ибо я к нему прикомандирован. В его отделении как раз идет заседание суда о какой-то потраве на полосе железнодорожного отчуждения. Вникаю в смысл разговора и кое-что в общих чертах понимаю. Судебная процедура очень проста: судья в пиджаке, а подчас и без пиджака, ходит по камере, а подсудимый перед ним сидит. Письмоводитель Никола совсем уже по-домашнему ложится на диван, напеваает или зевает вслух.

– У нас суд демократический, – говорит мне Райкович на мое удивление о такой чрезмерной простоте. И тут же применяет довольно сложную систему условного осуждения по последнему слову науки уголовного права.

Впрочем, Никола был единственным в своем роде во всем нашем суде; он служил по вольному найму у Райковича, писал записник, т. е. протокол заседания, под диктовку самого судьи; но больше читал венгерские романы и обожал биоскоп. Кажется, Райкович по доброте своей просто пригрел круглого сироту, неврастеника и ревматика Николу.

После произнесения приговора судья подходит к обвиняемому, треплет его по плечу и, видимо, сам больше всех доволен, что все обошлось по-хорошему, без строгих кар и возмездий. Тут же, очевидно, экспромтом и специально для меня Райкович произносит речь о всеславянской взаимности, о роли Сербии, о славянском государстве до Месопотамии. Все, в том числе и адвокат, терпеливо слушают этот экспромт.

– Господин, вы разумеете? – внезапно обращается ко мне Райкович. Ясно, что речь была сказана для меня.

⁴³⁸ Но почему он это делает? (*фр.*)

⁴³⁹ А! Это крестьянин! (*фр.*)

В тот же день он посадил меня за писание повестей, «подив на суд», но с непривычки сербские и особенно мадьярские имена и фамилии такие трудные и мудреные, что я их сильно переврал в повестках.

Не знаю, по этой ли причине, или просто потому, что Райковичу стало неловко сажать за такую ничтожную работу столь солидного человека, но повестки эти я писал не более двух дней. Думаю, что вернее была первая причина. После этого он дал мне заготовить образцы решений о заключении под стражу в количестве 50 экземпляров. На этом и остановилась моя работа в уездном суде. Пробовал он раза два-три диктовать мне записник, но я делал такие ошибки, что и это пришлось оставить.

Все утро с 9 до 12 часов я исключительно посвящал изучению сербского языка, переводя и переписывая с сербского тургеневскую «Асю»⁴⁴⁰. Я перевел ее два раза и благодаря этому достаточно овладел сербским языком для понимания печатного, однако пока еще со словарем и грамматикой в руках. Вечерние часы я или писал вот эти мемуары, или читал Жуковского⁴⁴¹, которым снабдил меня все тот же милый Райкович, серьезно уверенный, что Жуковский – лучший русский поэт. К «Асе» он отнесся довольно скептически.

Двадцатого июня я вступил в должность судебного официала, а 23-го мне уже предстояло выехать вновь в Белград на съезд членов бывших законодательных палат. Конечно, было очень неловко, но поступиться своими депутатскими прерогативами также не хотелось.

«Дозволу» на отлучку получаю, впрочем, беспрепятственно и с первым пароходом по Тиссе я опять в Белграде, уже в четвертый раз.

В последний раз я из экономии оставался в общине Красного Креста. Но что я увидел там, можно видеть разве только в ночлежке: офицеры, генералы, старики, инвалиды, женщины и дети размещались не только в бывшем трамвайном сарае, но и во дворе, в старых вагонах и прямо под открытым небом на земле. Перепадали дожди, и было очень сыро. Заведующий этим общежитием оказался наш бухгалтер из Ялты Тверитинов, который приютил меня в своей комнатухе на своей кровати, а сам лег на полу; там же на полу ночевал и бывший крымский министр⁴⁴², проскочивший контрабандой из Салоник.

И в этот раз опять отправляюсь к Тверитинову в общежитие, и он предлагает мне записку к своему приятелю-инженеру. Отыскиваю этого инженера где-то очень далеко, бужу его среди ночи и рекомендую. У него действительно есть лишняя кровать, но не скажу, чтобы приятельская записка сделала его очень приветливым. Чуть свет он уезжает по каким-то делам, а хозяйка его очень решительно заявляет мне, чтобы я уходил пододру-поздорову.

Забираю свою сумку и, скрепя сердце, беру комнату на последние свои гроши. А денег все меньше: истрачены уже 250 динаров, данных Богдановым Мусе в пособие; истрачены 300 динаров пособия от доктора Куяльчича, продана последняя заветная 1000 марок. Вот он, тот черный день, про который я их берег.

Съезд членов законодательных палат никакого интереса не представил: Н. Н. Львов повествовал нам о миссии Русского совещания при армии Врангеля, что дало возможность графу Олсуфьеву⁴⁴³ назвать это совещание «затычкой», и не без оснований. Профессор Локоть рассказывал о своих впечатлениях на съезде в Рейхенгалле⁴⁴⁴. Сконструировали Белградский парламентский комитет с митрополитом Антонием⁴⁴⁵ во главе. Устроен был файф-о-клок⁴⁴⁶ у посла Штрандмана.

⁴⁴⁰ «Ася» – повесть И. С. Тургенева (1857).

⁴⁴¹ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт.

⁴⁴² В рукописи неразборчиво.

⁴⁴³ Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф (1862–1937) – общественный и политический деятель, действительный статский советник (с 1911 г.). С 1906 г. член Государственного совета; принадлежал к группе правых, а с 1912 г. к группе центра.

⁴⁴⁴ Имеется в виду Рейхенгалльский монархический съезд 1921 г.

⁴⁴⁵ Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) (1863–1936) – иерарх православной церкви, религиозный и полити-

Для себя мне и на этот раз ничего не удалось устроить: министры и начальники кто на баньи, кто на седнице, а кто не принимает вообще.

Возвращаюсь вспять на свою ужасную должность писца в уездном суде.

Неужели это все, что могла мне дать юная, не сложившаяся еще держава при моем опыте и подготовке?

Каждого первого числа – выдача жалованья чиновникам. Почти каждый из судейских чиновников подошел ко мне и предупредил, что сегодня надо получить жалованье. Однако все эти предупреждения оказались напрасными: жалованье мне еще не «дошло». Ну, делать нечего, как-нибудь перебыюсь, пока оно «дойдет». Однако время идет, а жалованья все нет. Вот уже 1 августа, чиновники получили второй раз жалованье, а мне все еще не «дошло». Пришлось обратиться к займам в разных местах, понемногу задолжал уже свыше 1000 динаров.

Надо опять ехать в Белград, узнавать, в чем дело. На заемные гроши еду. На этот раз останавливаюсь в Земуне: дешевле и удобнее. Переезд по реке Дунаю и по Саве в Белград стоит всего полтора динара и длится 20–25 минут. Земун – хорошенький австрийский городок, улицы асфальтированы, чудный парк, река Дунай, приличные гостиницы и рестораны. Многие служащие в Белграде живут в Земуне. Еду в министерство. Оказывается, что если бы я не приехал, то мог бы ждать и еще месяц, и два, и три. Начальство разъехалось на банью, а дело – не медведь. Даже такое дело, как жалованье голодным русским беженцам. В министерстве на столе лежит целая кипа таких дел, и милый Романов⁴⁴⁷ вытаскивает из этой кипы мое дело и кладет его к подписи сверху. Начальство обещает подписать его «сутра» (завтра). Я уже испытал, что значит это «сутра», и прошу дать мне на руки бумагу. Нельзя. Строжайше запрещено. Почему? Обещают выдать жалованье 1 сентября сразу около 2 тысяч динаров за все время. У нас в суде почему-то продолжают считать на кроны, которых в обращении давно уже нет. 2 тысячи динаров равняются 8 тысячам крон. Эта цифра импонирует, и все мои сослуживцы по очереди подходят ко мне и с какой-то завистью повторяют: «Восемь тысяч крон!»

– А сколько это будет хеллеров?⁴⁴⁸ – спрашиваю их. – Целый мешок?

Насмешка подействовала, больше не подходили. Конечно, раз 8 тысяч крон, то я уже спрятал в карман свою претензию, что вместо обещанных 750 динаров в месяц решили выдать лишь по 600 динаров. Такая претензия теперь не встретила бы сочувствия: помилуйте, 8 тысяч крон! А между тем к 1 сентября у меня уже накопилось долгов до 1500 динаров.

К счастью, Державная комиссия во внимание к моему прошлому назначила мне «размен», т. е. пособие по 240 динаров в месяц. А то хоть волком вой!

Что всего удивительнее, в той провинции, где мы живем, сербы не оказывают русским никакого сочувствия: ни один серб не пустит русских в свою «кучу», т. е. дом, хотя бы куча эта стояла пустая и запертая. Сами хозяева входят в это святилище разувшись. И в то же время на словах изумительная ласковость.

– Ви йош нисте ручали?⁴⁴⁹ – спрашивает вас серб, переваривая свой обед на лавочке перед домом: – То не добра!⁴⁵⁰ – И при этом сочувственно причмокивает.

Новый председатель суда господин Стефанович, молодой еще человек, явился к нам в канцелярию и был очень озабочен, достаточно ли я работаю? Он не интересовался, получил ли я жалованье, как я живу с семьей, не имея денег.

чешский деятель. С 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий. В 1919 г. возглавил высшее церковное управление на юге России. В 1921 г. участник Первого Заграничного («Карловацкого») собора. Возглавил Русскую православную церковь за границей.

⁴⁴⁶ Имеется в виду чаепитие.

⁴⁴⁷ Романов Владимир Федорович (1874–?) – государственный деятель. С 1914 г. уполномоченный Красного Креста на Юго-Западном фронте. После 1917 г. в эмиграции, в Сербии.

⁴⁴⁸ Имеется в виду валюта Австрии. В одной кроне было 100 геллеров.

⁴⁴⁹ Вы еще не обедали? (сербск.)

⁴⁵⁰ Это не хорошо (сербск.).

Наш добрейший Райкович горячо вступился за меня и показал какие-то мои работы. Стефанович милостиво кивнул мне, чтобы я сел. Во мне все кипело: я решил прекратить эту глупую сцену и заявил, чтобы председатель суда не беспокоился, ибо я уже подал просьбу о перемещении. Райкович еще больше встревожился и стал уверять меня, что я ему очень полезен. Добрый Райкович: это единственный человек, которого я здесь пока встретил. Такой же доброты и сестра его, которая живет с ним: на их иждивении находятся ее другая сестра с мужем и большой семьей. Я был на их хуторе (салаш): как обласкали и закармлили меня там и на прощанье подарили двух уток.

С какой любовью вспоминали они о семи русских военнопленных, которые жили у них на хуторе четыре года и с которыми сам Райкович работал тогда в поле. Подумаешь, какие-то ангелы жили у них, а не русские мужики. Райкович уверяет и просит записать это в мои мемуары, что все четыре года эта провинция Венгрии – Воеводчина – жила трудом русских военнопленных. Тогда за русскими тянулись все сербы, и все открывали им свои кучи.

Хлопоты о перемещении я действительно начал, особенно после следующего инцидента: я уже говорил, что при назначении министр правды разрешил мне подать просьбу о комиссарстве. Я ее подал с письмом депутата Симоновича. Когда я сел в Бечее за стол писца, я сразу увидел, что я здесь не на месте, и в последнюю поездку в Белграде я вновь хотел просить министра о том же.

Однако после покушения на регента Александра и после убийства министра Драшковича⁴⁵¹ министры стали очень осторожны, и министр правды временно совсем прекратил приемы просителей. По совету Романова я написал министру письмо, и курьер передал ему это письмо при мне же.

Каково же было мое удивление, когда почти следом за мной к нам в Бечей на должность комиссара был назначен не я, а некто в сером, один из тех Ивановых, которые рассеяны повсюду и которых везде встретишь: бывший кавалерист, а затем тюремный инспектор. Я тотчас послал телеграмму министру и одновременно несколько писем знакомым, чтобы меня устроили в Министерство финансов в Белграде.

Вероломство министра правды с его невыполненным обещанием предоставить мне место комиссара меня страшно возмутило. Я вновь отправился в Белград с твердым решением во что бы то ни стало добиться перемещения.

Я прожил в этот раз в Белграде целую неделю, обил все пороги всех министерств, и все бесполезно. Тогда мне пришла счастливая мысль воспользоваться рекомендацией какого-либо видного депутата, обратившись к нему лично как к своему коллеге. Я избрал для этой цели председателя Финансовой комиссии Войя Вельковича, профессора юридического факультета, который и принял меня в демократическом Клубе Народной Скупщины. Я не ошибся в выборе: узнав, что я бывший член Государственной думы и секретарь Бюджетной комиссии, господин Велькович тотчас дал свою визитную карточку со своей подписью и кабалистическим значком, которая в тот же вечер открыла мне столь плотно захлопнутые двери в кабинет министра финансов Кумануди⁴⁵². Министр приказал причислить меня в Информационное бюро (пресс-бюро) министерства, что и было исполнено на следующее утро, с назначением мне содержания в 1000 динаров. В министерство был вызван откуда-то шеф этого бюро Мита Димитриевич⁴⁵³, ранее служивший в Петербурге секретарем Сербского посольства и говоривший по-русски. Я был сдан ему с рук на руки, и он повел меня через двор во флигель; мы вошли в крошечную комнатку, где могло поместиться только два стола и два стула.

⁴⁵¹ Драшкович Милорад (1873–1921) – сербский государственный деятель. С 1920 г. министр внутренних дел. Убит коммунистом Али Алияричем.

⁴⁵² Кумануди Коста (1874–1962) – сербский государственный деятель, министр финансов в 1921–1922 гг.

⁴⁵³ Димитриевич Мита (1879–1952) – сербский дипломат, политический деятель, депутат Народной Скупщины.

– Видите, у нас нет помещения, чтобы вы могли работать. Но так как вас нам рекомендовал наш друг Велькович, то я и предлагаю вам пока возвратиться в Бечей и пожить там, а жалованье вы будете получать ежемесячно из Народного банка. Имейте в виду, – продолжал Димитриевич, – что на тысячу динаров в Белграде с семьей вы не проживете, поэтому подыскивайте еще частный заработок, и кроме того, мы определим на службу и вашу сестру на тысячу динаров жалованья.

Я уехал из Белграда с самыми розовыми надеждами. Вот что значит визитная карточка «нашего друга Вельковича»! Впоследствии я узнал, однако, что дружба эта была лицемерной, ибо сам Мита Димитриевич оказался радикалом, противником демократов, к которым принадлежали и господин Велькович, и министр Кумануди.

Конечно, прежде всего я постарался как можно скорее освободиться от ярма судейского писца в Бечее. Райкович и жалел меня, что я ухожу, и гордился, что я так удачно устроился.

– Я так и знал, что вы замышляете уйти от нас, раз вы не вернулись вовремя из отпуска! – несколько раз повторял он мне, подчеркивая свою догадливость.

Председатель суда еще раз хотел показать мне свою власть, утверждая, что он не может меня освободить от должности, пока не получит бумагу от начальства. Я уже хорошо изучил скорость их делопроизводства и наотрез отказался получить жалованье в суде, чтобы руки у меня были развязаны.

По старой памяти, однако, я часто приходил к Райковичу в суд уже в качестве «вольной птицы», и Райкович всегда был очень доволен. На него немедленно накатывал пыл усиленной работы, он снимал пиджак, засучивал рукава и все повторял: «Работать, работать!»

И мы все изо всех сил строчили повестки в суд. Этим наша великая работа и заканчивалась. Милый, добрый и благородный Райкович был идеальный судья по своей интеллигентности, великодушию и неподкупной честности. Но он совершенно не умел работать систематически, так что дела у него накапливались кипами и залеживались навеки.

Диктовка «записника», протокола заседания, являлась для нас каким-то священнодействием, каким-то литературным изощрением. Тогда как другие судьи писали их в два-три слова, по шаблону, и дела у них не залеживались.

По характеру своему Райкович был поэт, эстет, вечный студент, и вся его служба в суде, так же, как и его сельское хозяйство, носила характер какого-то экспромта. Сплошь да рядом мы часами сидели в суде без дела, и когда наступал час окончания службы, внезапно являлся Райкович с какой-нибудь импровизированной работой по хозяйству, с горячим желанием «работать и работать». А мы уже посматривали на часы.

Каждое первое число я отправлялся в Белград за жалованьем: иначе мне не на что было бы жить в Бечее. Каждый раз я обращался к Мите Димитриевичу с просьбой дать мне какую-либо постоянную работу, хотя бы для этого мне пришлось переехать в Белград. И каждый раз он отвечал, что у него нет для меня ни работы, ни места в канцелярии. И почти всегда он имел жестокость и бестактность напомнить мне, что они оказывают мне вспомоществование.

Вскоре Димитриевич потребовал, чтобы жалованье свое я получал лично от него, а не в Народном банке, что не предвещало ничего доброго, хотя бы по одной его неаккуратности: однажды он уехал за границу и не позаботился, чтобы и без него мне было выдано жалованье в срок; и мне пришлось ездить за жалованьем три раза, истратил на эти поездки 350 динаров, тогда как все жалованье мое составляло 1000 динаров. По возвращении господин Димитриевич даже не извинился, как будто так и следовало поступить.

Мое неопределенное положение меня очень тяготило, и я попробовал переехать в Земун, чтобы ежедневно бывать в министерстве. Однако прошло две недели, и никакой работы я не получил.

Между тем Дмитриевич становился все бесцеремоннее и не стеснялся упрекать меня при посторонних, что я пользуюсь их вспомоществованием. Как горек был мне этот хлеб! Но у меня на руках была беспомощная женщина с ребенком: что мог я предпринять?

Бесцеремонность его достигла верха, когда коалиционное министерство пало и демократы были устранены из правительства. Тогда Дмитриевич окончательно перестал со мной стесняться. Перед Рождеством он объявил мне, что хочет помочь какой-то русской семье и потому предлагает мне получить 800 динаров вместо 1000 динаров. Это перед праздниками-то!

– Может быть, вы не согласны? – спросил он меня, выдавая мне 800 динаров.

Мог ли я не согласиться? Наконец он объявил мне, чтобы я искал себе другую должность.

Я поспешил забрать своих и переехать в Земун, хотя на 1000 динаров жить втроем в Земуне было чрезвычайно трудно: комната без отопления стоила 400 динаров, тогда как в Бечее за целый флигель мы платили 150 динаров. Но рассуждать было невозможно, и мы наспех перебрались из Бечея.

Однако моего служебного положения это нисколько не улучшило, наоборот, Дмитриевич, по-видимому, остался этим очень недоволен и никакой работы мне все-таки не давал.

Однажды он объявил мне, что в последний раз выдает мне жалованье, ибо «безнравственно получать жалованье ни за что».

Это до такой степени меня обидело, ибо я все время просил его, чтобы мне дали работу; с другой стороны, это так напугало меня за судьбу моих близких, находящихся на моем попечении, что я решил пойти в другое отделение министерства – бюджетное, начальника которого очень хвалил мне Д. И. Никифоров. К тому же бюджетные вопросы были мне хорошо известны по Государственной думе. И счастье мне улыбнулось. Начальник этого отделения господин Мика Йованович действительно оказался очень гуманным человеком и тут же рекомендовал меня одному из своих помощников Дюричу. Этот последний жил в России, женат на русской и отлично владел русским языком. Он отнесся ко мне очень сердечно и охотно наметил мне работу по сербской валюте. Эта работа меня и спасла. Чтобы выполнить ее, мне пришлось целый месяц просидеть над сырым материалом по выписке всех законоположений о валюте из правительственной газеты «Службана Нована», ибо материала в готовом виде не было.

Когда я объявил Дмитриевичу, что по поручению Бюджетного отделения я начал работу над валютным вопросом, это ему не понравилось.

– Это их совершенно не касается! – с неудовольствием заметил он.

Однако об увольнении меня он уже более ничего не говорил. К сожалению, Бюджетное отделение не могло принять меня в свой состав по отсутствию кредита, и мне все еще пришлось оставаться у Дмитриевича.

Новой работой я овладел очень быстро. Понял все слабые стороны сербской валюты и написал большой реферат для министерства. Но мне хотелось изложить эту тему и в печати, и я написал популярную большую статью и отнес ее в газету «Триовчиски Гласник», которая казалась мне наиболее серьезной. Статья эта была напечатана.

С этого времени счастье повернулось ко мне: начать хотя бы с того, что Народная Скупщина была распущена, и на новых выборах Мита Дмитриевич по списку радикалов в Русской Сербии прошел в народные посланники.

На его место в министерство был назначен другой, более гуманный человек, молодой доктор Мишич. Он предложил мне сам, чтобы я ежемесячно представлял ему работу по своему выбору. Я выбрал разработку бюджета. Над этой работой я сидел месяца четыре, результатом чего и явились четыре больших реферата, написанные по-русски. Эту работу мне также хотелось напечатать, и по старой памяти я опять отнес ее в «Триовчиски Гласник». Прошел месяц, а статья все не появлялась.

Отчего не попытаться напечатать в какой-либо другой газете?

И я совершенно случайно, наобум, отнес ее в «Политику»⁴⁵⁴. Меня встречает очень интеллигентный господин, оказавшийся впоследствии главным редактором и хозяином этой газеты, Слободан Рибникар⁴⁵⁵.

Случайно и совершенно неожиданно я попал в самую точку: оказалось, что Финансовый отдел в этой газете вел Милан Стоядневич⁴⁵⁶, который теперь занял пост министра финансов в Кабинете Пашича. Временно в «Политике» его замещал доктор Мишич, как раз мой принципал; им в редакции были почему-то недовольны и подыскивали другое место. Как раз в этот критический момент я и пришел в редакцию со своими бюджетными статьями. Редактор, или, как здесь называют, директор, господин Рибникар взял у меня мои статьи и просил зайти за ответом дня через три.

Всю эту закулисную сторону я узнал лишь впоследствии. Тогда же мне просто хотелось поместить свою работу в печати, может быть, и за плату. Надо сказать, что «Триовчиски Гласник» за мою большую статью мне ничего не заплатил.

В Земуне, вернее сказать, в предместье Земуна в немецкой колонии Франценстан нам жилось очень плохо, и мы все время обдумывали, как бы нам вернуться опять в Бечей, ибо здесь втроем на 1000 динаров, т. е. на 30 рублей золотом, жить было совершенно невозможно, и мы часто буквально голодали и еще чаще холодали за неимением дров. Хозяева – немцы – нам попались ужасные, их же соседи, немцы, говорили, что хуже нет во всем Франценстане. Хотя комната наша была большая, высокая и светлая, в три окна на улицу, но вечные мелкие придирки хозяев прямо отравляли жизнь, нам не позволяли даже умываться в комнате, чтобы не капать воду на пол. С какими ухищрениями и хитростями надо было вымыть восьмилетнего ребенка?

Я уже списывался с Райковичем, нельзя ли нам с ним совместно снять в аренду какой-нибудь салаш; он, по своей доброте, на все соглашался и даже прикатил к нам в Земун за какими-то несуществующими у нас капиталами, к новому ужасу наших хозяев, что он, переночуя, испортит пружины на их «канапе» – какая-то старая колченогая кушетка.

Так обстояло у нас дело в Земуне, когда я зашел к Рибникару в «Политику»: мы очень бедствовали, стремились вон из Франценстана и подыскивали даже себе квартиру в Новом Бечее, где находился Харьковский институт, куда мы решили поместить Мусю.

За всеми этими хлопотами и заботами я сильно запоздал и зашел в «Политику» за ответом лишь недели через полторы.

– Куда вы пропали? Мы вас везде ищем! – встретили меня в редакции. – Директор очень хочет с вами переговорить!

В этих-то переговорах и выяснилось, что место «финансиера» в редакции свободно, и господин Рибникар не прочь пригласить меня на определенное жалованье в две-три тысячи в месяц.

Надо ли говорить, как обрадовало меня это предложение и как оно меня устраивало?

Я вернулся домой, что называется, на вожжах, и все наши планы, конечно, изменились.

Однако, прежде чем решить этот вопрос, Рибникар вездеход в русских учреждениях справлялся обо мне и решил меня проэкзаменовать. Но так как сам он мало понимал в финансах, то пригласил себе в помощь доктора Гавриловича, при котором и состоялся этот замаскированный экзамен – диспут по поводу моей статьи.

Было решено затем, что статьи мои будут помещены с полной моей подписью и даже с обозначением: бывший секретарь Бюджетной комиссии Государственной думы.

⁴⁵⁴ «Политика» – белградская газета, издававшаяся с 1904 г.

⁴⁵⁵ Рибникар Слободан (1873–1924) – врач, главный редактор газеты «Политика».

⁴⁵⁶ Стоядневич Милан (1888–1961) – сербский и югославский политический деятель. В 1922–1924, 1924–1926, 1934–1935 гг. министр финансов.

На этом мы и расстались. Проходят дни, затем недели, наконец месяц. Моих статей в печати все нет, и никакого приглашения я не получаю. Я уже думал, что все это дело пропало. Но здесь весьма энергично вступился наш бечейский знакомый и царскосельский некто Андреев, который по своему предприимчивому и экспансивному характеру никак не мог примириться с моей инертностью. Он отправился к известному ему профессору Лебеденко (из Москвы), уговорился с ним, чтобы тот, в свою очередь, попросил бывшего военного агента в Белграде генерала Артамонова⁴⁵⁷ мне в помощь, главным образом в сербском языке, и устроил все это так искусно и быстро, что мы с генералом Артамоновым явились вновь в кабинет директора Рибникара.

Это появление русского генерала, хорошо известного в Белграде еще из царского времени, произвело полный эффект, и в этот наш визит мы окончательно условились, что я вступаю в редакцию «Политики» на оклад в 2000 динаров в месяц с обязательством помимо отдельных финансовых статей давать ежедневно биржевой отчет.

Этот-то биржевой отчет меня и спас, когда через год Слободан Рибникар скончался, а на его место вступил доктор Гаврилович.

Рибникар и ранее часто прихварывал, так как страдал сердечной болезнью и должен был предоставлять себе периодически отдых. За это время его обыкновенно заменял Гаврилович. В один из таких перерывов я, к своему удивлению, увидел в «Политике» статью по бюджету неизвестного автора, который весьма малообоснованно критиковал работу министра финансов. Это меня задело за живое, как потому, что финансовый отдел был предоставлен мне, так и потому, что я очень ценил искусство нового молодого министра финансов, сразу взявшего правильное направление в сильно запущенных финансах королевства.

Я, в свою очередь, написал другую статью по бюджету, где зло высмеял анонимного автора первой статьи.

На другой же день в редакции мне сообщили, что редактор желает со мной переговорить. Ничего не зная и не предвидя, я вхожу в кабинет редактора, который сразу начал со мной объясняться в очень повышенном тоне и в том смысле, что редакция не желает быть заподозренной в подкупе со стороны министра финансов и что мое положение как причисленного к Министерству финансов здесь особенно предосудительно.

Такое неожиданное злостное обвинение и такой повышенный тон меня очень обидели, так как в действительности я не чувствовал за собой никакой вины и в помыслах не имел подслуживаться к министру.

И если я и был причислен к пресс-бюро Министерства финансов, то еще при прежнем министре и с рекомендацией депутата Вельковича, и работал для министерства на дому: в то время у меня на руках была большая работа «Югославия в цифрах», состоящая из таблиц и диаграмм. Так что свои 1000 динаров жалованья я получал недаром.

Когда я попытался возразить Гавриловичу, но в волнении не мог быстро подобрать сербских слов, он прервал меня:

– Ну, я сказал, и кончено!

С тех пор наши отношения с Гавриловичем остались очень натянутыми.

Моя горькая нужда, семья на руках на чужбине, заставили меня перенести эту незаслуженную обиду. Я сам удивлялся: я ли это? Какой шум я поднял бы в России, если бы со мной там кто-либо осмелился так разговаривать? И конечно, ни одной минуты не остался бы в редакции. Как ломает человека нужда!

Когда Рибникар умер и Гаврилович вступил вместо него, он совершенно перестал печатать мои финансовые статьи, и я остался лишь биржевым репортером.

⁴⁵⁷ Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942) – военачальник, генерал-майор. В 1907 г. военный агент в Греции, в 1909–1918 гг. – в Сербии. Был принят на службу в армию Королевства сербов, хорватов, словенцев.

К вопросу о службе моей в министерстве Гаврилович еще раз вернулся во время кризиса Кабинета Пашича, когда был призван к власти демократический Кабинет Давидовича⁴⁵⁸ и министром финансов был назначен Спахо⁴⁵⁹, мусульманин, который первым делом уволил всех служащих пресс-бюро, в том числе и меня. Это все, что он нашел в десяти миллиардном бюджете королевства.

Когда я написал новому министру, что я был принят на службу еще при Кумануди (демократ), то он распорядился вновь принять меня на те же 1000 динаров жалованья.

Гаврилович опять вызвал меня в редакцию для объяснений, и я сказал ему, что без этого дополнительного жалованья мне трудно существовать с семьей, тем более на два дома. Казалось бы, самое естественное было прибавить мне эти 1000 динаров, как и было сделано по отношению к другому русскому сотруднику, Ксюнину⁴⁶⁰, который получал от них 3000 динаров. Но они промолчали.

Я печатал свои экономические статьи во всех серьезных сербских экономических журналах: «Экономист», «Привредни Преглед», «Боккарство», «Бранич» и др. Но «Политика» продолжала держать меня на биржевом отделе и не печатала моих статей. Работа моя была совсем нетрудная, но очень однообразная, изо дня в день одно и то же, и притом без всякого отдыха или перерыва, так как биржа никогда не прерывает своих занятий.

Первое время я пытался куда-нибудь уехать из Белграда, и одно время даже налаживалось мое назначение в Ригу в качестве торгового представителя от королевства. Но с падением Кабинета Давидовича это все рухнуло.

Не пожелал в этом помочь мне и Ксюнин, хотя мог и сам устроиться в «Политике» исключительно благодаря мне. Как-то в разговоре со мной на мое предложение отвести в «Политике» одну страницу для русского текста, где бы могли помещать статьи русские журналисты, Рибникар сказал мне, что это неудобно, но что он охотно примет в свою редакцию какого-либо русского писателя, кроме меня. По чрезмерной доброте своей Рибникар даже еще раз напомнил мне об этом.

Я невольно вспомнил про Ксюнина, который слонялся по Белграду без дела и, видимо, нуждался. Правда, тот же Ксюнин совсем иначе отнесся ко мне в Петербурге, когда при Временном правительстве я обратился к нему, зная, что он в это время был уже пайщиком «Нового времени». Ксюнин вышел ко мне в своей прекрасной квартире в <...>⁴⁶¹ и высокомерно ответил, что никакого заработка он мне предоставить не может.

Но я незлопамятен и хотел помочь бывшему сотруднику «Нового времени», где когда-то мы вместе работали.

Правда, я никак не ожидал, что Рибникар будет платить ему столь крупные гонорары: за первую его повесть «От Николая II до Ленина», возмущившую русских эмигрантов, редакция заплатила ему 17 000 динаров.

Если бы я это предвидел, то, конечно, списался бы с более достойным русским беллетристом в Париже, Берлине или Праге, тем более что «Политика» была уже знакома, например, с Аверченко⁴⁶² и очень к нему благоволила.

⁴⁵⁸ Давидович Любомир (1863–1940) – сербский и югославский государственный деятель. В 1919–1920, 1924 гг. глава правительства.

⁴⁵⁹ Спахо Мехмед (1883–1939) – сербский и югославский государственный деятель. В 1921 г. министр торговли и промышленности. В 1924 г. министр финансов. В 1927–1929 гг. министр торговли и промышленности.

⁴⁶⁰ Ксюнин Алексей Иванович (1882–1938) – журналист, публицист. Сотрудничал в газетах «Новое время» и «Вечернее время».

⁴⁶¹ В рукописи неразборчиво.

⁴⁶² Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – писатель, сатирик.

Ксюнинские же повести составлялись по определенному шаблону и являлись простой перелицовкой давно известного и пережеванного в русской прессе материала: ни одной яркой самостоятельной мысли.

Впоследствии, через мое же посредство по поводу похорон М. В. Родзянко, Ксюнин сумел пробраться и к Пашич у, и в Министерство иностранных дел, где и присосался в качестве спеца по большевистским вопросам.

По слухам, он вместе с Челищевым доставлял и материалы по обвинению Степана Радича⁴⁶³ в сношениях с большевиками, по каковому материалу якобы и был составлен обвинительный акт.

Когда я еще не раскусил достаточно Ксюнина и относился к нему с открытой душой, он как-то поведал мне, что получил приглашение в Париж в редакцию одной русской газеты, и на мой вопрос, принимает ли он это предложение, ответил решительным отказом.

Тогда я обратился к нему с письмом, не сочтет ли он возможным предоставить мне это место в Париже. Но я не получил даже ответа.

Я уже не говорю про его отношение к М. А. Суворину⁴⁶⁴, которому он всецело обязан был всей своей карьерой: теперь он ему не кланяется даже.

И вот уже шестой год, как я работаю в «Политике». Время все сглаживает. Наладилось оно и мои отношения с редакцией. Теперь уже и я не являюсь там пасынком, а полноправным членом – сотрудником. Привык я и к Сербии, и к Белграду, и к редакции, и к бирже. Привыкли и ко мне, видя и признав во мне серьезного работника.

Что будет дальше? Одному Богу известно.

Август. 1928 год. Белград

⁴⁶³ Радич Степан (1871–1928) – австро-венгерский и югославский политический деятель. Основатель Хорватской народной крестьянской партии. Был смертельно ранен в ходе парламентского заседания.

⁴⁶⁴ Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936) – журналист, издатель, сын А. С. Суворина.